

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 3 (51)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Ковалева Н. В., Сальников А. С.* Правовое регулирование деятельности юридической службы Министерства внутренних дел Российской империи во второй половине XVIII–XIX веков 7
- Крупеня Е. М.* Комплексные отрасли права и законодательства: некоторые проблемы общеправовой теории в контексте практики национальных правовых порядков Республики Беларусь и Российской Федерации 24
- Степанов М. М.* Глобальные изменения социальной реальности и интегративная роль права 32

Публичное право

- Матчанова З. Ш.* Развитие института ответственности в международном публичном праве в контексте актуальной международно-правовой проблематики 42
- Сурилов М. Н.* Правовая оценка влияния иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации 53

Частное право

- Беляева О. А.* Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты 71
- Кравчук А. А.* Теоретические и практические подходы к пониманию сущности категории «корпорация» 81
- Туранин В. Ю., Гусакова Ю. С.* Аттестация работников на предприятии: правовые аспекты 95

Трибуна молодых ученых

- Волков Д. А.* Техничко-юридические особенности
трудоого законодательства стран англосаксонской
правовой семьи 103
- Григоров Д. Н.* Проблемы ответственности за пропаганду
и демонстрирование символики, на которую распространяется
правовой запрет 111
- Гуляева П. С.* Применение генеративных языковых моделей
в условиях цифровизации нормотворчества..... 126

Научная жизнь

- Борисова Н. Е., Корчагина Т. В.* История государства и права
в условиях перехода к новой научной методологии
(обзор II Всероссийского форума историков права,
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.) 138

- Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,
2023, № 3 (51)»..... 146**

- Требования к оформлению статей..... 149

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Kovaleva N. V., Salnikov A. S.* Legal Regulation of the Legal Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Second Half of the XVIII–XIX Centuries..... 7
- Krupenya E. M.* Complex Branches of Law and Legislation: Some Problems of General Legal Theory in the Context of the Practice of National Legal Systems of the Republic of Belarus and the Russian Federation..... 24
- Stepanov M. M.* Global Changes in Social Reality and the Integrative Role of Law 32

Public Law

- Matchanova Z. Sh.* Development of the Institution of Responsibility in Public International Law in the Context of Current International Legal Issues 42
- Surilov M. N.* Legal Assessment of the Impact of Foreign Sanctions on the Integration of Higher Education Systems of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation 53

Private Law

- Belyaeva O. A.* Digital Evolution of Public Procurement: New Horizons..... 71
- Kravchuk A. A.* Theoretical and Practical Approaches to Understanding the Essence of the Category “Corporation” 81
- Turanin V. Yu., Guskova Yu. S.* Certification of Employees at the Enterprise: Legal Aspects 95

Tribune of Young Scientists

<i>Volkov D. A.</i> Technical and Legal Features of the Labor Legislation of the Countries of the Anglo-Saxon Legal Family	103
<i>Grigorov D. N.</i> Problems of Criminal Law Regulation of Artificial Intelligence and Ways to Solve Them	111
<i>Gulyaeva P. S.</i> Large Language Models Use in the Context of Rulemaking Digitalization	126

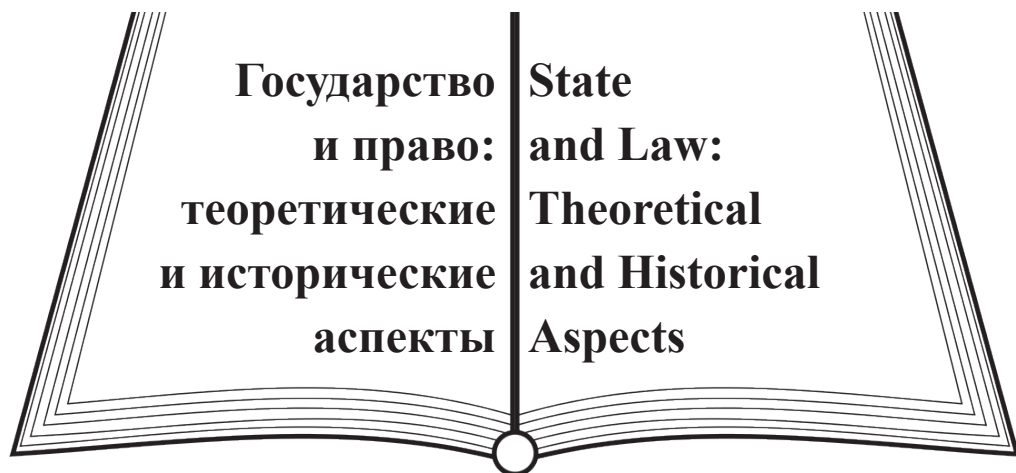
Scientific Life

<i>Borisova N. E., Korchagina T. V.</i> The History of State and Law in the Transition to a New Scientific Methodology (Review of the II All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 9–10, 2023).....	138
---	-----

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2023, № 3 (51)	146
-----------------------------	-----

Requirements for Style Articles	149
---------------------------------------	-----

УДК 351.741

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.01

Н. В. Ковалева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

А. С. Сальников

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: nevsky5@rambler.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–XIX ВЕКОВ**

Аннотация. Обращение к опыту становления и развития юридической службы МВД Российской империи со второй половины XVIII века имеет особое значение, так именно в этот период формируются специализированные юридические подразделения в одном из важнейших ведомств государства. В статье раскрыты и проанализированы первоисточники, на основе которых организовывались правовые подразделения, среди наиболее значимых функций которых была правовая экспертиза нормативных правовых актов. В изучаемом периоде условно выделены пять этапов, позволившие выявить закономерности регламентации их деятельности: функции, круг обязанностей, выделение отдельных структурных подразделений. Показано

закрепление на законодательном уровне некоего прообраза систематизации и накопления имеющихся нормативных актов, что позволяло оперативно получать правовую информацию, а в обязанности Управы благочиния входили своего рода функции по единообразному толкованию и исполнению законов.

Методологическую основу исследования составили преимущественно исторический метод познания и метод аналогии.

Цель работы: определить период формирования юридической службы МВД Российской империи на основе действовавших в то время нормативных правовых актов, выделить этапы, охарактеризовав каждый из них. Необходимо показать значение этой службы для деятельности подразделений системы МВД, выявить функции, которые были заложены уже во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской империи; юридическая служба; юрисконсульт; судебный отдел; Департамент полиции; 2-е делопроизводство.

UDC 351.741

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.01

N. V. Kovaleva

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

A. S. Salnikov

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: nevsky5@rambler.ru

LEGAL REGULATION OF THE LEGAL SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Abstract. Appeal to the experience of the formation and development of the legal service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire from the second half of the 18th century is of particular importance, since it was during this period that specialized legal units were formed in one of the most important departments of the state. The primary sources are revealed and analyzed, on the basis of which legal divisions were organized, among the most significant functions of which was the legal examination of normative legal acts. In the period under study, 5 stages were conditionally identified, which made it possible to identify the patterns of regulation of their activities: functions, terms of reference, allocation of individual structural units. It is shown that a certain prototype of the systematization and accumulation of existing regulations was fixed at the legislative level, which made it possible to quickly obtain legal information, and the duties of the Deanery Council included a kind of function for the uniform interpretation and implementation of laws.

The methodological basis was, first of all, the historical method of cognition. The regulation of the activities of the legal service in the period under study required a thorough study of primary sources, the identification of a chronological sequence of fixing certain aspects at the legislative level. The method of scientific knowledge was applied to study the emergence, formation and development of the legal service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire at a specific historical stage, as a result, knowledge was obtained about this, which was formulated with the allocation of certain stages and an indication of characteristic features. The analogy method made it possible to assume that by the end of the 18th century there was a certain prototype of the systematization and accumulation of existing normative acts, and in the same period a legal examination of normative legal acts was carried out.

The purpose of the work is to determine the period of formation of the legal service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on the basis of the regulatory legal acts in force at that time, to identify the stages, describing each of them. It is necessary to show the importance of this service for the activities of the units of the Ministry of Internal Affairs, to identify the functions that were already established in the second half of the 18th century.

Keywords: Ministry of the Interior of the Russian Empire; legal service; legal adviser; Judicial Department; Police Department; 2nd office work.

Введение

В современных реалиях правовое сопровождение функционирования любой из структур является важным фактором для успешной работы и качественного выполнения возложенных на нее функций. Особенно актуально это для ведомственных правовых подразделений, так как в условиях нестабильных общемировых процессов, неизменно влияющих на внутригосударственные, их слаженная работа и эффективное решение поставленных задач создают основу для безопасного и исправного функционирования государственных и общественных институтов, защиты прав и свобод отдельного человека.

Методы

Методологическую основу составил прежде всего исторический метод познания. Регламентация деятельности юридической службы в изучаемый период потребовала тщательного исследования первоисточников, выявления хронологической последовательности закрепления на законодательном уровне тех или иных аспектов. Метод научного познания был применен для изучения возникновения, формирования и развития юридической службы МВД Российской империи на конкретном историческом этапе, в результате были получены знания, которые сформулированы с выделением определенных этапов и указанием характерных особенностей. Метод аналогии позволил предположить,

что уже к концу XVIII века существовал некий прообраз систематизации и накопления имевшихся нормативных актов и в этот же период осуществлялась правовая экспертиза нормативных правовых актов.

Основное исследование

Прежде чем рассматривать вопросы правового регулирования деятельности юридической службы МВД Российской империи, необходимо отметить, что функция юридического обеспечения работы правоохранительных органов возникла еще в XVIII веке. Определенное хронологическое изложение позволит максимально емко осветить этот процесс, показав наиболее значимые моменты, а главное, обозначить нормативные правовые акты исследуемого периода.

В 1775 году императрицей Екатериной II был издан манифест «Учреждения для управления губерний Российской империи» (далее — Манифест 1775 года), на основе которого была осуществлена кардинальная реформа и создана, по сути, новая система административно-территориального устройства государства. Параллельно происходили процессы, направленные на серьезную реорганизацию полиции, а фактически — полицейская реформа. Так, в каждом уезде создавался новый административно-полицейский орган — нижний земский суд, к числу основных обязанностей последнего относились вопросы организации, контроля и управления органами благочиния (земской полиции), деятельность по осуществлению исполнения законодательства, а также реализация постановлений и решений правления, палат и уездного суда.

В соответствии со ст. 224 Манифеста 1775 года нижнему земскому суду предписывалось: «во-первых, иметь бдение дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок, во-вторых, чтобы предписанное законами полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было <...>, и третье, нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеление правления, решений палат, верхних и уездных судов и чинить отказы»¹. Именно на этот административно-полицейский орган уезда возлагались обязанности проведения в жизнь подзаконных актов и распоряжений местных губернских и уездных властей. В соответствии с требованиями главы «О городничем и его должности» (ст. 254) городничий был ответственен: 1) за полицию города или благочиние, 2) осуществление исполнения законодательства, 3) реализацию постановлений правления, а также решений палат и судов².

Для обозначения функции юридической службы в этот период необходимо обозначить и должность уездного стряпчего. Так, в ст. 410 Манифеста 1775 года говорится, что тягающихся «в противность законам, учреждениям и повелениям

¹ РГИА. Ф. 1329. Именные Указы и Высочайшие повеления Сенату (Коллекция). Оп. 1. Д. 138 «Именные Указы Сенату второй половины 1775 г.». Л. 361.

² Там же. Л. 361, 361 об.

Императорского Величества, уездный стряпчий должен защищать... и поступить как закон гласит» [15, с. 11].

В дальнейшем работа по формированию органов полиции продолжилась и уже 8 апреля (19 апреля по новому стилю) 1782 года императрицей Екатериной II был введен в действие «Устав благочиния или полицейский» [18] (далее — Устав 1782 года), который стал базовым нормативным документом организации системы полиции Российской империи. В соответствии с Уставом 1782 года была создана структура органов правопорядка в общегосударственном масштабе, закреплены уже имевшие место быть направления полицейской деятельности, а также определялись их новые функции и задачи. В частности, были созданы особые административные полицейские органы, названные управами благочиния. Были определены их структура, область деятельности, введены должности, установлены полномочия чиновников ведомства и т. д. Ряд положений Устава 1782 года касались обязанностей и компетенций, относящихся к деятельности правовых подразделений.

На основании ст. 51, 52 Устава 1782 года регламентировались правила регистрации поступающего нормативного правового акта, его обнародования и некоторой правовой экспертизы. В частности, статьей 51 предписывалось, что при получении управой какого-либо документа, изданного императорской (верховой) властью (указ, «узаконение», учреждение), в случае необходимости его обнародования он записывался «в первой книге число, месяц и год, когда получен; второе, откуда получен; третье, как получен». Уставом также регламентировалась необходимость осуществления правовой экспертизы документа, а также получения заключения. Экспертиза и подготовка заключения осуществлялись специальным чиновником управы — стряпчим. Он, в частности, должен был изучить нормативный правовой акт и при выявлении недостатков доложить о них по инстанции, при отсутствии же недостатков — опубликовать («окажется сомнение, то доложить, где надлежит, буде же нет сомнения; то пятое, учинить приговор обнародования»).

В Уставе 1782 достаточно тщательно был описан порядок обнародования нормативных правовых актов, прошедших процедуру экспертизы. Так, поступивший документ верховной власти необходимо было «прочитать при открытых дверях Частным Приставам и Квартальным Надзирателям; после чего, Частным Приставам обнародовать каждому в своей Части, а Квартальным Надзирателям в своем Квартале». Аналогичная процедура была установлена статьей 52 Устава 1782 года и для подзаконных актов («повелений и приказаний Правления и власть имеющих мест, в силу и следствие узаконений»). Несколько иной порядок регистрации и сохранения устанавливался статьей 53 Устава 1782 для нормативных актов, поступающих не для обнародования, а для исполнения. По отношению к ним было предписано: «исполнить; буде же прислано во известие, то хранить во известие».

Устав 1782 года содержит в себе и некий прообраз регламентации процесса систематизации и накопления нормативных правовых актов, что способствовало,

в свою очередь, более оперативному получению правовой информации. Так, ст. 54 Устава 1782 года говорила о том, что необходимо «иметь узаконения и учреждения в заседательной горнице». Данное незначительное установление, на первый взгляд, способствовало созданию на местах в масштабах государства системы учреждений, осуществляющих хранение нормативных правовых актов и предоставляющих возможность своевременного получения из них достоверных сведений [17, с. 382].

Статья 55 Устава 1782 года касалась вопросов юридической подготовки чиновников. В частности, предписывалось чиновникам, служащим в ведомстве благочиния, включая руководителей, ежедневно заниматься изучением нормативных правовых актов с целью компетентного и профессионального выполнения должностных обязанностей. В статье указывается: «Председателям, Заседателям и прочим по силе Учреждений употребленным людям читать и перечитывать узаконения и учреждения, и по крайней мере им на то употребить един досужий час в сутках, дабы отчасу учинились известие и памяти их возобновлялось положенное на них, и в чем ежечасно подвержены по силе присяги дать отчет и ответ небу и земли».

Важной составляющей компетенции ведомства благочиния являлись, в соответствии со ст. 56 Устава 1782 года, ряд функций, связанных с обеспечением единообразного толкования и исполнения законов. В частности, предписывалось осуществлять контроль за тем, чтобы жители города исполняли законы в соответствии с их официальным толкованием, в противном же случае указывалось, что «“всякую же новизну узаконению противную” пресекать “в самом начале”».

Указанные выше факты позволяют отметить, что в Уставе 1782 года впервые были установлены основополагающие функции и компетенции учреждений и чиновников полиции, их обязанности по должности, выражающие юридическое обеспечение деятельности. К ним, в частности, можно отнести правовую экспертизу, толкование правовых актов различного уровня и их систематизацию, а также правовое информирование и юридическую подготовку. Таким образом, можно говорить о том, что ряд правовых норм Устава 1782 года стали основой формирования новой отрасли права — права полицейского, а также положили начало формированию функции юридической службы в полицейском ведомстве России.

8 сентября (20 сентября по новому стилю) 1802 года императором Александром I был введен манифест «Об учреждении министерств» (далее — Манифест 1802 года). Данным нормативным правовым актом определялись основные принципы организации, функционирования создаваемых ведомств, сферу их ответственности, а также место в государственном механизме.

В соответствии с Манифестом 1802 года были организованы 8 министерств: Министерство иностранных дел, Министерство коммерции, Министерство военно-сухопутных сил, Министерство военно-морских сил, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство просвещения,

Министерство внутренних дел. При этом необходимо сказать, что Министерство внутренних дел в рассматриваемый период выполняло множество функций. Спектр деятельности МВД охватывал значительное число вопросов — от общественной безопасности до развития государственной промышленности.

Министерства в этот период истории выступали как единоначальные органы управления. Взамен коллегиальности (несмотря на ее номинальность), декларируемой для коллегий, решения в том или ином министерстве по вопросам его ответственности принимались единолично его руководителем — министром. В каждом министерстве, помимо министра, вводилась должность товарища министра, т. е. его заместителя, учреждалась канцелярия. В структуру министерств включались департаменты, возглавляемые директорами. Департаменты, в свою очередь, подразделялись на отделения, во главе которых стояли их начальники. В свою очередь, отделения включали в себя столы, управляемые столоначальниками.

Каждый министр имел право доклада по текущим вопросам лично императору. Деятельность министров, их полномочия были четко закреплены в специальных инструкциях. Текущие дела, как правило, выходящие за компетенцию конкретного министра, решались на так называемом Комитете. Последний представлял собой некое межведомственное собрание министров, на котором обычно присутствовал император. Надо отметить, что первоначально указанный орган не был закреплен законодательно. В упомянутом Манифесте 1802 года не был изложен порядок деятельности Комитета, а также не закреплено его официальное название. Тем не менее данный орган приобретал свою значимость именно благодаря присутствию на его заседаниях монарха. Министры, помимо права личного доклада императору по вопросам деятельности вверенного ведомства, могли узнать предварительное мнение монарха по обсуждаемым вопросам. В 1805 году данный орган получил официальное название Комитет министров (далее — Комитет) [1; 16, с. 28–30].

7 января 1803 года именным указом императора Александра I были утверждены штаты департаментов новых органов отраслевого управления — министерств. Именно в этот период в штатах Министерства юстиции впервые в истории были введены 3 должности юрисконсультов с жалованием в размере 3 тыс. рублей в год [11]. Отметим, что появление специального подразделения, занимавшегося сугубо юридическими вопросами в Министерстве внутренних дел, произошло лишь спустя 65 лет — в 1869 году при императоре Александре II.

Появление данных должностей не было случайным и было напрямую связано с проведением судебной реформы — одной из основных в рамках Великих реформ середины XIX века.

Основными векторами реформы были, во-первых, отделение судебной власти от власти административной, т. е. выведение суда из-под опеки государственных органов управления, создание внесловных судебных органов, что обеспечивало его независимость; во-вторых, состязательность, гласность и открытость процесса; в-третьих, классификация судебных дел на гражданские

и уголовные; в-четвертых, разделение судопроизводства на предварительное и судебное; в-пятых, установление сроков судопроизводства, что в значительной мере способствовало ускорению юридического процесса; в-шестых, несменяемость судей; в-седьмых, установление прокурорского надзора за осуществлением судопроизводства. Появляются институты судебных следователей, присяжных поверенных (адвокатура), прокуратуры, нотариат и судебные приставы.

Таким образом, в результате Судебной реформы Александра II была создана судебная система, при которой, помимо относительной независимости, состязательности и открытости, отличительными чертами ее персонального состава становились профессионализм, образованность и компетентность. В данной обстановке государственные ведомства должны были, с одной стороны, соответствовать веяниям времени, с другой — сама ситуация деятельности административных органов государства в новых условиях заставляла организовывать некий конкурентный ответ в лице специализированных подразделений, обладающих соответствующей юридической компетенцией.

В январе 1865 года министром императорского двора графом Владимиром Федоровичем Адлербергом на высочайшее имя была подана записка, в которой он указывал на то обстоятельство, что в связи с введением в действие Судебных уставов, административные ведомства поставлены в «совершенно новые отношения к Судебной власти по предметам, возбуждающим ответственность Министерств за ущерб во вверенной попечению их собственности и за действия подчиненных лиц, обвиняемых перед Судом Гражданским или Уголовным»³.

Согласно ст. 309, 1283, 1320, 1321 Устава гражданского судопроизводства [19] представители ведомств должны участвовать в судебных заседаниях в качестве истцов либо ответчиков, а также принимать участие в постановке судебных решений по искам должностных лиц. По мнению министра, в данной ситуации необходимо создание в государственных ведомствах особых органов, основной задачей которых будут являться взаимоотношения с судебной властью, участие в решении тех или иных правовых вопросов. Адлерберг предлагает создать межведомственный комитет из представителей министерств для разработки соответствующих предложений исходя из поставленных вопросов, среди которых он обозначил следующие: «1) Какие именно посредствующие органы нужны административным ведомствам для правильных и успешных сношений с Судебною властью. 2) В чем должны состоять права и обязанности таких органов, равно отношения их с одной стороны к своему начальству, с другой к Суду? 3) Какие по этому случаю средства нужны Министерством и прочим административным ведомствам и 4) Какие за сим оставалось бы сделать изменения и дополнения в действующих учреждениях Министерств и подведомственных им Установлений»⁴. Итогом работы

³ РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел. Оп. 233 (1866–1917). Д. 7. Л. 17.

⁴ Там же.

указанного комитета должны были стать разработанные им «проекты положений», относящиеся к рассматриваемому вопросу.

Комитет был высочайше утвержден 31 января 1866 года при Министерстве императорского двора. В ходе его работы были выработаны в числе прочего обоснования необходимости создания юрисконсультской части при Министерстве внутренних дел, которые в апреле 1867 года были вынесены на рассмотрение Особого совещания при Кабинете министров. На основании указанных предложений министром внутренних дел Петром Александровичем Валуевым было подготовлено представление о создании в министерстве юрисконсультской части⁵.

В документе обосновывалась необходимость создания при МВД юрисконсультского направления деятельности. Указывалось, что в связи с принятием Судебных уставов у ведомства возникли определенные функции по правовому обеспечению деятельности. В частности, акцентировалось внимание на необходимости переписки с Министерством юстиции по вопросам разделения административной и судебной части, координации и содействия деятельности в связи с введением Судебных уставов. Требовалось методическое обеспечение полиции и органов власти путем создания всевозможных инструкций по возникающим отношениям, связанным с проведением Судебной реформы. Существовала и необходимость разработки проектов нормативных правовых актов и иных документов в связи с применением судебных установлений к администрации, а также необходимость выступать в качестве представителя МВД в судах по делам, связанным с ведомством.

Был определен и ряд основных задач, которые ставились перед юрисконсультom. В частности, по мнению членов Комитета, юрисконсульт ведомства должен быть специалистом по законодательным и судебным вопросам, касающимся всего Министерства внутренних дел и его подразделений⁶. Исходя из этого, в круг его обязанностей включались: организация и контроль ведомственного делопроизводства по судебным вопросам; участие с правом голоса в различных ведомственных советах, комитетах и комиссиях в законодательной сфере; организация подготовки специальных заключений, «по делам производящимся в центральных частях Министерства»; представление Министерства по различным делам, затрагивающим интересы ведомства «в порядке, судебными уставами указанном»; выполнение поручений министра и доклады об «исполнении всех особых его приказаний»⁷.

В связи с важностью возлагаемых на юрисконсульта обязанностей, требующих достаточно широкой самостоятельности в организации и принятии решений, его служебный статус устанавливался на высоком уровне. Так, по своему служебному положению должность центрального юрисконсульта МВД в иерархии чинов приравнивалась к должности директора департамента. Он являлся

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 65.

«по званию своему» членом Совета министра, что распространяло на него служебные права, порядок назначения и увольнения, «установленные в законах для членов Министерских советов».

Квалификационные требования для претендента на данную должность были во многом схожи с требованиями, устанавливаемыми Судебными уставами для претендентов на судебные должности. Кандидат должен был иметь аттестат высшего образовательного учреждения об окончании курса юридических наук, либо сдаче экзамена по данному курсу, либо иметь опыт работы по судебной части, доказывающие его познания. При юрисконсульте предполагалась должность секретаря, который по своему статусу приравнивался к должности столоначальника в департаменте. По распоряжению министра внутренних дел в помощь юрисконсульту могли быть назначены чиновники министерства. Отмечалось также, что, по мнению членов Комитета, на местах аналогичные должности вводить не планировалось⁸.

2 января 1868 года, согласно утвержденному императором Александром II мнению Государственного совета «Об устройстве в некоторых Министерствах юрисконсультской части», организовывались специализированные юридические подразделения (части) в семи министерствах: Государственных имуществ, Внутренних дел, Морском, Финансовом, Императорского двора, Путей сообщения и в Ведомстве обер-прокурора Святейшего синода [8].

Практически во всех указанных ведомствах в состав юрисконсультской части входило по 2 должности — непосредственно юрисконсульт и его помощника. Исключение в данном случае составляли Министерство внутренних дел и Морское министерство. Так, в последнем число помощников составляло 4 должности, а в МВД вместо должности помощника вводилась должность секретаря юрисконсультской части. Юрисконсультские должности относились к V разряду, должности помощников — к VI разряду, секретаря в МВД — к VIII разряду. Денежное содержание по названным должностям составляло 2 тыс. рублей и 1 тыс. рублей в год соответственно. Также по должностям предусматривались столовые выплаты (в размере 2 тыс. рублей и 1 тыс. рублей соответственно) и квартирные (1 тыс. рублей и 500 рублей).

Предусматривался определенный бюджет, выделяемый для содержания юрисконсультской канцелярии. Объем денежных выплат в данном случае варьировался в зависимости от отраслевой принадлежности министерства от 3 тыс. рублей в Министерстве государственных имуществ до 1 тыс. рублей в МВД [8].

Согласно императорскому указу от 26 января (7 февраля) 1868 года на должность юрисконсульты МВД был назначен Павел Трофимович Китицын — действительный тайный советник, являющийся членом Совета министра внутренних дел и Медицинского совета при МВД⁹.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел. Оп. 233. (1866–1917). Д. 7. Л. 66.

⁹ РГИА. Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского двора. Оп. 37. Внутр. Оп. 249/1265. Д. 1 «Дело об определении юрисконсульты Министерства императорского двора, действительного статского советника Китицина». Л. 22–23.

19 мая 1871 года императором Александром II было утверждено мнение Государственного совета, которым вводились «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений» [2]. Согласно ст. V данного нормативного правового акта, при шефе корпуса жандармов учреждалась должность юрисконсульта. Данная должность, согласно документу, приравнивалась «относительно оклада содержания, класса должности и разряда пенсии и шитью на мундире» к аналогичным должностям иных министерств. Назначение на должность осуществлялось по представлению шефа корпуса высочайшей властью.

Причины введения указанной должности были аналогичны тем, что легли в основу создания юридической части в других ведомствах. Надо отметить, что на момент введения должности корпус жандармов не входил формально в систему МВД, это произошло позднее. Данная структура находилась в совместном ведении III Отделения Его Императорского Величества канцелярии, а также Военного министерства.

Именным указом императора Александра II от 6 (19) августа 1880 года «О закрытии Верховной Распорядительной комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов» [12] III Отделение было расформировано (п. 2), а его функции переданы Департаменту государственной полиции МВД. Шефом жандармов, согласно данному нормативному правовому акту, стал министр внутренних дел (п. 5).

Позднее, согласно именному указу Александра II от 15 (27) ноября 1880 года «Об учреждении Судебного отдела в составе Министерства внутренних дел» [9], имеющиеся юрисконсультские части при шефе жандармов и в МВД были расформированы (п. 1). Взамен на их основе в рамках Министерства внутренних дел был организован судебный отдел (п. 2). Подразделение организовывалось для «заведывания, по ближайшему усмотрению Министра Внутренних Дел судебными делами, поступающими на основании существующего порядка на рассмотрение означенного Министерства» (п. 2). По своей сути это было юридическое подразделение, занимавшееся в рамках своей компетенции в первую очередь юридическим сопровождением дел о государственных преступлениях, вопросами судебного представительства, а также вопросами правового обеспечения деятельности министерства. В компетенцию отдела также входили: разработка ведомственных нормативных актов (циркуляров и инструкций), подготовка юридических заключений и юридическое консультирование по поручению министра [4, с. 26]. Штатным расписанием подразделения в момент его формирования предусматривалось пять должностей (одна должность — управляющий отделом; две должности — делопроизводители; две должности — помощники делопроизводителей) [9].

В соответствии с высочайшим повелением от 11 июля 1881 г. судебный отдел был включен в Департамент государственной полиции МВД с подчинением непосредственно директору департамента. При этом штат отдела остался

без изменений. Надо отметить, что при указанном присоединении нормативно не был урегулирован вопрос правового обеспечения деятельности Министерства в целом. Буквальное прочтение рассматриваемого документа позволяет сделать вывод, что отдел должен был обеспечивать правовое сопровождение деятельности непосредственно департамента, а не всего министерства [13].

Такое положение вещей, по всей видимости, осознавалось руководством МВД, которое предпринимало попытки урегулировать вопрос посредством административных мер. Так, по состоянию на февраль 1882 года на одного из делопроизводителей судебного отдела, надворного советника Гожева, было возложено исполнение юрисконсультских обязанностей Министерства внутренних дел. Причем, будучи исполняющим обязанности в масштабах всего МВД, указанный чиновник дислоцировался в Департаменте общих дел, по крайней мере именно туда запрашивались им из судебного отдела «бумаги и книги законов бывшей Юрисконсультской части» для приобщения к «юрисконсультским делам»¹⁰.

18 февраля 1883 года, в соответствии с именным указом императора Александра III, судебный отдел как отдельное подразделение фактически прекратил свое существование. Его штаты, согласно документу, полностью поглощались штатами Департамента государственной полиции («...Отдел ввести окончательно в состав Департамента Государственной Полиции»). При этом вместо должности управляющего отделом вводилась должность вице-директора департамента, делопроизводители и помощники делопроизводителей отдела стали соответственно делопроизводителями и младшими помощниками делопроизводителей департамента (п. I). Обязанности, выполнявшиеся ранее чиновниками судебного отдела, отныне распределялись между делопроизводителями департамента. Был урегулирован вопрос с юридическим обеспечением деятельности МВД в целом. Так, предписывалось «предоставить Министру Внутренних Дел возложить исполнение юрисконсультских обязанностей по Министерству на одного из чинов сего Министерства» (п. III). Этим же указом было изменено и наименование самого Департамента государственной полиции, из названия которого было изъято слово «государственной» и впредь он стал называться Департаментом полиции (п. II) [10].

Необходимо отметить, что в рамках Департамента полиции (до 1883 года — Департамент государственной полиции), помимо уже названного судебного отдела, существовало подразделение, которое также осуществляло выполнение функций правового обеспечения. Речь идет о созданном в 1880 году 2-м делопроизводстве. В исторических документах оно именуется законодательным. Данное подразделение занималось целым комплексом вопросов, связанных с деятельностью Департамента полиции. В частности, к его компетенции относились вопросы организации и контроля за деятельностью учреждений полиции, охраны государственных границ, организации предупреждения

¹⁰ РГИА. Ф. 1282. Канцелярия Министра внутренних дел. Оп. 3 (1811–1917). Д. 21 «Дело о передаче материалов упраздненной Юрисконсультской части при шефе корпуса жандармов в Судебный отдел Министерства внутренних дел». Л. 1–15.

и пресечения преступлений против личной безопасности и безопасности имущества; контроля и утверждения уставов общественных организаций; вопросы, связанные с разрешением проведения различных культурно-массовых мероприятий (маскарадов, балов, танцевальных вечеров), организацией контроля деятельности различных питейных заведений и трактиров, обеспечением соблюдения паспортного режима [3, с. 150–151; 14, с. 11].

С 1881 года в компетенцию 2-го делопроизводства были добавлены функции по урегулированию отношений между рабочими и владельцами предприятий, с 1889 года — по решению вопросов, связанных с перемещением из-за рубежа подданных Российских империи, а уже с 1901 года компетенцию 2-го делопроизводства дополнили вопросы, касающиеся изменения границ уездов, сбора различных пожертвований, паломничества мусульман и многие другие вопросы [5–7].

Выводы

Проведенное исследование, основанное прежде всего на архивных источниках и анализе действовавших в означенный период нормативных правовых актов, позволяет сделать следующие выводы, которые не бесспорны и могут стать предметом дискуссии.

1. Достаточно условно формирование и, соответственно, регламентацию деятельности различного рода юридических подразделений в правоохранительных органах России второй половины XVIII–XIX веков в Российской империи можно разделить *на пять этапов*, каждый из которых характеризовался принятием того или иного нормативного правового акта, а нередко и нескольких, которые, в свою очередь, оказали существенное влияние на организацию ведомственной правовой работы.

Первым этапом можно обозначить период с 1775 года, когда императрицей Екатериной II был издан Манифест «Учреждения для управления губерний Российской империи»: определялся круг обязанностей городничего, вводилась должность уездного стряпчего. *Второй этап* следует обозначить с 1782 года, когда был утвержден «Устав благочиния или полицейский». В это время вводятся специальные административно-полицейские органы — управы благочиния, функции которых по природе своей во многом были тождественны функциям юридических подразделений, и именно в этот период устанавливается порядок регистрации, обнародования и своеобразной правовой экспертизы нормативных правовых актов.

Третий этап начинается с издания в 1802 году императором Александром I Манифеста об учреждении министерств, и уже в 1803 году утверждаются штаты департаментов созданных министерств, а в штате Министерства юстиции впервые появляются три должности юрисконсультов. Январем 1865 года можно датировать *четвертый этап*, когда велась целенаправленная работа

по созданию юрисконсультской части при Министерстве внутренних дел, а 26 января (7 февраля) 1868 года высочайшим указом по Министерству внутренних дел первым юрисконсультлом Министерства внутренних дел стал Павел Трофимович Китицын.

Возложение на жандармов в 1871 году функции «по исследованию преступлений» позволяет выделить начало *пятого этапа*: в 1881 году судебный отдел был введен в состав Департамента государственной полиции МВД и подчинен непосредственно директору данного департамента, а уже в 1883 году он прекратил свое существование — его штаты вошли в состав Департамента государственной полиции, который в дальнейшем был переименован в Департамент полиции. В то же время правовое обеспечение осуществляло созданное в 1880 году 2-е делопроизводство, компетенция которого была существенно расширена на рубеже XIX – начала XX веков.

2. Среди наиболее значимых функций правовых подразделений можно выделить правовую экспертизу нормативных правовых актов, введенную уже в 1782 году.

3. В тот же период был законодательно закреплён некий прообраз систематизации и накопления имеющихся нормативных актов, что позволяло оперативно получать правовую информацию, а в обязанности Управы благочиния входили своего рода функции по единообразному толкованию и исполнению законов.

Изучение регламентации формирования и деятельности юридических подразделений Министерства внутренних дел Российской империи представляется актуальным и в настоящее время и должно стать предметом дальнейшего более детального исследования с целью совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Высочайше утвержденные правила для Комитета Министров, в руководство при решении дел, по случаю отбытия Его Императорского Величества из Столицы // ПСЗ. Собр. I. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII (1804–1805). № 21896.

2. Высочайше утвержденные Правила о порядке действий чинов Корпуса Жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ. Собр. II. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1874. Т. XLVI (1825–1881). Отд. 1. № 49615.

3. Историческая справка к Ф. 102. Оп. 38–76, 302, 262. «2-ое делопроизводство (законодательное)» // Государственный архив Российской Федерации: путеводитель. Т. 1: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – нач. XX вв. / сост. А. В. Добровская, Б. Ф. Додонов, З. И. Перегудова и др.; ред. С. В. Мироненко, Г. Л. Фриз. М.: Благовест, 1994. 394 с.

4. История создания и развития юридической службы: от Русской правды до современности: бюллетень правового информирования / под ред. А. Г. Авдейко. М.: ФГКУ «ЭПК МВД России», 2018. 124 с.

5. Ковалева Н. В. Надзор фабричной инспекции за промышленными заведениями Российской империи XIX – начала XX веков // Безопасность труда в промышленности. 2021. № 7. С. 92–96.

6. Ковалева Н. В. Становление правового регулирования промышленного производства в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и право. 2007. № 11. С. 114–118.

7. Ковалева Н. В. Структура и функции государственных органов в сфере промышленного производства Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // История государства и права. 2007. № 2. С. 14–18.

8. Об устройстве в некоторых Министерствах юрисконсультской части // ПСЗ. Собр. II. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1873. Т. XLIII (1868). Отд. 2. № 45359.

9. Об учреждении Судебного отдела в составе Министерства внутренних дел // ПСЗ. Собр. II. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1884. Т. LV (1880–1881). Отд. 1, 2. Приложения. Штаты и таблицы. № 61551.

10. О введении Судебного отдела Министерства Внутренних дел в состав Департамента Государственной Полиции // ПСЗ. Собр. III. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1886. Т. III (1883). № 1392.

11. О Высочайше утвержденных штатах Департаментов: Министра Военных и Сухопутных сил, Министра Юстиции, Министра Внутренних дел, Министра Финансов, Министра Коммерции и Министра Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. II. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1873. Т. XXVII (1802–1803). Отд. 2, 3. № 20582.

12. О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов // ПСЗ. Собр. II. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1884. Т. LV (1880–1881). Отд. 1. № 61279.

13. О присоединении Судебного отдела Министерства Внутренних дел к Департаменту Государственной Полиции // ПСЗ. Собр. III. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1885. Т. I (1 марта 1881 г. – 31 декабря 1881 г.). № 317.

14. Организация правовой работы: учебное пособие / А. В. Борисов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2021. 144 с.

15. Потёмкин И. А., Климов А. Ю., Слепцова Т. В. Экспертные заключения по установлению памятных дат подразделений центрального аппарата МВД России: сборник. М.: Академия управления МВД России, 2020. 68 с.

16. Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 511 с.

17. Сальников А. С., Сальникова А. А. О дате образования юридической службы МВД России // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 381–383.

18. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗ. Собр. I. СПб.: Типография Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. Т. XXI. № 15379.

19. Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1964 года, с изложением рассуждений на коих оно основаны, изданные государственною канцелярией. Ч. 1. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. 764 с.

References

1. Vy`sochajshe utverzhdenny`ya pravila dlya Komiteta Ministrov, v rukovodstvo pri reshenii del, po sluchayu otby`tiya Ego Imperatorskago Velichestva iz Stolicy // PSZ. Sobr. I. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. T. XXVIII (1804–1805). № 21896.
2. Vy`sochajshe utverzhdenny`ya Pravila o poryadke dejstvij chinov Korpusa Zhandarmov po izsledovaniju prestuplenij // PSZ. Sobr. II. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1874. T. XLVI (1825–1881). Otd. 1. № 49615.
3. Istoricheskaya spravka k F. 102. Op. 38–76, 302, 262. «2-oe deloproizvodstvo (zakonodatel`noe)» // Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii: Putevoditel`. T. 1: Fondy` Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii po istorii Rossii XIX – nach. XX vv. / sost. A. V. Dobrovskaya, B. F. Dodonov, Z. I. Peregudova i dr.; red. S. V. Mironenko, G. L. Friz. M.: Blagovest, 1994. 394 s.
4. Istoriya sozdaniya i razvitiya yuridicheskoy sluzhby`: ot Russkoj pravdy` do sovremennosti: byulleten` pravovogo informirovaniya / pod red. A. G. Avdejko. M: FGKU «E`PK MVD Rossii», 2018. 124 s.
5. Kovaleva N. V. Nadzor fabrichnoj inspekcii za promy`shlenny`mi zavedeniyami Rossijskoj imperii XIX – nachala XX vekov // Bezopasnost` truda v promy`shlennosti. 2021. № 7. S. 92–96.
6. Kovaleva N. V. Stanovlenie pravovogo regulirovaniya promy`shlennogo proizvodstva v Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 11. S. 114–118.
7. Kovaleva N. V. Struktura i funkcii gosudarstvenny`x organov v sfere promy`shlennogo proizvodstva Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 2. S. 14–18.
8. Ob ustrojstve v nekotory`x Ministerstvax yuriskonsul`tskoj chasti // PSZ. Sobr. II. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1873. T. XLIII (1868). Otd. 2. № 45359.
9. Ob uchrezhdenii Sudebnago otdela v sostave Ministerstva vnutrennix del // PSZ. Sobr. II. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1884. T. LV (1880–1881). Otd. 1, 2. Prilozheniya. Shtaty` i tabeli. № 61551.
10. O vvedenii Sudebnago otdela Ministerstva Vnutrennix del v sostav Departamenta Gosudarstvennoj Policii // PSZ. Sobr. III. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1886. T. III (1883). № 1392.
11. O Vy`sochajshe utverzhdenny`x shtatax Departamentov: Ministra Voenny`x i Suxoputny`x sil, Ministra Yusticii, Ministra Vnutrennix del, Ministra Finansov, Ministra Kommercii i Ministra Narodnogo Prosveshheniya // PSZ. Sobr. II. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1873. T. XXVII (1802–1803). Otd. 2, 3. № 20582.
12. O zakry`tii Verxovnoj Rasporyaditel`noj Komissii, uprazhnenii III Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii i ob uchrezhdenii Ministerstva Pocht i Telegrafov // PSZ. Sobr. II. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1884. T. LV (1880–1881). Otd. 1. № 61279.
13. O prisoedinenii Sudebnago otdela Ministerstva Vnutrennix del k Departamentu Gosudarstvennoj Policii // PSZ. Sobr. III. SPb. Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1885. T. I (1 marta 1881 g. – 31 dekabrya 1881 g.). № 317.

14. Organizaciya pravovoj raboty`: uchebnoe posobie / A. V. Borisov [i dr.]. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 144 s.
15. Potyomkin I. A., Klimov A. Yu., Slepčova T. V. E`kspertny`e zaklyucheniya po ustanovleniyu pamyatny`x dat podrazdelenij central`nogo apparata MVD Rossii: sbornik. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. 68 s.
16. Remnev A. V. Samoderzhavnoe pravitel`stvo: Komitet ministrov v sisteme vy`sshego upravleniya Rossijskoj Imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSPE`N), 2010. 511 s.
17. Sal`nikov A. S., Sal`nikova A. A. O date obrazovaniya yuridicheskoy sluzhby` MVD Rossii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 7 (170). S. 381–383.
18. Ustav Blagochiniya ili Policejskij // PSZ. Sobr. I. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo velichestva kancelarii, 1830. T. XXI. № 15379.
19. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva // Sudebny`e ustavy` 20 noyabrya 1964 goda, s izlozheniem rassuzhdenij na koix ono osnovany`, izdannyy`e gosudarstvennoyu kancelarij. Ch. 1. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelarii, 1867. 764 s.

Статья поступила в редакцию: 11.05.2023;
одобрена после рецензирования: 24.05.2023;
принята к публикации: 29.05.2023.

The article was submitted: 11.05.2023;
approved after reviewing: 24.05.2023;
accepted for publication: 29.05.2023.

УДК 340.5 (470+476)

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.02

Е. М. Крупеня

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: krupenyaem@mgru.ru

КОМПЛЕКСНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВООРЯДКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы уточнить содержание таких объектов теоретической юриспруденции, как комплексные отрасли права и комплексные отрасли законодательства, в контексте смежных понятий средствами общеправовой теории. Использование общенаучных и частнонаучных методов позволило предложить решение для уточнения их инфраструктурных показателей в условиях существования проблемных зон в понимании. Представленные максимально полно и холистически признаки вторичных правовых образований в системе права при сопоставлении комплексных отраслей с нормативно-правовыми массивами в системе законодательства могут быть полезными не только в научном и педагогическом плане. Инфраструктурные показатели отрасли могут использоваться в практической деятельности субъектов права, в частности в процессе систематизации отраслей законодательства.

Ключевые слова: отрасль права; отрасль законодательства; система права; позитивное право; правовая система; комплексная отрасль права; комплексный правовой институт; алгоритм искусственного интеллекта; систематизация отраслей законодательства.

UDC 340.5 (470+476)

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.02

Е. М. Krupenya

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: krupenyaem@mgpu.ru

COMPLEX BRANCHES OF LAW AND LEGISLATION: SOME PROBLEMS OF GENERAL LEGAL THEORY IN THE CONTEXT OF THE PRACTICE OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The purpose of the study is to clarify the content of such objects of theoretical jurisprudence as «complex branches of law» and «complex branches of legislation» in the context of related concepts by means of general legal theory. The use of general scientific and private scientific methods allowed us to propose a solution to clarify their infrastructural indicators in the conditions of the existence of problem zones in the understanding. The features of secondary legal entities in the legal system presented as fully and holistically as possible when comparing complex branches with regulatory arrays in the legislative system can be useful not only in scientific and pedagogical terms. Infrastructure indicators of the industry can be used in the practical activities of legal entities, in particular, in the process of systematization of branches of legislation.

Keywords: branch of law; branch of legislation; system of law; positive law; legal system; complex branch of law; complex legal institute; artificial intelligence algorithm; systematization of branches of legislation.

Введение

Актуальность теоретико-правовой разработки проблем комплексных отраслей права в их соотношении с отраслями законодательства, а шире — иными правовыми комплексами в национальной правовой системе, поддерживается системой факторов и научного методологического, и практического свойства.

В числе приоритетных в первой группе — междисциплинарный синтез, который интегрирован в систему принципов постнеклассической рациональности [5] и способствует обмену научной информацией не только между различными областями социогуманитарного и естественно-научного знания, в чем легко убедиться на примере конвергентных технологий, но и, что особенно важно, между различными сферами правоведения [6].

В процессе такого обмена научной информацией о правовых комплексах в системе позитивного права и системе законодательства переоценить роль

общеправовой теории едва возможно. При этом при конструировании знаний об общих закономерностях возникновения, развития и состояния правовых комплексов в системе позитивного права теория учитывает достижения и других сфер правоведения. Примером, обладающим значительной доказательной силой, является наука экологического права [8] — идеологический источник соответствующей правовой отрасли.

Поскольку теоретические обобщения конструируются и на основе фактуальности позитивного права, важно акцентировать внимание на правовом опыте. Эмпирическая основа данного исследования представлена некоторым опытом правового регулирования отношений в сфере экологии и охраны окружающей среды в национальных правовых порядках Республики Беларусь и Российской Федерации — субъектов конфедеративного образования — Союзного государства.

В числе детерминант, актуализирующих потребность в уточнении научно-теоретических представлений о комплексных отраслях права в их соотношении с отраслями законодательства практического свойства, укажем лишь наиболее приоритетные в разных сегментах социума: на уровне государства и на уровне гражданского общества.

На уровне государства:

❖ правовая политика в контексте хорошего управления [1] социального государства [4; 7], которое в стремлении обеспечить достойный уровень жизни граждан осуществляет мониторинг, а на его основании и необходимое правовое регулирование значимого общественного блага — состояния окружающей среды и экологической безопасности общества — элемента национальной безопасности государства. При этом решается комплекс задач, вытекающих из оценки современного состояния экологической безопасности, по аналогии с той, которая, например, была дана при принятии Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Главные из них — это сбережение нации, минимизация влияния факторов, которые несут риски депопуляции, готовность оперативно отвечать на вызовы, аналогичные тем, с которыми столкнулись страна и мир в период, например, коронавирусной инфекции COVID-19;

❖ первоочередность конституционных норм и норм международного права в процессе реализации хорошего управления, которое в контексте показателей социального государства предполагает выдвигает на первый план человекомерность и адекватные данному принципу практики. На это ориентируют конституционные нормы в национальных правовых порядках. Например, ст. 1 Конституции Республики Беларусь детерминирует смысл и содержания ст. 21, 46 и 55 основного закона государства в границах национальной правовой системы; улучшение качества жизни каждого представителя нации в соответствии с парадигмой антропоцентризма, которая поддерживается конституционным правом граждан на здоровую окружающую среду, а в некоторых национальных правовых порядках (Республика Беларусь) обеспечивается правом на подачу прямой конституционной жалобы;

❖ межгосударственная стратегия унификации законодательств двух государств — Республики Беларусь и Российской Федерации — как субъектов конфедеративного образования на основании конституционных регуляторов государств и содержания ст. 5 Договора о создании Союзного государства.

На уровне гражданского общества:

❖ деятельность хозяйствующих субъектов, которые в качестве главной цели рассматривают производство традиционных и при этом в обязательном порядке экологичных продуктов питания, что является реальным ответом в противостоянии гринвошингу в условиях проблем правового регулирования данного типа отношений;

❖ развитие индустрии общественного питания субъектами, которые используют в производстве преимущественно отечественные экологичные продукты и выступают амбассадорами, масштабирующими культурные практики потребления качественных продуктов питания отечественного производства (фермерские продукты).

Методы

Методологическая основа исследования является сложносоставной, поскольку представлена общенаучными и частнонаучными методами, организованными системно на идейной основе принципа междисциплинарности. В числе общенаучных методов, которые оказались полезными для разработки разных сюжетов темы, — анализ и синтез, коррелирующие с методом эмпиризма; системный метод, который позволил выявить положение комплексных отраслей права в системе позитивного права национального государства; типологизация в отношении отраслей права.

Среди теоретических методов наиболее востребованным оказался аксиоматический метод, эффективность которого проявляется при анализе понятий, составляющих теоретический контекст темы, а также используемых для описания отрасли и ее инфраструктурных показателей.

В группу частнонаучных методов были интегрированы следующие: формально-юридический метод был применен при анализе содержания нормативных правовых актов в национальных правовых порядках (Российская Федерация, Республика Беларусь); сравнительно-правовой метод оказался полезным в процессе синхронного анализа законодательных массивов государств в рамках Союзного государства России и Республики Беларусь.

Основная часть

В границах предмета общеправовой теории комплексные отрасли права выделяются среди иных правовых комплексов в контексте сложной классификации

отраслей права — типологизации и установления отличий от самостоятельных отраслей права на основе ряда критериев [2, с. 189]. Общим местом в науке признается тезис о том, что комплексные отрасли права обособляются на основании прежде всего предмета правового регулирования, который характеризуется двойко: во-первых, как материальный (первичный) инфраструктурный показатель отрасли, поскольку именно предмет обуславливает основные способы правового регулирования, обобщенные в доминирующем методе, — он объединяет элементы императивного и диспозитивного регулирования; во-вторых, как сложный (многосоставной). Гибридный состав отношений, составляющих предмет правового регулирования отрасли, выступает фундаментальным основанием при объяснении, почему той или иной отрасли права присваивается название «комплексная».

Применительно к отрасли «Экологическое право» необходимая аргументация приводится, например, белорусскими исследователями — представителями науки экологического права [8, с. 15]. С такой аргументацией можно согласиться, тем более что она осуществлена в границах классического подхода, персонафицированного научным творчеством Г. Ф. Шершеневича, который предлагает три вектора анализа: практический, теоретический, педагогический.

В контексте вышеизложенного, а также принимая во внимание достижения теоретико-правовой науки в период постнеклассического периода развития юриспруденции и актуальное состояние научного дискурса, стоит отметить несколько проблемных зон, а именно:

❖ современная теоретико-правовая наука в качестве инфраструктурных показателей отрасли права не ограничивается лишь предметом и методом правового регулирования. Помимо базовых показателей отрасли права исследователям предлагается учитывать и иные показатели: цели и задачи регулирования; принципы регулирования; функции отрасли права; субъектный состав отношений; формальные источники; структура отрасли; место отрасли в системе позитивного права в национальной правовой системе; количество правовых норм; понятийный аппарат, который вырабатывается самостоятельной наукой, признаваемой в качестве неформального (идеологического) источника [2, с. 186], и др. Стоит сосредоточить внимание на двух моментах. Прежде всего, на том, что значение имеет не столько количество показателей отрасли права, сколько их системное единство. Другой важный момент состоит в том, что обособление отраслей законодательства, в том числе комплексных, осуществляется хотя и в результате систематизации уполномоченными государством субъектами права, но все же не произвольно, а под влиянием отраслевой организации позитивного права в масштабах правовой системы. Поэтому теория критериев отраслей позитивного права в национальной правовой системе, представленных системно, призвана выступать в качестве надлежащего сопровождения данного процесса;

❖ в уточнении нуждаются границы понятий: комплексная отрасль права в типологии противопоставляется классической отрасли и такому правовому феномену, как комплексный правовой институт [3]. Результаты научных

исследований дают достаточно оснований для того, чтобы аргументированно утверждать: в процессе формирования нюансированного знания о комплексной отрасли права важно принять во внимание, что для обособления комплексного правового института достаточным основанием является наличие объекта, а не предмета правового регулирования. Что же касается отрасли права, то наравне с другими показателями необходимо наличие и объекта, и предмета правового регулирования;

❖ едва ли можно логически обосновать то, что понятия «комплексная отрасль права» и «комплексная отрасль законодательства» часто используются как взаимозаменяемые. На основании такого критерия самостоятельной правовой отрасли, как наличие формальных источников, среди которых, в частности, и нормативные правовые акты в форме кодифицированных законов; эти правовые комплексы стоит анализировать как связанные, но при этом нетождественные. Теоретическим контекстом данного утверждения и необходимым логико-смысловым основанием для него являются смежные общеправовые категории — «система права» и «система законодательства». Кроме того, важно учитывать и то, что предмет отрасли законодательства вариативен, это объясняется тремя факторами: 1) он входит в предмет отрасли права; 2) он может совпадать с ним; 3) он может регулироваться различными отраслями права [2, с. 190].

Заключение

На основании изложенного выше можно констатировать, что предложенные решения, которые выражены концентрированно, обладают определенным эвристическим потенциалом для уточнения содержания таких идеальных объектов теоретической юриспруденции, как «комплексные отрасли права» и «комплексные отрасли законодательства», а также смежного с ними понятия «комплексный правовой институт». Практические их эффекты связаны, во-первых, с более наукоемким преподаванием соответствующего раздела общеправовой теории и производной учебной дисциплины «Проблемы общей теории государства и права», а также специальных юридических дисциплин; во-вторых, инфраструктурные показатели отрасли права, представленные максимально полно и системно, остаются надежными с научной точки зрения ориентирами и для систематизации — специальной правовой деятельности по приведению в стройную и непротиворечивую систему отраслей права в национальных правовых порядках и системы формализованных источников национального права. Инфраструктурные показатели отрасли права, представленные максимально полно и системно, могут быть применены в процессе обучения искусственного интеллекта, технология которого позволит повысить эффективность обработки большого массива нормативных правовых актов, особенно в процессе кодификации — особой формы правотворчества.

Список источников

1. Василевич Г. А. Законодательное обеспечение права на хорошее управление // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3–4 окт. 2019 г.) / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. Г. А. Василевич. Минск: БГУ, 2019. С. 28–34.
2. Глухарева Л. И., Крупеня Е. М. Теория государства и права: курс в схемах. Саратов: Саратовский источник, 2022. 416 с.
3. Крупеня Е. М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Курск, 2019. 488 с.
4. Крупеня Е. М., Смолина И. Г. К вопросу о понимании социального государства: из опыта международного диалога (обзор Международной научно-практической конференции «Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях» (Минск, 3–4 октября 2019 г.)) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 1 (37). С. 99–103.
5. Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: монография / отв. ред. А. А. Дорская. СПб.: Астерион, 2012. 483 с.
6. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 22–27.
7. Старшова У. А. Доктрина социального государства: теоретико-методологический анализ // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 3 (47). С. 160–169.
8. Экологическое право: учеб. пособие / под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. Минск: БГУ, 2008. 379 с.

References

1. Vasilevich G. A. Zakonodatel'noe obespechenie prava na horoshee upravlenie // Konstitucionno-pravovy'e osnovy` razvitiya Respubliki Belarus` kak social'nogo gosudarstva v sovremenny`x usloviya: materialy` mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 3–4 okt. 2019 g.) / Belarus. gos. un-t; otv. red. G. A. Vasilevich. Minsk: BGU, 2019. 556 s.
2. Gluxareva L. I., Krupenya E. M. Teoriya gosudarstva i prava: kurs v sxemax. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. 416 s.
3. Krupenya E. M. Statusnoe publichnoe pravo kak kompleksny`j institut v pravovoj sisteme: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Kursk, 2019. 488 s.
4. Krupenya E. M., Smolina I. G. K voprosu o ponimanii social'nogo gosudarstva: iz opy`ta mezhdunarodnogo dialoga (obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Konstitucionno-pravovy'e osnovy` razvitiya Respubliki Belarus` kak social'nogo gosudarstva v sovremenny`x usloviyax» (Minsk, 3–4 oktyabrya 2019 g.)) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 1 (37). S. 99–103.
5. Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiskax novy`x metodologicheskikh reshenij: monografiya / otv. red. A. A. Dorskaya. SPb.: Asterion, 2012. 483 s.
6. Pashencev D. A. Istoriko-pravovaya nauka v usloviyax novoj nauchnoj racional'nosti // Istoriko-pravovaya nauka v usloviyax sovremenny`x social'ny`x transformacij:

sbornik nauchny`x statej po itogam Vserossijskogo foruma istorikov prava / pod red. A. A. Dorskoj, D. A. Pashenceva. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. S. 22–27.

7. Starshova U. A. Doktrina social'nogo gosudarstva: teoretiko-metodologicheskij analiz // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki», 2022. № 3 (47). S. 160–169.

8. E`kologicheskoe pravo: ucheb. posobie / pod red. T. I. Makarovoj, V. E. Lizgaro. Minsk: BGU, 2008. 379 s.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2023;

одобрена после рецензирования: 20.05.2023;

принята к публикации: 22.05.2023.

The article was submitted: 04.05.2023;

approved after reviewing: 20.05.2023;

accepted for publication: 22.05.2023.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.03

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: stepanovtao@mail.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИНТЕГРАТИВНАЯ РОЛЬ ПРАВА

Аннотация. Основным фактором, определяющим развитие современного мира, являются технологии. Происходящие процессы можно рассматривать через парадигмы промышленных революций или технологических укладов, но вне зависимости от выбранного подхода следует констатировать, что в настоящее время происходят глобальные изменения социальной реальности. Трансформация социума порождает необходимость поиска и разработки инструментария, который позволит упорядочить происходящие процессы, регламентировать отношения в современном обществе. Представляется, что важнейшим социальным регулятором, в том числе и в обозримом будущем, продолжит оставаться право. Особое значение приобретет его интегративная функция, задачами которой является разрешение конфликтов и достижение социального компромисса; осуществление координации и сплочения в обществе, его гармонизация и стабилизация. На ее осуществление определяющее воздействие оказывают регулятивный, волевой и аксиологический компоненты права. Динамика развития ценностной составляющей права позволяет говорить о том, что значение правовых ценностей в процессе социального созидания, поддержания мира и единства общества в перспективе только возрастет. В условиях глобальных изменений социальной реальности вполне обоснованным является предположение о том, что в ближайшие десятилетия интегративная роль права станет ключевой, при этом в определенной степени возможна ее эволюция.

Ключевые слова: технологии; промышленная революция; технологический уклад; социальные трансформации; интегративная функция права; регулятивный компонент права; волевой компонент права; аксиологический компонент права; правовые ценности; интегративная роль права.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.03

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: stepanovtao@mail.ru

**GLOBAL CHANGES IN SOCIAL REALITY
AND THE INTEGRATIVE ROLE OF LAW**

Abstract. The main factor determining the development of the modern world is technology. The ongoing processes can be viewed through the paradigms of industrial revolutions or technological modes, but regardless of the chosen approach, it should be stated that global changes in social reality are currently taking place. Transformation of society generates the need to search and develop tools that will allow to order the processes taking place, to regulate relations in modern society. It seems that the most important social regulator, including in the foreseeable future, will continue to be the law. Its integrative function will acquire special importance, the tasks of which are to resolve conflicts and achieve social compromise; the implementation of coordination and cohesion in society, its harmonization and stabilization. The regulatory, volitional, and axiological components of law have a determining influence on its implementation. The dynamics of the development of the value component of law suggests that the importance of legal values in the process of social creation and the maintenance of peace and unity of society will only increase in the future. In the conditions of global changes of social reality it is quite reasonable to assume that in the coming decades the integrative role of law will become the key one, with a certain evolution is possible.

Keywords: technology; industrial revolution; technological mode; social transformation; integrative function of law; regulatory component of law; volitional component of law; axiological component of law; legal values; integrative role of law.

Введение

С момента своего появления на Земле человек начал изменять окружающий мир, приспособливая его к своим нуждам. Но только со второй половины XX века воздействие Homo sapiens на природу стало настолько сильным и явным, что позволило говорить о ее глобальной трансформации. Основной причиной происходящих изменений является развитие технологий и основанных на них производств.

По мнению К. Шваба, сложившаяся в настоящее время ситуация описывается понятием «четвертая промышленная революция», которая не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества [14]. Ее отличают экспоненциальные темпы развития, широта и глубина проникновения, а также системное преобразование окружающего человека мира. В основе четвертой

промышленной революции находится цифровая революция, которая характеризуется наличием Интернета (прежде всего мобильного Интернета), миниатюрных производственных устройств, искусственного интеллекта и обучающихся машин. И хотя К. Шваб также отмечает развитие всех других технологий и их синтез и взаимодействие, являющиеся фундаментальным отличием четвертой промышленной революции, но главной ее особенностью стали цифровые преобразования.

Во многом поддерживая точку зрения К. Шваба, отметим, что происходящие тектонические изменения более точно описывает научный подход, связанный с понятием «технологический уклад» [4, с. 45]. В начале XXI века произошел переход от пятого к шестому технологическому укладу, который в настоящее время активно развивается. Его ядро составляют NBICS-технологии (сокр. от *англ.* NanoBioInfoCogno): нанотехнологии (главная движущая сила его развития), биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, социальные технологии. Их отличительной особенностью является конвергентность, которая проявляется в способности к синергичному взаимодействию, приводящему к лавинообразному появлению открытий, изобретений и продуктов в различных областях человеческой деятельности.

Происходящие процессы актуализируют проблему поиска инструментов социального контроля, которые позволили бы не допустить стихийных социальных трансформаций. Представляется, что основным таким инструментом может стать право, интегративную роль которого в этих условиях трудно переоценить.

Методы

Методология работы включает всеобщий (диалектический материализм), общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический, социологический и др.) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический и др.) методы исследования. Указанные методы применялись комплексно, с учетом методологических принципов современного этапа развития науки, основанного на постнеклассической рациональности.

Кроме того, при исследовании глобальных изменений социальной реальности применялись подходы, характерные для постклассической науки [8]. В частности, присущий ей методологический плюрализм дал возможность рассмотреть происходящие в обществе процессы на основе понятий «промышленная революция» и «технологический уклад». Это позволило провести анализ социальных трансформаций и их динамику, а также обосновать значение права как важнейшего регулятора общественных отношений и роль его интегративной функции в осуществлении контроля над социальными метаморфозами.

Основная часть

Масштабные изменения социальной реальности

Изучение процессов технологического развития, вне зависимости от используемых при этом подходов, позволяет говорить о колоссальном воздействии технологий на социум. Так, К. Шваб пишет: «Что касается социальной сферы, то смена парадигм происходит в том, как мы работаем и общаемся, самовыражаемся, получаем информацию и развлекаемся. Аналогичная трансформация происходит на уровне правительств и государственных учреждений, а также, наряду с прочими системами, в образовании, здравоохранении и транспорте» [14, с. 10]. На глубокую трансформацию социальной реальности в ее глобальном измерении указывает и С. Ю. Глазьев [4].

При этом далеко не всегда воздействие технологий на социум является позитивным. К. Шваб отмечает: «Четвертая промышленная революция в равной мере создает как колоссальные преимущества, так и колоссальные проблемы. Особую озабоченность в обществе вызывает усугубляющееся неравенство» [14, с. 16]. Далее он продолжает: «С широкой социальной точки зрения одним из наиболее значительных (и наиболее заметных) эффектов перехода к цифровым технологиям стало появление общества, сконцентрированного на себе, основанного на индивидуализации и появлении новых форм сопричастности и сосуществования сообществ» [14, с. 76]. Изменения затронут и отдельную личность: «Четвертая промышленная революция изменяет не только то, что мы делаем, но и то, кем мы являемся. На нас, индивидуумов, это окажет многоплановое влияние, скажется на нашей идентичности и различных гранях ее проявления...» [14, с. 79]. О вызовах и угрозах, связанных с цифровой революцией, а также наступлением шестого технологического уклада, пишет и С. Ю. Глазьев [3]. Л. В. Карнаушенко справедливо отмечает, что прогресс информационных технологий создает ряд рисков и угроз для государства, от решения возникающих проблем будут зависеть его перспективы в обществе XXI века [6].

Происходящие в социуме трансформации, связанные с наступлением шестого технологического уклада, можно рассматривать с различных точек зрения. Например, В. И. Аршинов и В. Г. Буданов указывают на возможность улучшения природы человека, его здоровья и долгожительства; создания экологичной энергетики, промышленности, транспорта и сельского хозяйства; оптимизации процессов в экономике и управлении; создания умных сред и гибридных форм взаимодействия человека и искусственного интеллекта и др. [1]. В то же время В. Г. Буданов отмечает возможность наступления рисков массовой безработицы; редуцирования численности населения; использования информационно-коммуникационных сетей для формирования мировоззрения и ценностей населения, а также в преступных целях; расчеловечения и т. д. [2].

Нельзя не согласиться с утверждением, что цифровая трансформация всех сфер общественной жизни является ключевым трендом развития социума, видоизменяющим все традиционные отношения, создающим новые возможности

для граждан и организаций. При этом она является серьезным вызовом для государства как института публичной власти, а также несет в себе риски как для отдельного гражданина, так и для общества в целом (цифровое неравенство, мошенничество с использованием цифровых технологий и др.) [11].

Исследователями также отмечается, что современный социум необходимо рассматривать не только как пространство офлайн-среды, но и как пространство онлайн-среды, поскольку в настоящее время практически каждый индивид в той или иной степени включен в виртуальное пространство. Следует учитывать и трансформацию процессов мобильности населения в связи с наличием современных информационных технологий, позволяющих проживать на одной территории (в одной национальной юрисдикции), а учиться и работать на другой территории (в другой национальной юрисдикции). Изменяется стратификационная структура общества — она становится более плоской, стираются многие ранговые отличия. Глобальная перестройка социальных систем приводит к трансформации личности, которая пытается адаптироваться к новым условиям [5].

Таким образом, технологическая революция влечет за собой ряд антропологических, технологических и социальных сдвигов, которые выводят общество на новый этап цивилизационного развития. Другими движущими силами социальной эволюции являются изменение среды обитания человека; динамика численности и структуры народонаселения; конфликты, возникающие прежде всего в процессе борьбы за ресурсы и при отстаивании своих национальных интересов; трансформация мировоззрения и культуры населения.

Социальные метаморфозы происходят в различных областях и сферах жизни человека, становятся глобальными и необратимыми. Например, активное внедрение технологических новаций приводит к появлению в обществе сложных техно-социальных систем (интернет вещей, коллективные чаты в мессенджерах, криптовалюты и т. д.), значение которых постоянно возрастает. Привычная структура, связи и нормы, субъекты и объекты социума трансформируются, что приводит к его дезинтеграции. Поэтому современное общество отличается сложной композицией, неустойчивым развитием и насыщено разнообразными конфликтами. Происходящие в нем изменения являются амбивалентными, могут нести как различные блага, так и риски социальной и личностной деструкции.

Можно констатировать, что в настоящее время общество находится в точке бифуркации, в ситуации выбора будущего. В этих условиях одним из основных способов преодоления неопределенности и рисков социального развития становится разработка модели его изменения, в основе которой лежит выявление и анализ негативных тенденций, а также формулирование наиболее перспективных направлений его трансформации. Особую важность приобретает проблема адаптации человека, которая имеет ряд аспектов, начиная с поиска возможностей его социально-психологического приспособления к новым условиям и заканчивая применением технологий усовершенствования человека на основе идей трансгуманизма.

Право и его значение в условиях социальных трансформаций

В связи с изложенным представляется особенно важным определение наиболее эффективных инструментов, с помощью которых будет возможно упорядочить процессы, протекающие в современном обществе, осуществить контроль над социальными трансформациями. Важнейшими задачами социального регулирования в настоящее время становятся: придание большей эластичности управленческим структурам; стимулирование активности вертикальных и горизонтальных каналов коммуникации между государством, обществом и гражданами; удовлетворение человеческих потребностей, соответствующих существующему уровню развития цивилизации, в том числе в самореализации, общении и управлении властью.

Для достижения этих задач необходимо использовать все имеющиеся социальные регуляторы. Очевидно, что важнейшим из них продолжает оставаться право. При этом трансформируются его содержание, форма и механизм действия [12, с. 6], а также сфера правового регулирования [13, с. 94]. Однако происходящие изменения не приводят к утрате правом своих субстанциональных признаков, а также существенным преобразованиям правового ландшафта. Напротив, можно констатировать, что в современных условиях регулятивный потенциал права в ряде случаев только возрастает. Например, это происходит в процессе реализации его интегративной функции, целью которой является гармонизация и сплочение общества, предупреждение и разрешение возникающих в нем конфликтов. Благодаря ей появляется возможность осуществлять более эффективное социальное управление, объединять и координировать усилия других регулятивных инструментов.

Содержание интегративной функции права составляет сложное, многоуровневое и многоаспектное правовое воздействие государства на социум. В рамках настоящей статьи не представляется возможным рассмотреть все стороны этой деятельности. Остановимся только на трех аспектах интегративной функции права, которые приобретают ключевое значение в условиях глобальных изменений социальной реальности.

Первым из них является регулятивная составляющая, которая позволяет праву упорядочивать общественные отношения. С одной стороны, право препятствует негативному поведению людей и развитию деструктивных процессов в обществе, а с другой — согласовывает деятельность индивидуумов, стимулирует возникновение и закрепление социально полезных связей между ними.

В этом качестве право определяет масштаб свободы членов социума, рамки, позволяющие новациям и традициям мирно сосуществовать, а обществу в целом прогнозируемо развиваться, преодолевая кризисные моменты перехода, например, от одной технологической реальности к другой. Выход за их пределы, чреватый возникновением социальных конфликтов, осуждается, а в необходимых случаях и пресекается государством, которое может применить

весь имеющийся в его распоряжении арсенал мер принуждения. Таким образом, устанавливая правила поведения и очерчивая его границы, право препятствует дезинтеграции общества, способствует его консолидации, определяет ориентиры для субъектов общественных отношений.

Второй аспект — это волевое содержание правовых норм, отражение в нем интересов их создателей. Результатом правотворчества является правило поведения, в котором фиксируется волеизъявление соответствующего субъекта, в идеале — всего социума. Поскольку неотъемлемым атрибутом гражданского общества как высшего этапа его развития является стремление к достижению мира и гармонии, то и в возникающих в нем правилах поведения, которые впоследствии воспринимаются государством и превращаются в правовые нормы, содержатся положения, препятствующие возникновению социальных конфликтов (направленные на их разрешение), а также способствующие сплочению индивидов и их объединений.

Право, создаваемое государством с учетом потребностей гражданского общества, основывается на принципах гуманизма, справедливости, равенства его членов. Оно аккумулирует в себе общественную, государственную, индивидуальную волю, обуславливая их единство, выражая их общие интересы и цели. Поэтому право не только отражает наиболее значимые интересы субъектов социума, но и является наиболее адекватным средством их выражения.

Третий аспект — это имманентно присущая праву аксиологическая сущность. Ее наличие обусловлено ролью права в истории человеческой цивилизации, тем, что оно является одним из важнейших элементов духовной культуры общества. Аксиологический компонент права проявляется прежде всего в правовых ценностях, правопонимании и основанном на них законодательстве и правореализации, которые вместе являются началом, сплачивающим социум.

Правовые ценности, в основе которых лежат духовно-нравственные ценности, являются результатом долгого эволюционного пути, пройденного обществом. Они участвуют в передаче правовой информации от поколения к поколению и составляют значительную часть содержания правовой культуры и правовых традиций [7; 9]. В этом качестве они предохраняют общество от разрушения, подготавливая основу для нахождения социального компромисса и устранения противоречий между традициями и новациями.

В случае отсутствия конкретных правовых норм, например в ситуации, когда общественные отношения развиваются настолько динамично, что право не успевает осуществить их адекватное правовое регулирование, правовые ценности начинают играть еще более заметную роль. Также их значимость возрастает, когда возникает необходимость в упорядочении отношений, которые не подлежат правовой регламентации. В этом случае нормирование таких отношений осуществляется с помощью иных социальных регуляторов, которые, однако, неразрывно связаны с правом, поскольку их объединяют одни и те же духовно-нравственные ценности, ставшие правовыми. При этом правовые ценности имеют большее регулятивное значение, чем другие

социальные регуляторы, так как исходят от государства, поддерживаются его авторитетом и предполагают возможность применения им мер принуждения для их защиты. Таким образом они обеспечивают социальное единство, становятся важнейшим элементом правового регулирования общественных отношений, например в виртуальном пространстве, при использовании информационных и коммуникационных технологий.

В современной литературе отмечается, что процесс цифровизации права затронет и его аксиологический компонент. Изменения в системе правовых ценностей могут иметь различный характер, в том числе быть кардинальными, революционными [10, с. 160]. Действительно, исторический опыт показывает, что в процессе развития человеческого общества эволюционировала и юридическая доктрина, в том числе взгляды на понятие и содержание правовых ценностей. Например, были выделены наиболее значимые из них, получившие название фундаментальных (свобода, равенство, справедливость, гуманизм и др.). Содержание правовых ценностей постоянно обогащалось, их каталог расширялся. Эта тенденция продолжится и в дальнейшем. Появление виртуального мира и дополненной реальности активизируют эти процессы, поскольку офлайн- и онлайн-миры неразрывно связаны друг с другом и культивируемые в них ценности не могут быть амбивалентными или тем более антагонистическими.

Заключение

Подводя итог, отметим, что основным фактором, определяющим развитие современного мира, являются технологии. Происходящие процессы можно рассматривать через парадигмы промышленных революций или технологических укладов, но вне зависимости от выбранного подхода следует констатировать, что в настоящее время происходят глобальные изменения социальной реальности. Трансформация социума порождает необходимость поиска и разработки инструментария, который позволит упорядочить происходящие процессы, регламентировать отношения в современном обществе. Представляется, что важнейшим социальным регулятором, в том числе и в обозримом будущем, продолжит оставаться право. Особое значение приобретет его интегративная функция, задачами которой является разрешение конфликтов и достижение социального компромисса; осуществление координации и сплочения в обществе, его гармонизация и стабилизация. На ее осуществление определяющее воздействие оказывают регулятивный, волевой и аксиологический компоненты права. Динамика развития ценностной составляющей права позволяет говорить о том, что значение правовых ценностей в процессе социального созидания, поддержания мира и единства общества в перспективе только возрастет. В условиях глобальных изменений социальной реальности в полной мере обоснованным является предположение о том, что в ближайшие десятилетия интегративная роль права станет ключевой, при этом возможна ее определенная эволюция.

Список источников

1. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51.
2. Буданов В. Г. Новый цифровой жизненный техноуклад — перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47–55.
3. Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115.
4. Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1, № 1. С. 43–64.
5. Гришаева С. А., Куликова О. А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018. № 1. С. 29–34.
6. Карнаушенко Л. В. Государство в условиях развития информационно-компьютерных технологий и Интернета // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 97–101.
7. Пашенцев Д. А. Динамика правовой традиции в условиях четвертой промышленной революции // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 5. С. 5–15.
8. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.45.1.02>
9. Пашенцев Д. А. Современные подходы к пониманию правовой традиции // Российское государственное управление. 2016. № 3. С. 7–16.
10. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
11. Ретинская В. Н., Мурзина И. А. Цифровая трансформация государственного управления в условиях изменяющейся социальной реальности: основные тренды и оценка эффективности // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf>
12. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 139 с.

References

1. Arshinov V. I., Budanov V. G. Setevy`e informacionny`e revolycii i bol`shoj antropologicheskij perexod: e`volyucionny`j aspekt // Slozhnost`. Razum. Postneklassika. 2020. № 4. S. 40–51.
2. Budanov V. G. Novy`j cifrovoj zhiznenny`j texnouklad — perspektivy` i riski transformacij antroposfery` // Filosofskie nauki. 2016. № 6. S. 47–55.
3. Glaz`ev S. Yu. Global`naya transformaciya cherez prizmu smeny` texnologicheskix i miroxozyajstvenny`x ukladov // AlterEconomics. 2022. T. 19, № 1. S. 93–115.
4. Glaz`ev S. Yu. Noonomika kak sterzhen` formirovaniya novogo texnologicheskogo i miroxozyajstvennogo ukladov // Noonomika i nooobshhestvo. Al`manax trudov INIR im. S. Yu. Vitte. 2022. T. 1, № 1. S. 43–64.

5. Grishaeva S. A., Kulikova O. A. Social'no-psixologicheskie osobennosti processa transformacii social'noj struktury` obshhestva i processa kommunikacii v cifrovom prost- ranstve // Cifrovaya sociologiya / Digital Sociology. 2018. № 1. S. 29–34.
6. Karnaushenko L. V. Gosudarstvo v usloviyax razvitiya informacionno-komp`yu- terny`x texnologij i Interneta // Obshhestvo i pravo. 2021. № 2 (76). S. 97–101.
7. Pashencev D. A. Dinamika pravovoj tradicii v usloviyax chetvortoj promy`shlennoj revolyucii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 5. S. 5–15.
8. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj juridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.45.1.02>
9. Pashencev D. A. Sovremennyy`e podxody` k ponimaniyu pravovoj tradicii // Rossijs- koe gosudarstvovedenie. 2016. № 3. S. 7–16.
10. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena texnologicheskix ukkladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 184 s.
11. Retinskaya V. N., Murzina I. A. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo uprav- leniya v usloviyax izmenyayushhejsya social'noj real`nosti: osnovny`e trendy` i ocenka e`ffektivnosti // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul`turologiya. 2022. T. 13, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47SCSK122.pdf>
12. Xabrieva T. Ya. Pravo pered vy`zovami cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 5–16.
13. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–102.
14. Shvab K. Chetvertaya promy`shlennaya revolyuciya. M.: E`ksmo, 2016. 139 s.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2023;
одобрена после рецензирования: 19.05.2023;
принята к публикации: 22.05.2023.

The article was submitted: 06.05.2023;
approved after reviewing: 19.05.2023;
accepted for publication: 22.05.2023.

УДК 341.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.04

З. Ш. Матчанова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: zoya2310@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация. В статье раскрываются отдельные вопросы развития института международно-правовой ответственности на современном этапе. Особое внимание уделено роли Комиссии международного права ООН в развитии данного института.

Целью статьи является исследование отдельных аспектов развития института ответственности в международном праве в свете актуальной международно-правовой проблематики. Данная цель обуславливает постановку следующих задач: определить значение института ответственности для международного права в целом; на примере деятельности Комиссии международного права ООН показать, как на международном уровне разрабатывается тема ответственности; рассмотреть проблему ответственности в контексте противодействия глобальным угрозам.

В результате работы институт международно-правовой ответственности оценен как важнейший институт международного права, который весьма ощутимо был затронут кризисами международного права; обосновано значение международно-правовой науки для развития института ответственности; даны ключевые характеристики международной ответственности на современном этапе.

Ключевые слова: институт ответственности в международном праве; развитие института; нарушение норм международного права; Комиссия международного права ООН; последствия противоправного поведения; цели ответственности; глобальные угрозы.

UDC 341.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.04

Z. Sh. Matchanova

The Herzen State Pedagogical University of Russia,

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: zoya2310@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY IN PUBLIC INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF CURRENT INTERNATIONAL LEGAL ISSUES

Abstract. The article reveals some issues of the development of the institute of international legal responsibility at the present stage. Special attention is paid to the role of the UN International Law Commission in the development of this institution.

The purpose of the article is to study certain aspects of the development of the institution of responsibility in international law in the light of current international legal issues. This goal predetermined the formulation of such tasks as: to determine the importance of the institution of responsibility for international law as a whole, using the example of the activities of the UN International Law Commission to show how the topic of responsibility is being developed at the international level, to consider the problem of responsibility in the context of countering global threats.

As a result of the work, the Institute of international legal responsibility is assessed as the most important institute of international law, which has been very significantly affected by the crises of international law, the importance of international legal science for the development of the institute of responsibility is substantiated, the key characteristics of international responsibility at the present stage are given.

Keywords: institute of responsibility in international law; development of the institute; violation of the norms of international law; UN International Law Commission; consequences of illegal behavior; goals of responsibility; global threats.

Введение

Как известно, современное международное право переживает непростой период своего развития. Но именно такие периоды, как правило, и создают почву для дальнейшего развития, для выхода на какой-то новый этап. В международном публичном праве есть множество сфер, которые нуждаются в научно-теоретическом правовом анализе с учетом меняющихся условий международной жизни, точнее практически все области международно-правового регулирования на данный момент требуют пристального внимания не только в практическом поле, но и в сугубо научном смысле, на доктринальном уровне. Одной из таких сфер, бесспорно, является международно-правовая ответственность.

Кризисы международного права затронули международно-правовую ответственность наиболее ощутимо. Ответственность в международном праве всегда была той областью, которая пронизывала все отрасли, подотрасли и институты международного публичного права, поскольку любая норма, обязанность по надлежащему и своевременному исполнению которой существует, в определенный момент может быть нарушена, и поэтому вопрос о международной ответственности того или иного субъекта может быть актуализирован в любой момент. Это одна из причин того, почему в последние десятилетия именно вопрос о превенции противоправного поведения стал наиболее значимым.

Степень научной разработанности темы

Развитие института международно-правовой ответственности всегда интересовало ученых-международников, а потому данная тема исследована в отечественной и зарубежной юридической науке весьма подробно.

Современные исследования в рассматриваемой сфере невозможны без анализа обширной научно-теоретической базы, которую создают труды видных юристов-международников второй половины XX века, обогативших отечественную науку международного права. Это, прежде всего, такие ученые, как Г. И. Тункин [13], Д. Б. Левин [7], Н. А. Ушаков [14] и многие другие.

Центральное место среди трудов конца XX – начала XXI века по теме международно-правовой ответственности занимают работы известного ученого, внесшего серьезнейший вклад в развитие института ответственности в международном праве, И. И. Лукашука [8].

Среди зарубежных авторов отдельного внимания заслуживают Дж. Кроуфорд, С. Оллесон и А. Пелле, которые, как и целый ряд отечественных юристов-международников, известны также своим участием в деятельности Комиссии международного права ООН. Наиболее известная работа написана ими коллективно [15].

В последние годы научный интерес к теме международно-правовой ответственности также не ослабевает [4; 5; 11], что связано с очевидной актуальностью данной темы.

Методы

В процессе написания настоящей статьи были применены различные общенаучные методы, в качестве основных — формально-юридический и логический методы, которые позволили раскрыть тему в целом, исходя из сложившихся в юриспруденции базовых подходов к проведению исследования. С помощью диалектического метода рассмотрены все описываемые правовые явления в их развитии и взаимосвязи. Метод анализа и синтеза позволил

изучить и оценить роль Комиссии международного права ООН в развитии института ответственности. Дескриптивный метод применялся при описании ключевых характеристик международно-правовой ответственности.

Основная часть

Международно-правовая наука всегда пыталась найти пути решения различных проблем, возникающих в процессе развития международного права, путем выработки коллективными усилиями предложений на основе анализа опыта прошлого, оценки действующих международно-правовых и национально-правовых норм, успехов и промахов правового развития, которые характеризуют конкретную сферу международных отношений на определенном этапе.

Наука способна совместить философские воззрения, отражающие глубокое понимание вопросов морали, нравственности, справедливости, свободы, осознание должного и возможного и т. д., и прагматические оценки, детальный, скрупулезный анализ соблюдения или нарушения норм международного права, выработанных усилиями представителей разных стран мира.

Интересный взгляд на международную ответственность излагает британский международник Р. Волкер, оперируя при этом достаточно специфическими лексическими оборотами. Рассуждения автора таковы: концептуальный анализ идеи международной ответственности может начаться с этимологического понимания того, что ответственность обозначает лингвистическое взаимодействие — способность отвечать. В основе ответственности действительно лежит идея причинения последствий и их контроля. Таким образом, ответственность носит относительный характер. Она обозначает отношения между субъектом («моральным агентом»), объектом (действием или вещью, «моральным пациентом») и назначенным органом («адресатом»), который располагает эффективными санкционными полномочиями. Современное мышление предполагает, что этот адресат является легитимным и имеет критерии оценки. Все вопросы ответственности решаются в рамках этой матрицы, состоящей из трех векторов: кто, за что и перед кем несет ответственность. Ответственность является нормативным ядром любого общества, так что искусство организации, по сути, становится искусством распределения обязанностей [16, р. 106].

Наука международного права, как и любая другая наука, не стоит на месте: появляются новые системы взглядов, видоизменяются подходы к проведению правовых исследований с учетом становления и дальнейшего развития новой научной рациональности [12].

Серьезнейший вклад в развитие института международно-правовой ответственности вносит деятельность Комиссии международного права ООН (далее — Комиссия). Так, например, характеризуя лишь одно десятилетие работы Комиссии — первое десятилетие XXI века, — Дж. Кроуфорд, А. Пелле и С. Оллесон, снискавшие заслуженное признание среди отечественных представителей

научного сообщества, занимающихся вопросами международно-правовой ответственности, назвали его десятилетием кодификации международной ответственности. [15, р. 129]. За десять лет Комиссия завершила не менее пяти проектов, относящихся к этой общей теме, что представляет собой масштабную работу по кодификации, которая вполне может повлиять на сферу международного публичного права на долгие годы вперед.

Комиссия потратила десятилетия на рассмотрение в рамках одного проекта множества аспектов ответственности государств. Вместо единого документа Комиссия подготовила пять документов, направленных на различные области, со значительными различиями между ними по широте охвата, форме и пониманию того, отражают ли они устоявшееся международное право [15, р. 130].

Комиссией были проработаны следующие вопросы:

- присвоение поведению государству обстоятельств, которые исключают противоправность его действий (более известные как обстоятельства, освобождающие от ответственности, хотя формулировка «обстоятельства, исключющие противоправность», выработанная еще десятилетия назад в ходе работы Комиссии, более точна);

- установление последствий, вытекающих из противоправного деяния (возмещение ущерба и пр.), а также обязательств, существующих для нарушивших государств (включая использование контрмер для побуждения к соблюдению), и прав, возникающих для потерпевших государств;

- установление последствий противоправного поведения для третьих государств.

Одновременно с завершением работы по указанным выше вопросам Комиссия дополнительно проработала проблему ответственности государства в отношении опасных видов деятельности, которые как таковые не запрещены международным правом (например, эксплуатация нефтяной вышки на континентальном шельфе), но могут привести к неблагоприятным последствиям для другого субъекта. Основное внимание было сфокусировано на предотвращении трансграничного вреда [1] от подобной опасной деятельности, государства обязывались принимать меры для предотвращения или по крайней мере уменьшения вероятности ущерба. Так, например, среди прочих обязанностей государство должно провести оценку риска планируемой деятельности и, если существует риск значительного трансграничного ущерба, уведомить власти потенциально затрагиваемого такой деятельностью государства [15, р. 132].

В современном мире появляется так называемая трансграничная солидарность: серьезность вреда, который определенные виды деятельности, ставшие возможными благодаря научно-техническому прогрессу, могут нанести отдельным лицам и окружающей среде, приводит как в международно-правовой, так и в национальных правовых системах к рассмотрению вопроса о необходимости строгой ответственности. Такая ответственность является объективной в том смысле, что ее источником не является поведение субъекта международного права. Так, в международном праве сложился подход «загрязнитель

платит», но не всегда и не во всех видах деятельности он надежно подкреплён правовыми основаниями, поэтому возникает немало споров и попыток уйти от ответственности.

Даже если сложится так, что все системы национального права предусмотрят механизмы объективной ответственности, с помощью которых государство гарантирует компенсацию за действия, связанные с особо опасными видами деятельности, тем не менее представляется трудным вывести из этого факта какие-либо общие принципы права, применимые в международном праве. Кроме того, трудоемкие формулировки, используемые Комиссией на протяжении всей своей работы, демонстрируют, насколько далека международная система от окончательного формирования режима действительно строгой ответственности [15, p. 136].

Описанное выше представляет собой лишь небольшой пример, иллюстрирующий тот внушительный объем работы, который прodelывается на международном уровне для решения серьезных вопросов международно-правового регулирования в отдельных областях, включая международно-правовую ответственность.

Дж. Кроуфорд и другие авторы отмечают ряд важных моментов: изначально международное публичное право было исключительно правом между государствами; будучи в прошлые времена единственными субъектами международного права, государства были и единственными субъектами, которые были способны понести ответственность на международном уровне в результате нарушения его норм; с диверсификацией субъектов международного права и признанием международно-правовой правосубъектности за другими субъектами эта монополия исчезла. Ответственность является одновременно показателем и следствием международно-правовой правосубъектности: только субъект международного права может нести международную ответственность; тот факт, что субъект может понести ответственность, является как проявлением, так и доказательством его международно-правовой правосубъектности [15, p. 320].

Все чаще исследователи указывают на два элемента, которые свидетельствуют о растущем сдвиге в понятии международной ответственности в сторону объективизации. Более того, эти элементы внесли значительный вклад в концептуальную фрагментацию ответственности в международном праве: во-первых, традиция анализа, которая рассматривала ущерб как одно из условий, необходимых для возникновения международной ответственности, была наконец поставлена под сомнение; во-вторых, требование о нарушении больше не является единственным источником ответственности в международном праве, хотя ни основание, на котором возникает эта чисто объективная ответственность, ни субъекты, которым она присваивается, еще не определены с какой-либо ясностью.

Однако, несмотря на все обозначенные обстоятельства, А. Пелле, например, по-прежнему считает, что термин «международная ответственность» охватывает правовые отношения, которые возникают в соответствии с международным правом по причине международно-противоправного деяния государства, и это понимание должно считаться базовым [15, p. 331].

Для отечественной доктрины международного права всегда было характерно понимание международно-правовой ответственности именно как средства (инструмента) правового регулирования. Так, Д. Д. Остапенко и С. Ю. Марочкиным указано, что «ответственность является необходимым юридическим средством обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений, она выступает в качестве особого инструмента регулирования международных отношений и гаранта функционирования международного права» [10, с. 186].

В других элементах приведенной дефиниции достаточно четко просматриваются цели международно-правовой ответственности, которые состоят:

- в сдерживании потенциального правонарушителя;
- побуждении правонарушителя к надлежащему выполнению обязательства;
- компенсации потерпевшему причиненного ему вреда.

Данные цели определяют функции международно-правовой ответственности, среди которых:

- превентивная (предупредительная) функция;
- функция обеспечения правопорядка;
- компенсационная (восстановительная) функция [9, с. 53].

Полагаем, что названные цели и функции ответственности должны оставаться незыблемой основой и главным ориентиром развития института международно-правовой ответственности.

Для полноты понимания выделим те основные характеристики международно-правовой ответственности, которые свойственны ей на современном этапе развития международного публичного права. Можно констатировать, что международно-правовая ответственность:

- является необходимым инструментом обеспечения соблюдения международно-правовых норм и восстановления нарушенных прав;
- представляет собой особый вид публично-правовой ответственности;
- закрепляет юридическую обязанность одного субъекта международного права устранить вред, причиненный им другому субъекту;
- в ряде случаев предполагает обязанность компенсировать ущерб, являющийся результатом правомерной деятельности.

Одним из серьезных препятствий в эффективном развитии института международно-правовой ответственности выступают те же обстоятельства, что сопровождают в настоящее время (а во многом и изначально предопределили) кризис международного права в целом [2; 3]. Речь идет прежде всего об отсутствии единой согласованной позиции государств мира в решении проблем, носящих системный характер и имеющих всеобщий охват, а также в противодействии глобальным угрозам. Для действительно эффективных, слаженных действий субъектов международного права на всех уровнях, во всех форматах, по всем направлениям сотрудничества, направленного на предотвращение и преодоление, противодействие глобальным современным угрозам,

исходящим из разных источников и происходящим по разным причинам, важно наличие соответствующей воли и выверенной позиции субъектов.

Сейчас мировая обстановка такова, что многие угрозы и риски, которые прежде, казалось, были несколько преувеличены и в реальности затрагивали лишь отдельные регионы мира, теперь стали реальностью для ежедневной жизни практически всех государств. В данном случае главным образом имеется в виду угроза терроризма. Но не только терроризм угрожает сегодня мировой безопасности и стабильности: невероятный ущерб здоровью населения и социальной стабильности стран и народов наносит незаконное распространение наркотических средств и психотропных веществ; характер и особенности протекания вооруженных конфликтов в разных частях мира демонстрируют попрание прав и свобод человека; по-прежнему широкое распространение имеет такое преступление, как похищение людей в различных целях. Данный перечень реальных угроз и рисков может быть продолжен и другими примерами.

Современный мир во всем его многообразии, разноплановости и разнонаправленности прямых и косвенных связей постоянно подвергается множеству угроз, деструктивное влияние которых на нормальную, устоявшуюся, размеренную жизнь народов и государств весьма значительно. Самой уязвимой сферой является сфера безопасности, именно угрозы безопасности наиболее существенны и требуют своевременного и пристального внимания не только со стороны отдельных государств или групп государств, но и международного сообщества в целом. Свято это с тем, что современные угрозы давно вышли за национальные рамки, приобрели поистине транснациональный, международный масштаб (яркий пример — распространение транснациональной преступности).

Учитывая развитие международных отношений, их сопернический, конфликтный заряд, приходится констатировать серьезные проблемы в области международного сотрудничества государств в противодействии глобальным угрозам современности: основной проблемой является нежелание, неготовность, неспособность договариваться.

Транснациональный, глобальный масштаб угроз требует интернационального, всеобъемлющего противодействия, а потому большинство международно-правовых источников по противодействию терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, широкомасштабным и систематическим нарушениям прав и свобод человека, морскому пиратству, преступлениям против экологической безопасности и многим другим реальным угрозам современного мира носят универсальный характер.

Особое значение имеют международно-правовые нормы в области противодействия международным преступлениям и преступлениям международного характера, взаимного оказания правовой помощи по уголовным делам, защиты прав человека в мирное время и в условиях вооруженных конфликтов, а также установления режимов отдельных территорий, регламентации определенных видов международной деятельности, включая разного рода запреты и ограничения,

цель которых состоит в совместной охране и защите конкретных объектов или же категорий лиц, и т. д.

Нарушение норм международного права [6] в указанных сферах является наиболее ощутимым, а потому институт ответственности в международном праве должен развиваться на основании принципов международного права и с учетом соответствующих приоритетов. Отметим особо, что такой позиции придерживалась и продолжает придерживаться отечественная дипломатическая практика как на уровне двусторонних отношений (на уровне деятельности дипломатических представительств в различных странах), так и на многостороннем уровне (уровне представительства в международных организациях универсального и регионального характера).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и раскрыть в рамках настоящей статьи лишь некоторые аспекты развития института ответственности в международном праве, поскольку данная тема обширна и разнопланова по своему содержанию.

В целом можно констатировать следующее:

– во-первых, все институты, подотрасли и отрасли международного права достаточно сильно взаимосвязаны, поэтому кризисные явления в одной сфере сказываются на создании нестабильной картины развития и в других областях;

– во-вторых, институт международно-правовой ответственности в настоящее время развивается на основании подходов, выработанных Комиссией международного права ООН еще в последней трети XX века, но для научного сообщества очевидно: XXI век вносит свои коррективы, что требует пристального внимания и серьезной работы на всех уровнях международного взаимодействия;

– в-третьих, основной упор должен быть сделан на предотвращении международных правонарушений, особенно в таких областях, которые затрагивают жизненно важные интересы государств;

– и, наконец, в-четвертых, несмотря на все объективные трудности и препятствия, которые наблюдаются в современной международной жизни, должна продолжаться коллективная работа по совершенствованию норм международного права, в том числе в рамках Комиссии международного права ООН.

Список источников

1. Гусейнов Т. И. Актуальные проблемы ответственности за причинение трансграничного ущерба окружающей среде // Международное публичное и частное право. 2022. № 1. С. 14–17.

2. Дорская А. А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ. СПб.: Астерион, 2021. 160 с.

3. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в праве: понятие, причины, виды и признаки // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 22–33.
4. Институт ответственности в международном праве / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 300 с.
5. Кешнер М. В. Право международной ответственности. М.: Проспект, 2017. 240 с.
6. Коновалова Е. А., Кудрявцева Л. В. Ответственность государств за нарушение норм международного права // Эпомен. 2021. № 64. С. 144–151.
7. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.
8. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.
9. Лукашук И. И., Шинкарецкая Г. Г. Международное право. Элементарный курс. М.: Юристь, 2004. 219 с.
10. Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Норма, 2004. 624 с.
11. Пастухова Л. В., Шумиленко А. П. Право международной ответственности. Симферополь: Ариал, 2020. 78 с.
12. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.
13. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 511 с.
14. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М.: Международные отношения, 1983. 184 с.
15. The Law of International Responsibility / Edited by James Crawford, Alain Pellet, Simon Olleson. New York: Oxford University Press, 2010. 1296 p.
16. Volker R. Responsibility in International Law // Max Plank Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 99–158.

References

1. Gusejnov T. I. Aktual'ny'e problemy` otvetstvennosti za prichinenie transgranichnogo ushherba okruzhayushhej srede // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2022. № 1. S. 14–17.
2. Dorskaya A. A. Krizisny`e yavleniya v prave i puti ix preodoleniya: teoreticheskij i istoriko-pravovoj analiz. SPb.: Asterion, 2021. 160 s.
3. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Krizisny`e yavleniya v prave: ponyatie, prichiny`, vidy` i priznaki // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2022. № 2 (46). S. 22–33.
4. Institut otvetstvennosti v mezhdunarodnom prave / Pod obshh. red. R. L. Xachaturova. M.: Yurlitinform, 2017. 300 s.
5. Keshner M. V. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Prospekt, 2017. 240 s.
6. Konovalova E. A., Kudryavtzeva L. V. Otvetstvennost` gosudarstv za narushenie norm mezhdunarodnogo prava // E`pomen. 2021. № 64. S. 144–151.
7. Levin D. B. Otvetstvennost` gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1966. 152 s.

8. Lukashuk I. I. Pravo mezhhdunarodnoj odgovornosti. M.: Volters Kluver, 2004. 432 s.
9. Lukashuk I. I., Shinkareczkaya G. G. Mezhhdunarodnoe pravo. E`lementarny`j kurs. M.: Yurist`, 2004. 219 s.
10. Mezhhdunarodnoe pravo / otv. red. G. V. Ignatenko, O. I. Tiunov. M.: Norma, 2004. 624 s.
11. Pastuxova L. V., Shumilenko A. P. Pravo mezhhdunarodnoj odgovornosti. Simferopol`: Arial, 2020. 78 s.
12. Pashencev D. A. Modernizaciya metodologii pravovy`x issledovanij v usloviyax stanovleniya novoj nauchnoj racional`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 8. S. 5–13.
13. Tunkin G. I. Teoriya mezhhdunarodnogo prava. M.: Mezhhdunarodny`e otnosheniya, 1970. 511 s.
14. Ushakov N. A. Osnovaniya mezhhdunarodnoj odgovornosti gosudarstv. M.: Mezhhdunarodny`e otnosheniya, 1983. 184 s.
15. The Law of International Responsibility / Edited by James Crawford, Alain Pellet, Simon Olleson. New York: Oxford University Press, 2010. 1296 p.
16. Volker R. Responsibility in International Law // Max Plank Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 99–158.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023;
одобрена после рецензирования: 20.05.2023;
принята к публикации: 21.05.2023.

The article was submitted: 05.05.2023;
approved after reviewing: 20.05.2023;
accepted for publication: 21.05.2023.

УДК 34.757

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.05

М. Н. Сурилов

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,

Москва, Российская Федерация

E-mail: ieup.info@mgru.ru

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНОСТРАННЫХ САНКЦИЙ НА ИНТЕГРАЦИЮ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. Современный мир столкнулся с беспрецедентными вызовами в связи с воздействием иностранных санкций на национальные и международные процессы в различных отраслях государственной политики, в том числе в государственной политике в области образования. Системы высшего образования, будучи неразрывной частью этих процессов, не остаются в стороне. Автор уделяет внимание Союзному государству Республики Беларусь (РБ) и Российской Федерации (РФ), которые стремятся к дальнейшей интеграции своих образовательных систем в условиях иностранных санкций. Для всестороннего осмысления данной тематики и ее правовой оценки представляется целесообразным проанализировать как непосредственное влияние иностранных санкций на процесс интеграции систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ, так и их долгосрочные последствия. В рамках данного исследования в качестве основных методов используются: анализ научной литературы, компаративистский метод для сравнения воздействия санкций на Союзное государство, анализ местного законодательства, метод юридической статистики, нормативно-догматический метод изучения законодательных актов Союзного государства РБ и РФ, а также проведение сравнительного анализа. Настоящее исследование направлено на получение новых знаний и практических рекомендаций в области правовой оценки процесса интеграции систем высшего образования в условиях иностранных санкций. Результаты данного исследования могут быть полезны как для правовых специалистов, занимающихся вопросами интеграции и санкций, так и для образовательных учреждений и органов государственной власти Союзного государства.

Ключевые слова: правовая оценка; иностранные санкции; системы высшего образования; интеграция; Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации.

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

UDC 34.757

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.05

M. N. Surilov

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russian Federation

E-mail: ieup.info@mgpu.ru

LEGAL ASSESSMENT OF THE IMPACT OF FOREIGN SANCTIONS ON THE INTEGRATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEMS OF THE UNION STATE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The modern world is facing unprecedented challenges due to the impact of foreign sanctions on national and international processes in various branches of public policy, including in state policy in the field of education. Higher education systems, being an integral part of these processes, do not stand aside. Special attention is paid to the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which are striving for further integration of their educational systems in the conditions of foreign sanctions. In order to comprehensively comprehend this topic and its legal assessment, it seems appropriate to analyze both the direct impact of foreign sanctions on the integration of higher education systems of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation, and their long-term consequences. Within the framework of this study, the main methods will be the analysis of scientific literature, the comparative method for comparing the impact of sanctions on the Union state, the analysis of local legislation, the method of legal statistics, the normative-dogmatic method of studying the legislative acts of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation, as well as conducting a comparative analysis. This research is aimed at obtaining new knowledge and practical recommendations in the field of legal assessment of the process of integration of higher education systems in the conditions of foreign sanctions. The results of this study can be useful both for legal specialists dealing with issues of integration and sanctions, and for educational institutions and public authorities of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords: legal assessment; foreign sanctions; higher education systems; integration; the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Введение

С 2014 года наблюдается нарастающая динамика внешнеполитического давления на Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации, основным проявлением которого стали иностранные санкции. По данным Института международных отношений, их количество увеличилось в 4 раза за последние 9 лет [16].

В соответствии с данными Международного банка реконструкции и развития (МБРР) уровень интеграции систем высшего образования РБ и РФ увеличился с 34 % в 2020 году до 45 % в 2023 году, что говорит о значительном прогрессе в данной области [4].

Так, при анализе последствий санкций следует учитывать, что в рамках Союзного государства (СГ) действуют 1726 вузов, включая 1135 российских и 591 белорусских [11]. В контексте иностранных санкций в 2023 году заметно усиление совместных научно-образовательных проектов между вузами этих стран.

В 2021 году, например, студенты из РБ получили 2678 грантов на обучение в российских вузах, что на 29 % больше, чем в 2020 году. В 2023 году этот показатель увеличился до 3400 грантов, что говорит о значительном увеличении образовательного обмена [17].

Тем не менее иностранные санкции оказались двойственным фактором для интеграции систем высшего образования РФ и РБ. С одной стороны, они способствовали активизации совместных проектов, с другой — привели к ухудшению финансового положения многих вузов.

Материалы и методы

Формально-юридический метод применялся для изучения национального законодательства РБ и РФ в области высшего образования и международных санкций. Это позволило определить, как национальное законодательство способствует или ограничивает интеграцию систем высшего образования. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления ситуации в РБ и РФ с другими странами, подверженными санкциям, и анализа эффективности применяемых методов противодействия и смягчения воздействия санкций на системы высшего образования. Статистический метод использовался для проведения количественного анализа с помощью использования данных министерств образования и науки РБ и РФ, а также международных образовательных и исследовательских организаций.

Основное исследование

Согласно отчету Всемирного банка, средний объем внешнего финансирования российских вузов сократился с \$ 120 млн в 2014 году до \$ 80 млн в 2023 году. При этом бюджеты белорусских вузов тоже претерпели изменения, уменьшившись с \$ 45 до \$ 28 млн за тот же период [17].

В свете указанных данных одним из ключевых аспектов, заслуживающих внимания, является переориентация на внутренние ресурсы финансирования. По данным Министерства науки и высшего образования Российской

Федерации, с 2014 по 2023 год объем финансирования науки и образования из федерального бюджета увеличился на 35 %, составив примерно 850 млрд рублей [17].

Благодаря внутреннему финансированию в 2022 году было создано 7 новых общегосударственных научно-образовательных программ, нацеленных на развитие и интеграцию систем высшего образования РФ и РБ. Также это позволило увеличить количество стипендий для студентов из Беларуси, обучающихся в России, до 7000 в 2022 году, что на 106 % больше, чем в 2021 году.

Существуют значительные препятствия на пути интеграции систем высшего образования. В частности, по данным Союза ректоров РФ и РБ, только 24 % российских вузов и 12 % белорусских вузов в 2023 году имеют формальные договоры о сотрудничестве [7]. Это указывает на наличие правовых и административных барьеров, затрудняющих интеграцию.

При подробном рассмотрении последствий внешнего давления обнаруживается тенденция к открытости и кооперации между вузами РФ и РБ, что ведет к увеличению числа совместных исследовательских проектов [5]. Основываясь на анализе доклада Института гуманитарных исследований (2023), можно констатировать, что на протяжении последних трех лет было инициировано и успешно завершено 78 таких проектов [4].

Анализ статистических данных Министерства образования Республики Беларусь свидетельствует о росте академической мобильности белорусских студентов [9]. В цифрах этот прирост выражается следующим образом: с 5200 студентов, обучавшихся за рубежом в 2020 году, число увеличилось до 6800 в 2023 году. Из этих студентов 67 % выбрали вузы РФ для получения образования [1].

Санкции также сыграли роль в изменении образовательной политики (табл. 1). Так, в 2022 году был принят закон, упрощающий процедуру признания иностранных дипломов в РФ и РБ [13]. Это увеличило количество признанных дипломов с 1100 в 2021 году до 2900 в 2023 году [2].

Опираясь на доклад Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России), можно констатировать увеличение числа совместных образовательных программ. В 2023 году их стало 15, в то время как в 2020 году насчитывалось всего 5 [8]. Эти программы направлены на укрепление образовательной интеграции и включают в себя такие области, как биотехнологии, нанотехнологии и робототехника [10].

Однако, как указывают данные Министерства юстиции Республики Беларусь, имеются серьезные юридические препятствия для интеграции. Порядка 60 % договоров о сотрудничестве между вузами РБ и РФ подлежат дополнительной юридической экспертизе в связи с различиями в национальном законодательстве [7].

Исследование Института развития профессионального образования (2023) показало, что качество образования в вузах РБ и РФ подвергается заметному

Таблица 1

Санкции и их влияние на системы высшего образования

Тип санкций	Описание	Влияние на системы высшего образования	Примеры санкций
Экономические	Ограничения в торговле и финансовых операциях с санкционированными странами	Ухудшение финансового положения университетов, снижение доступности образования, ограничение международного сотрудничества	Заморозка активов, ограничение кредитов
Технологические	Запрет на передачу технологий, оборудования и научной информации	Ограничение доступа к современным образовательным технологиям и инновациям, снижение научного потенциала, затруднение иностранных исследований	Запрет на поставку высокотехнологичных товаров
Академические	Запрет на обмен студентами, учеными и академическим персоналом	Сокращение международных обменов и программ студентов, снижение мобильности студентов и преподавателей, уменьшение культурного разнообразия на кампусах	Запрет на академические стипендии
Имущественные	Заморозка активов, ограничение инвестиций	Снижение финансирования университетов, затруднение инфраструктурного развития, ограничение возможностей для создания новых образовательных программ	Заморозка счетов, запрет на инвестиции
Кадровые	Ограничения на найм иностранных преподавателей и ученых	Ограничение доступа к высококвалифицированным специалистам, снижение качества образовательного процесса	Ограничение выдачи рабочих виз

влиянию иностранных санкций. Согласно исследованию, из 1726 вузов только 47 % смогли сохранить свой уровень образовательных услуг на прежнем уровне после введения санкций [12]. Основываясь на результатах нашего исследования, несмотря на ряд достигнутых успехов, обе страны сталкиваются с проблемами, осложняющими интеграцию их систем высшего образования. Следовательно, необходимо уделить больше внимания разработке эффективных стратегий для преодоления этих проблем [15]. Согласно отчету Всемирного банка (2023), санкции также привели к снижению иностранных инвестиций в образовательные проекты в РФ и РБ на 30 и 27 % соответственно [11]. Следует отметить, что это существенно влияет на возможности и ресурсы вузов обеих стран [3]. Важным компонентом данного исследования является правовая оценка влияния иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ. Иностранные санкции внесли серьезные коррективы в правовые и институциональные основы образовательного сотрудничества между Россией и Беларусью [14].

С одной стороны, как уже отмечалось, иностранные санкции стимулировали обе страны к созданию совместных образовательных программ, принятию новых законов, упрощающих процедуру признания иностранных дипломов, и увеличению академической мобильности [1; 8; 13]. Такое взаимодействие существенно упрощает процесс интеграции и способствует обмену опытом и знаниями между вузами обеих стран.

С другой стороны, санкции оказывают отрицательное влияние на возможности для международного сотрудничества в области образования, включая академическую мобильность, обмен студентами и преподавателями, а также участие в международных научных проектах [11]. Это приводит к уменьшению внешнего финансирования и снижению качества образовательных услуг [12; 4]. В рамках нашего анализа было выявлено, что в ряде случаев влияние иностранных санкций сводится к созданию юридических препятствий для интеграции, связанных с необходимостью адаптировать внутреннее законодательство к новым условиям [7]. Несмотря на достигнутые успехи, по-прежнему существуют серьезные юридические барьеры, которые требуют дальнейшей работы и преодоления (табл. 2).

Международные санкции, наложенные на РБ и РФ, приводят к изменениям в национальном законодательстве и внешнеполитической стратегии обеих стран. Поэтому для совершенствования образовательной интеграции и снижения влияния санкций необходимо внести изменения в соответствующее законодательство [7]. Как уже упоминалось, в 2022 году был принят закон, упрощающий процедуру признания иностранных дипломов в РФ и РБ [13]. Это позволяет выпускникам вузов более эффективно использовать свои квалификации и навыки в обеих странах. Важным шагом стало принятие в 2022 году плана мероприятий по развитию взаимодействия образовательных ведомств в 2022–2024 годах, который регулирует вопросы образовательного сотрудничества между Россией и Беларусью [15].

Таблица 2

Правовая основа для оценки влияния санкций на интеграцию систем высшего образования

Правовой акт	Описание	Примеры нормативных актов
Конституция РФ и Конституция РБ	Определяют правовые основы образования и науки	Конституция РФ (ст. 43 и 44), Конституция РБ (ст. 49 и 50)
Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»	Регулирует организацию и основы образовательной деятельности, включая высшее образование	Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ
Кодекс Республики Беларусь «Об образовании»	Регулирует систему образования в Республике Беларусь	Кодекс Республики Беларусь от 13 января 2011 года № 243-3
Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», Закон Республики Беларусь «О науке и инновациях»	Регулируют научную деятельность, в том числе в области высшего образования	Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 года № 425-3 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности»
Межгосударственные и двусторонние договоры	Регулируют вопросы международного сотрудничества в области образования и науки	Договор о Союзном государстве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 года, договоры о научно-техническом сотрудничестве

Недостаточно внести изменения в законодательство — необходимо также разработать и внедрить комплекс мер для эффективного реагирования на санкции и обеспечение бесперебойной работы образовательных учреждений. Это включает совершенствование нормативно-правовой базы, усиление сотрудничества с международными образовательными организациями и разработку новых форматов межвузовского сотрудничества [6].

Влияние иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования РБ и РФ не ограничивается только внутренними изменениями в учебных заведениях и законодательных актах. Это воздействие оказывает влияние на всю сферу образования и науки в этих странах, включая научные исследования, международные проекты, обмен студентами и преподавателями, и даже на структуру и содержание образовательных программ [2].

В рамках исследования было обнаружено, что иностранные санкции вносят существенные коррективы в процесс научного сотрудничества и академического

обмена между вузами РБ и РФ. В частности, введение санкций привело к сокращению иностранных грантов на научные исследования на 42 и 37 % соответственно в 2022 году, по сравнению с 2021 годом [5] (рис. 1). Это привело к тому, что многие проекты были приостановлены или даже закрыты, а научные коллективы столкнулись с проблемами финансирования и поддержки своей деятельности [14]. Также стоит отметить, что санкции существенно усложнили процесс международного обмена студентами и преподавателями. В 2022 году количество студентов и преподавателей из РФ и РБ, участвующих в международных программах обмена, снизилось на 29 и 31 % соответственно, по сравнению с 2021 годом [4]. Это создает препятствия для академической мобильности, которая является одним из ключевых элементов современного образовательного процесса [8].

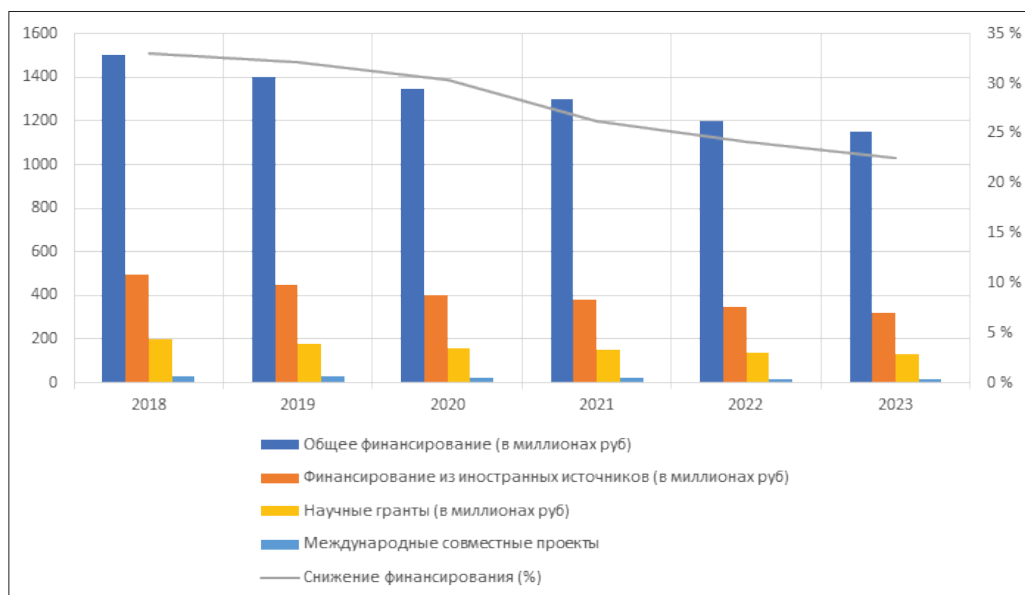

Рис. 1. Финансовое влияние иностранных санкций на системы высшего образования (в млн руб.)

Но наиболее заметное влияние санкций проявляется в области образовательных программ. В связи со сложностями, вызванными санкциями, многие университеты РБ и РФ вынуждены были внести изменения в свои образовательные программы, включая их содержание, форму и методы преподавания [2]. Например, в 2022 году около 32 % вузов РФ и 35 % вузов РБ вынуждены были пересмотреть свои образовательные программы, чтобы адаптироваться к новым условиям [1].

Изменения, которые вносятся в образовательные программы, как правило, связаны с необходимостью переориентации на внутренний рынок и увеличения усилий в области развития национальной науки и технологий. Кроме того, в рамках пересмотра программ многие вузы начинают внедрять новые

методы обучения и организации научной работы, чтобы снизить зависимость от иностранных источников финансирования и научного оборудования [10]. Такие аспекты должны быть показаны как положительные (табл. 3).

Таблица 3

Положительные аспекты интеграции систем высшего образования

Аспект интеграции	Описание	Примеры положительного влияния
Обмен студентами и преподавателями	Повышение межкультурного понимания, обмен знаниями и опытом, расширение образовательных возможностей	Обмен студентами в рамках программы «Эразмус+»
Совместные исследования и проекты	Увеличение научного потенциала, развитие новых технологий и инноваций	Совместные научные проекты
Общий стандарт качества образования	Обеспечение сопоставимости уровня образования и признание дипломов между странами	Единые критерии оценки качества образования
Повышение конкурентоспособности	Объединение ресурсов и усиление сотрудничества способствуют повышению качества образования и привлечению студентов	Повышение рейтинга университета за счет международного признания

Важным фактором, оказывающим влияние на интеграцию систем высшего образования РБ и РФ в условиях иностранных санкций, является развитие цифровых технологий и внедрение электронного обучения. В современных условиях использование цифровых технологий становится не только возможностью, но и необходимостью. Большинство вузов в РФ и РБ начинают активно внедрять дистанционные формы обучения, что позволяет увеличить доступность и качество образования, несмотря на сложности, связанные с санкциями [6].

Использование цифровых технологий требует значительных инвестиций и разработки новых нормативных правовых актов, которые бы регулировали вопросы электронного обучения и защиты персональных данных студентов и преподавателей. В 2022 году было зафиксировано увеличение инвестиций в ИТ-инфраструктуру вузов на 28 % в РБ и 31 % в РФ по сравнению с 2021 годом, что говорит о высоком приоритете этого направления [3].

Необходимо также упомянуть о значении активизации процессов межвузовского сотрудничества в рамках СГ в условиях санкций. Создание совместных научно-образовательных центров, объединение усилий в проведении научных исследований, совместное использование образовательных и научных ресурсов — все это способствует усилению интеграционных процессов и помогает снизить негативные последствия санкций [9].

Иностранные санкции, влияющие на интеграцию систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ, также открывают новые возможности и стимулируют развитие в некоторых направлениях. Несмотря на некоторые негативные последствия, санкции также могут способствовать стимулированию инновационного развития, активизации научных исследований и модернизации образовательного процесса (рис. 2) [11].

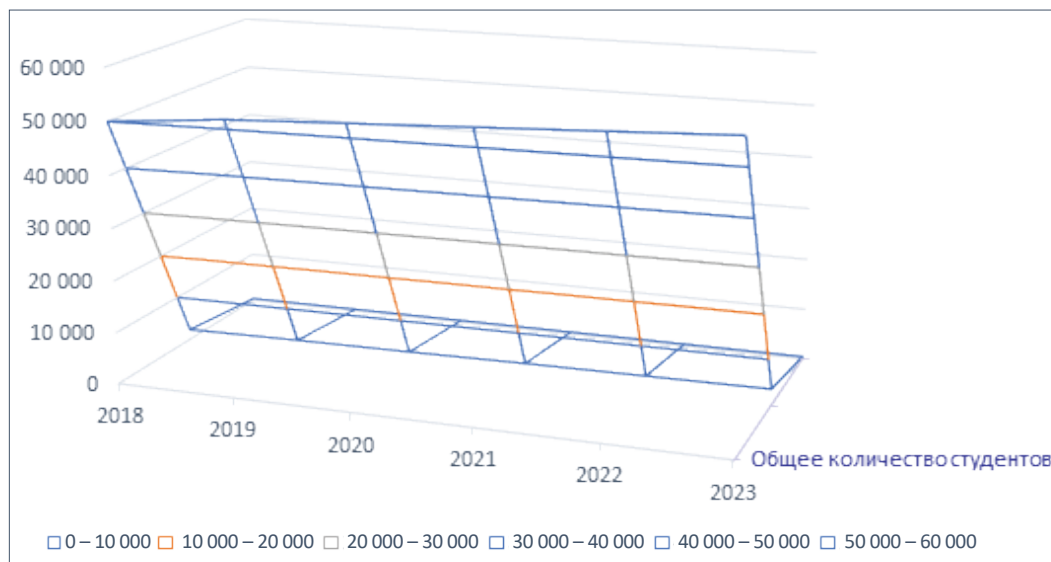

Рис. 2. Количество студентов и иностранных преподавателей в рамках интеграции Союзного государства

Исследование показывает, что применение санкций может стимулировать активизацию научно-исследовательской деятельности в области технологий и инноваций, поскольку страны вынуждены искать альтернативные источники оборудования и технологий. В частности, в 2022 году зарегистрировано увеличение объема научных исследований в сфере высоких технологий на 27 % в РФ и на 22 % в РБ, по сравнению с 2021 годом [1]. Санкции могут стимулировать модернизацию образовательного процесса и разработку новых подходов к обучению. В условиях ограниченного доступа к международному образовательному пространству страны вынуждены искать новые форматы и методы обучения, которые позволят обеспечить высокое качество образования и привлечь внимание студентов [8].

Вместе с тем санкции способствуют укреплению сотрудничества между вузами РБ и РФ и активизации процессов интеграции. Необходимость преодоления санкций вынуждает университеты активнее сотрудничать и объединять свои усилия для достижения общих целей [2].

Правовые последствия иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ являются сложными и многоаспектными. Внешнеполитические ограничения приводят к необходимости

ревизии существующего законодательства, а также к формированию новых нормативных правовых актов, направленных на защиту и поддержку отечественной системы высшего образования.

Прежде всего, санкции приводят к необходимости адаптации существующего законодательства к новым экономическим и политическим реалиям. В Российской Федерации, например, существует Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24.07.2023 № 385-ФЗ), который регулирует научную деятельность в стране, включая вопросы поддержки и развития науки в условиях международных санкций.

В отношении образования Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает возможность государственной поддержки образовательных учреждений, включая ситуации, связанные с международными санкциями. В Республике Беларусь, в свою очередь, Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» включает положения о государственной поддержке науки, включая условия санкций. Также в Беларуси, как и в России, в рамках Кодекса Республики Беларусь об образовании (от 13.01.2011 № 243-З) и Закона Республики Беларусь от 14.01.2022 № 154-З «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании» принимаются меры по поддержке и развитию системы образования в условиях сложной внешнеполитической ситуации [12]. В частности, введены дополнительные меры поддержки для учебных заведений и научных организаций, работающих в условиях санкций.

В связи с санкциями появляется необходимость в новых нормативных правовых актах, регулирующих вопросы сотрудничества между вузами РБ и РФ.

С расширением использования цифровых технологий в образовательном процессе также возникает необходимость в новых нормативных правовых актах, которые регулировали бы вопросы электронного обучения и защиты персональных данных. Отдельного закона, определяющего принципы дистанционного образования, в Союзном государстве нет, регулирование дистанционного образования включено в рамки других законодательных актов в РФ и РБ. В Российской Федерации дистанционное образование регламентируется Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В частности, ст. 16 этого закона содержит положения, относящиеся к дистанционному образовательному процессу. В Республике Беларусь вопросы дистанционного образования определяются в рамках Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 № 243-З. В данном законе нет прямых указаний на дистанционное обучение, но вопросы организации учебного процесса с использованием информационных технологий подразумеваются в рамках структуры и принципов образовательного процесса. Дистанционное образование в Беларуси регулируется более подробно на уровне нормативных актов министерств и вузов.

Интеграция систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ оказывает прямое влияние на развитие правовой базы обеих стран. Одной из основных задач интеграции является формирование единых стандартов и норм в области образования, что требует согласования и унификации многих нормативно-правовых актов. В частности, процесс интеграции образовательных систем предполагает согласование стандартов качества образования, аккредитационных процедур, системы оценки знаний, требований к учебным планам и программам [5]. Это подразумевает существенную работу по приведению в соответствие и адаптации национальных законов и нормативных актов, что может вызвать определенные сложности.

Одной из потенциальных проблем может стать различие в подходах к регулированию образовательной деятельности в РФ и РБ. Несмотря на общие цели и задачи, каждая из двух стран имеет свои специфические особенности в сфере образования, которые могут оказаться препятствием для полной интеграции [14].

Проблемой может стать необходимость принятия новых законов и нормативных актов, которые способны вызвать дискуссии и разногласия, потребовать дополнительного времени (например, вопросы признания дипломов и квалификаций, переноса академических кредитов и взаимного признания образовательных программ) [4].

Важным аспектом является вопрос защиты прав студентов и преподавателей. В процессе интеграции важно, чтобы права и интересы всех участников образовательного процесса были учтены и защищены, что также может потребовать внесения изменений в существующее законодательство [7].

Для улучшения качества интеграции систем высшего образования Союзного государства РБ и РФ можно предложить несколько подходов:

- создание специализированных комиссий или рабочих групп. Эти группы могут включать юристов, образовательных специалистов, представителей университетов и правительства. Их задачей будет изучение текущего законодательства, определение проблемных зон и разработка предложений по их решению;

- проведение общественных обсуждений. Вовлечение общественности в обсуждение процесса интеграции может помочь выявить возможные проблемы и недостатки, а также сформировать более полное понимание ожиданий от образовательной системы и требований к ней;

- использование международного опыта. Многие страны уже прошли путь интеграции своих образовательных систем (например, страны Европейского союза). Их опыт может быть полезен для выработки наиболее эффективных и прозрачных подходов к правовому регулированию;

- регулярная экспертиза и мониторинг законодательства. Проведение регулярного анализа и мониторинга правовой базы поможет выявить возникающие проблемы на ранних стадиях и своевременно разработать меры по их устранению;

– проведение обучающих семинаров и конференций для специалистов в области образования и права. Такие мероприятия помогут улучшить понимание специалистов в вопросах правового регулирования образования и привлечь их к активному участию в процессе интеграции.

Правовые гарантии играют ключевую роль в обеспечении успешного процесса интеграции систем высшего образования. Существует несколько способов их применения:

1. Одним из главных элементов любого процесса интеграции является создание и поддержание сильной и эффективной законодательной основы. Это включает разработку и внедрение законов, регулирующих все аспекты интеграции, от аккредитации и лицензирования до взаимного признания квалификаций и дипломов [6].

2. Важно обеспечить права, интересы, защиту всех участников образовательного процесса (например, студентов, преподавателей, администрации) на всех этапах процесса интеграции [1].

3. При возникновении споров или несоответствий, связанных с процессом интеграции, важно иметь четкие и прозрачные механизмы для их решения.

В то же время для снижения правовых рисков, связанных с интеграцией систем высшего образования Союзного государства, можно предложить следующие меры:

1. Непрерывные консультации с экспертами в области образования и права помогут выявить и преодолеть возможные проблемы на ранних этапах [10].

2. Обучение и повышение квалификации специалистов, работающих в области образования, помогут лучше понять особенности интеграции и справиться с возникающими проблемами [2].

3. Разработка детальных руководств и методических материалов поможет обеспечить ясность и прозрачность процесса, уменьшить вероятность ошибок и недоразумений [9].

4. Регулярный мониторинг и оценка процесса интеграции поможет своевременно выявить и устранить возникающие проблемы, а также обеспечит возможность корректировки процесса в случае необходимости [13].

Иностранные санкции, введенные против Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, оказывают заметное влияние на процессы интеграции систем высшего образования двух стран. Тем не менее степень этого влияния варьируется в зависимости от конкретных условий и контекста, а также от сферы применения санкций.

Возможности для обхода и преодоления этих санкций существуют и включают в себя различные правовые меры, такие как разработка и внедрение национального законодательства, создание специальных органов для контроля и регулирования процессов интеграции, а также усиление международного сотрудничества в области высшего образования.

Процесс интеграции систем высшего образования Союзного государства влечет за собой ряд правовых проблем и вызовов, включая вопросы аккредитации,

лицензирования, взаимного признания квалификаций и дипломов. Однако эти проблемы можно успешно преодолеть с помощью соответствующих правовых механизмов и гарантий.

Процесс интеграции систем высшего образования Союзного государства влечет за собой ряд правовых проблем и вызовов, включая вопросы аккредитации, лицензирования, взаимного признания квалификаций и дипломов. Однако эти проблемы можно успешно преодолеть с помощью соответствующих правовых механизмов и гарантий.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлено, что, несмотря на влияние иностранных санкций, возможности для успешного осуществления процесса интеграции систем высшего образования Союзного государства сохраняются. Это требует комплексного подхода, включающего в себя применение правовых инструментов, участие всех заинтересованных сторон, а также внедрение гибкой и адаптивной стратегии в ответ на меняющуюся ситуацию.

Иностранные санкции, наложенные на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, серьезно влияют на сферу высшего образования в этих странах. Основные проблемы связаны с ограничениями в области международного сотрудничества, финансирования и технологического обмена.

Нормативно-правовая база, регулирующая высшее образование в Союзном государстве, включает в себя не только национальные законы об образовании и научной деятельности, но и международные соглашения. В частности, речь идет о Конституциях РФ и РБ, Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Кодексе Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 № 243-З), Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Законе Республики Беларусь от 19.01.1993 № 2105-ХІІ «Об основах государственной научно-технической политики» (в ред. от 17.07.2023 № 300-З) и международных соглашениях, таких как Договор о Союзном государстве между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

Для минимизирования негативных последствия санкций оба государства должны уделить особое внимание наращиванию своего потенциала в области высшего образования и науки. Это означает, что нужно сосредоточиться на укреплении национальных образовательных и научных учреждений, повышении квалификации научно-педагогических работников, создании условий для научных исследований и инноваций.

Необходимо активизировать работу по международному сотрудничеству в области образования и науки, исключая страны, применяющие санкционные меры. Важно также искать новые формы сотрудничества и использовать все возможности для обмена опытом и технологиями.

Полная и охватывающая все сферы интеграция систем высшего образования России и Беларуси в рамках Союзного государства может стать эффективным ответом на вызовы, связанные с иностранными санкциями, а также наладить сотрудничество со странами БРИКС в данной области, что может быть перспективным направлением в ближайшие годы. Для этого следует развивать существующие механизмы сотрудничества, синхронизировать образовательные стандарты и программы, расширять возможности для студентов и преподавателей по обмену и совместной работе.

Таким образом, несмотря на сложности, вызванные санкциями, есть возможности для адаптации и развития системы высшего образования в России и Беларуси. Для этого необходима координированная работа и государственная поддержка на всех уровнях.

Список источников

1. Васильева О. Н., Жёлобов М. В. Совершенствование нормативного правового регулирования в области развития и функционирования системы высшего образования и науки в условиях ограничительных политических и экономических мер, введенных в отношении Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 2. С. 281–286.
2. Желиба Б. Н. Влияние санкций Запада на экономику Беларуси // Стратегии развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 7–8 октября 2021 г.). Т. 1. Минск: Право и экономика, 2021. С. 86–91.
3. Кузнецов А. Макроэкономический обзор ЕАБР / А. Кузнецов [и др.]. Декабрь 2022. М.: Евразийский банк развития, 2022. 30 с.
4. Лукьянов В. Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. Т. 21, № 3. С. 5–14.
5. Максимов А. С. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5. С. 69–78.
6. Орлов А. А. Односторонние санкции Запада — элемент гибридной войны // Обозреватель. 2021. № 7 (378). С. 19–32.
7. Пакуш Л. В., Панасюга Н. П. Союзные программы России и Беларуси: магистральные направления // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 1. С. 37–40.
8. Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–71.
9. Пархитько Н. П. Исторический ревизионизм Запада в XXI веке. Гибридная война Запада против России // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 71–80.
10. Рожковская Е. А. Направления и механизмы реализации структурной политики в контексте вызовов и угроз экономической безопасности Беларуси // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 4. С. 1465–1488.

11. Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: аналитический доклад. М.: Ассоциация внешне-политических исследований имени А. А. Громыко, Институт Европы РАН, 2022. 20 с.
12. Савина А. В. Правовое обеспечение экономической стабильности в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 3 (219). С. 106–108.
13. Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Союзное государство в современных геополитических реалиях // *Постсоветский материк*. 2023. № 1 (37). С. 24–44.
14. Ступаков Н. В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию Союзного государства) // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2019. № 3. С. 12–26.
15. Суздальцев А. И. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 1 (109). С. 193–232.
16. Теория модернизации промышленных комплексов Республики Беларусь и индустриально развитых регионов Российской Федерации в контексте неоиндустриализации / Г. В. Лепеш [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб.: Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2022. 319 с.
17. Шкодинский С. В., Шевчук М. В., Костякова В. Г. Особенности финансирования научных исследований в Российской Федерации // *Вестник МГОУ. Серия «Экономика»*. 2023. № 1. С. 26–37.
18. Gopalan S., Ouyang A., Rajan R. S. Impact of Greenfield FDI versus M&A on growth and domestic investment in developing Asia // *Economia Politica*. 2018. Vol. 35, № 1. P. 41–70.
19. Le T. H., Bach N. T. Global sanctions, foreign direct investment, and global linkages: evidence from global data // *The Journal of International Trade and Economic Development*. 2022. Vol. 31, № 7. P. 1–28.
20. Mao H., Görg H. Friends like this: the impact of the U.S. – China trade war on global value chains // *The World Economy*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1776–1791.
21. Mirkina I. FDI and sanctions: an empirical analysis of short-and long-run effects // *European Journal of Political Economy*. Vol. 2018, № 54. P. 198–225.

References

1. Vasil'eva O. N., Zhyolobov M. V. Sovershenstvovanie normativnogo pravovogo regulirovaniya v oblasti razvitiya i funkcionirovaniya sistemy` vy`sshego obrazovaniya i nauki v usloviyax ogranichitel'ny`x politicheskix i e`konomicheskix mer, vvedenny`x v otnoshenii Rossijskoj Federacii // *Obrazovanie i pravo*. 2023. № 2. S. 281–286.
2. Zheliba B. N. Vliyanie sankcij Zapada na e`konomiku Belarusi // *Strategii razvitiya e`konomiki Belarusi: vy`zovy`, instrumenty` realizacii i perspektivy`*: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 7–8 oktyabrya 2021 g.). T. 1. Minsk: Pravo i e`konomika, 2021. S. 86–91.
3. Kuznecov A. Makroe`konomicheskij obzor EABR / A. Kuznecov [i dr.]. Dekabr` 2022. M.: Evrazijskij bank razvitiya, 2022. 30 s.

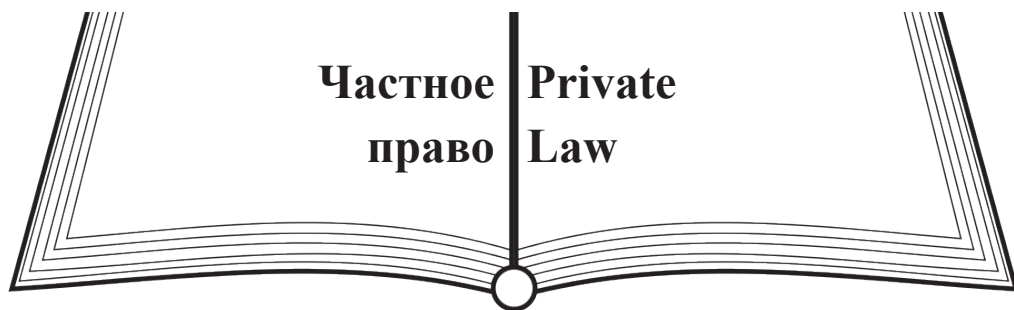
4. Luk`yanov V. Yu. Gibridny`e vojny` kak ugroza bezopasnosti v XXI veke // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal`nogo universiteta. Seriya «Gumanitarny`e i social`ny`e nauki». 2021. T. 21, № 3. S. 5–14.
5. Maksimov A. S. Specifika ispol`zovaniya metodov i texnologij gibridnoj vojny` na postsovetskom prostranstve // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura. 2021. № 5. S. 69–78.
6. Orlov A. A. Odnostoronnie sankcii Zapada — e`lement gibridnoj vojny` // Obozrevatel`. 2021. № 7. S. 19–32.
7. Pakush L. V., Panasyuga N. P. Soyuzny`e programmy` Rossii i Belarusi: magistral`ny`e napravleniya // Vestnik Belorusskoj gosudarstvennoj sel`skoxozyajstvennoj akademii. 2023. № 1. S. 37–40.
8. Panarin I. N. Osnovy` teorii «gibridnoj vojny`» // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2019. № 4. S. 58–71.
9. Parxit`ko N. P. Istoricheskij revizionizm Zapada v XXI veke. Gibridnaya vojna Zapada protiv Rossii // Obozrevatel`. 2021. № 2 (373). S. 71–80.
10. Rozhkovskaya E. A. Napravleniya i mexanizmy` realizacii strukturnoj politiki v kontekste vy`zovov i ugroz e`konomicheskoy bezopasnosti Belarusi // E`konomicheskaya bezopasnost`. 2022. T. 5, № 4. S. 1465–1488.
11. Rossijsko-belorusskie otnosheniya v 2022 g.: soyuzny`e programmy`, novy`e vy`zovy` i napravleniya integracii: analiticheskij doklad. M.: Associaciya vneshnepoliticheskix issledovanij imeni A. A. Gromy`ko, Institut Evropy` RAN, 2022. 20 s.
12. Savina A. V. Pravovoe obespechenie e`konomicheskoy stabil`nosti v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 3 (219). S. 106–108.
13. Sergeev N. M., Volkov G. Yu. Soyuznoe gosudarstvo v sovremenny`x geopoliticheskix realiyax // Postsovetskij materik. 2023. № 1 (37). S. 24–44.
14. Stupakov N. V. Soyuznoe gosudarstvo Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus`: perspektivy` uglublenniya soyuznoj integracii i obespecheniya bezopasnosti (k 20-letiyu Soyuznogo gosudarstva) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2019. № 3. S. 12–26.
15. Suzdal`cev A. I. Respublika Belarus`: e`volyuciya politiki balansirovaniya mezhdru Soyuzny`m gosudarstvom Belorussii i Rossii i Evrazijskim e`konomicheskim soyuzom // Aktual`ny`e problemy` Evropy`. 2021. № 1 (109). S. 193–232.
16. Teoriya modernizacii promy`shlenny`x kompleksov Respubliki Belarus` i industrial`no razvity`x regionov Rossijskoj Federacii v kontekste neoindustrializacii / G. V. Lepesh [i dr.]; Ministerstvo nauki i vy`sshhego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j e`konomicheskij universitet. SPb.: Sankt-Peterburgskij gos. e`kon. un-t, 2022. 319 s.
17. Shkodinskij S. V., Shevchuk M. V., Kostyakova V. G. Osobennosti finansirovaniya nauchny`x issledovanij v Rossijskoj Federacii // Vestnik MGOU. Seriya: E`konomika. 2023. № 1. S. 26–37.
18. Gopalan S., Ouyang A., Rajan R. S. Impact of Greenfield FDI versus M&A on growth and domestic investment in developing Asia // *Economia Politica*. 2018. Vol. 35, № 1. P. 41–70.
19. Le T. H., Bach N. T. Global sanctions, foreign direct investment, and global linkages: evidence from global data // *The Journal of International Trade and Economic Development*. 2022. Vol. 31, № 7. P. 1–28.

20. Mao H., Görg H. Friends like this: the impact of the U.S. – China trade war on global value chains // *The World Economy*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1776–1791.

21. Mirkina I. FDI and sanctions: an empirical analysis of short-and long-run effects // *European Journal of Political Economy*. Vol. 2018, № 54. P. 198–225.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023;
одобрена после рецензирования: 20.05.2023;
принята к публикации: 01.06.2023.

The article was submitted: 10.05.2023;
approved after reviewing: 20.05.2023;
accepted for publication: 01.06.2023.

УДК 351.712

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.06

О. А. Беляева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: civil@izak.ru

ЦИФРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Аннотация. Основная идея статьи — определить отличительные характеристики отечественной цифровизации публичных закупок. Ввиду наличия дуальной системы регулирования закупочных отношений автором выявлены принципиально разные предпосылки цифровизации государственных (муниципальных) и корпоративных закупок. Автором описаны промежуточные итоги цифровизации публичных закупок и определены основные направления ее дальнейшей интенсификации. В статье показана негативная составляющая единого электронного пространства закупок в контексте санкционного давления со стороны недружественных государств, указано на формирование нового рынка услуг специализированных торговых площадок. Выявлены отрицательные следствия тотальной электронизации не только закупочных процедур, но и всего замкнутого закупочного цикла. В частности, в связи с отсутствием взаимного признания электронных подписей между Россией и другими государствами невозможно сформировать межнациональный рынок публичных закупок.

Ключевые слова: единая информационная система; признание электронных подписей, публичные закупки, цифровизация; электронная цифровая подпись, электронный формат закупок.

UDC 351.712

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.06

O. A. Belyaeva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: civil@izak.ru

**DIGITAL EVOLUTION OF PUBLIC PROCUREMENT:
NEW HORIZONS**

Abstract. The main idea of the article is to identify the distinctive characteristics of the domestic digitalization of public procurement. Due to the presence of a dual system for regulating procurement relations, the author identified fundamentally different prerequisites for the digitalization of state (municipal) and corporate procurement. The author describes the interim results of the digitalization of public procurement and defines the main directions for its further intensification. The article shows the negative component of a single electronic procurement space in the context of sanctions pressure from unfriendly states, indicates the formation of a new market for services of specialized trading platforms. The author revealed the negative consequences of total electrical conversion not only of procurement procedures, but also of the entire closed procurement cycle. In particular, due to the lack of mutual recognition of electronic signatures between Russia and other states, it is impossible to form an interethnic market for public procurement.

Keywords: unified information system; recognition of electronic signatures; public procurement; digitalization; electronic digital signature; electronic procurement format.

Введение

В настоящее время наблюдается очень интенсивная стадия развития цифровой экономики по всему миру. Очевидно, что появляются и новые общественные отношения, условно говоря, «оцифрованные», им требуется оптимальное правовое воздействие. Цифровые технологии охватывают все без исключения сферы жизни современного общества: от знакомств обычных граждан и трансграничного общения в социальных сетях до реализации крупных бизнес-проектов, в том числе на договорных маркетплейсах с применением систем динамического дисконтирования. И публичные закупки не исключение.

Вначале основные пути цифровизации публичных закупок виделись в размещении извещений о закупках в сети Интернет, причем с последующим аккумулированием всех сведений на едином официальном сайте, а также в повсеместном внедрении электронных конкурентных процедур. Однако, когда эти направления цифровизации были реализованы, стало понятно, что дальнейшие перспективы использования цифровых технологий значительно масштабнее.

Современные публикации на тему цифровизации публичных закупок в целом отличаются положительной оценкой процессов, происходящих в этом сегменте общественных отношений. Сложно обнаружить содержательную критику внедрения цифровых технологий в данной сфере. Поэтому необходимо обратиться к неоднозначным вопросам цифровизации закупок, дать текущую и прогнозную оценку влияния цифровизации на развитие закупочных отношений.

Основная часть

К проблематике цифровизации публичных закупок мы уже неоднократно обращались ранее, оценивая не только предпосылки и перспективы развития этих процессов [4], но и формулируя некоторые сомнения в потенциале цифровизации как таковой [3]. В частности, эти сомнения касались использования технологии смарт-контрактов в государственных закупках, хотя первый опыт ее применения на региональном уровне уже имеется [2, с. 58–59].

Цифровизация в аспекте дуализма российских публичных закупок. В отличие от зарубежных правовых порядков (за исключением Республики Казахстан), в нашей стране функционирует специфическая система публичных закупок, отличительной чертой которой является ее дуальность. Так, по-разному регулируются закупки государственного и так называемого окологосударственного секторов экономики. Мы называем и те и другие публичными в смысле публичного раскрытия сведений о закупочных отношениях: от планирования до ведения отчетности по исполненным контрактам (договорам).

Есть мнение, что роль и скорость электронизации и цифровизации закупок существенно выросла в период активной фазы распространения коронавирусной инфекции [6, с. 152]. Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку фундаментальный задел был заложен задолго до начала пандемии. Тотальная электронизация государственных (муниципальных) закупок завершилась еще в 2019 году, корпоративные закупки фактически тогда же практически полностью перешли в электронный формат.

Хотя формально юридически у корпоративных заказчиков до сих пор остается возможность проводить закупки в аналоговом формате, востребованной эту норму назвать нельзя (ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», далее — Закон о закупках). Бумажная закупка в реалиях сегодняшнего дня выглядит как настоящий нонсенс.

Ошибочным следует признать и суждение о том, что корпоративные закупки в Российской Федерации находятся в начальной стадии цифровой трансформации. Электронизация и автоматизация закупочных бизнес-процессов происходят очень неравномерно в условиях дуализма закупочного законодательства [6, с. 157]. Однако неравномерности цифровизации

не наблюдается, ввиду кардинально разных подходов к правовой регламентации закупочных отношений.

Так, в сегменте государственных (муниципальных) закупок цифровые технологии реализуются в нормативном порядке, то есть путем установления соответствующих стандартов на законодательном уровне в отношении всех заказчиков. Сегмент корпоративных закупок, напротив, изначально регулирует себя в большей степени изнутри, законодательное воздействие в нем является сравнительно незначительным. По этой причине нельзя судить о том, что в корпоративных закупках электронизации меньше или больше, чем в государственных закупках. Данные процессы должны анализироваться не на уровне нормативного массива, а исключительно применительно к закупочным практикам конкретных заказчиков. И в этом проявляется интересная черта российской цифровизации в целом: есть сферы, где отношения переходят в цифровые формы ввиду соответствующих нормативных требований, а есть те, где цифровизация происходит ввиду волеизъявления субъектов общественных отношений.

Потенциал Единой информационной системы в сфере закупок. Совершенно очевидно, что Единая информационная система, размещенная на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок (zakupki.gov.ru), представляет собой *большие данные* (от англ. Big Data). В этой системе аккумулированы невероятные объемы информации, которые обрабатывают при помощи специальных автоматизированных инструментов, чтобы использовать для статистики, анализа, прогнозов и принятия решений, включая разного рода контрольные мероприятия, выявление нарушений, планирование проверок со стороны надзорных органов и пр.

В частности, применение Big Data в системе публичных закупок предопределило особенности прокурорского надзора в этой сфере: большинство прокурорских проверок проводится в ходе мониторинга информации, опубликованной в Единой информационной системе. Это позволяет прокурору оценить соблюдение требований законодательства без взаимодействия с проверяемыми лицами и без принятия решения о проведении проверки [7, с. 17].

Причем общеизвестно, что аналогичной по объему системы сведений о публичных закупках нет ни в одной стране мира [5, с. 228–229]. Внедрение digital-закупок традиционно рассматривалось как гарантия реализации принципа открытости и прозрачности закупок (ст. 7 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; далее — Закон о контрактной системе, п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона о закупках). Эти принципы коррелируют с задачами противодействия коррупции и другим злоупотреблениям в сфере закупок.

Итак, в нашей стране функционирует беспрецедентная единая электронная территория публичных закупок. Однако это достижение дает основание поставить два вопроса: о разбалансировке цели эффективного расходования денежных средств и о борьбе с разного рода злоупотреблениями и нарушениями.

Во-первых, никому не известна информация о стоимости содержания Единой информационной системы и поддержания ее функционирования, что дает основания усомниться в экономии бюджетных средств в ходе проведения публичных закупок в масштабах всей страны.

Оператором Единой информационной системы официально является Федеральное казначейство, однако де-факто этот функционал передан им на аутсорсинг, поскольку ежегодно заключается контракт с коммерческой организацией, которая занимается развитием и поддержкой данной системой, причем зачастую такой контракт заключается напрямую, то есть без проведения электронных конкурентных процедур. По неофициальным данным, в среднем расходы на функционирование Единой информационной системы составляют до 1 млрд руб. в год.

Таким образом, даже если мониторинг публичных закупок демонстрирует, что заказчики достигают экономии, представляется, что такая экономия в значительной степени обнуляется расходами на содержание единого электронного пространства закупок. Подразумевается и ожидается, что цифровизация приведет к экономии, однако есть веские подозрения, что этого не происходит.

Есть и другие соображения по поводу эфемерной экономии бюджетных средств, однако они не входят в канву проблематики настоящей статьи.

Во-вторых, задолго до начала специальной военной операции и последовавшего за этим беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных государств мы констатировали необходимость концептуального пересмотра информационного обеспечения системы публичных закупок, поскольку на первый план выходит не противодействие злоупотреблениям внутри страны, а защита публичных интересов Российской Федерации [1, с. 8].

И теперь это время настало. В Единой информационной системе начал работать так называемый закрытый контур или, образно говоря, Интернет в Интернете. Появились закупки с ограниченным доступом, получить информацию о которых лица, не аккредитованные в Единой информационной системе, не могут. Причем речь идет не только о закупках силовых ведомств, поставщики которых традиционно становятся мишенью для введения вторичных санкций, но и иных заказчиков, определение перечня которых относится к компетенции Правительства Российской Федерации.

Аналогичным образом Правительство Российской Федерации было вынуждено скрыть из Единой информационной системы сведения о закупках корпоративных заказчиков, в отношении которых недружественными государствами были введены экономические санкции и иные меры ограничительного характера (постановление Правительства РФ от 06.03.2022 № 301 «Об основаниях неразмещения на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках

(подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры»). Данное действие задало новый тренд для развития закрытых конкурентных закупок и увеличения числа специализированных электронных площадок, программное обеспечение которых функционирует без подключения к сети Интернет. Так, на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 23.11.2022 № 3574-р начали функционирование две новые специализированные площадки для проведения секретных закупок. Общее число таких площадок впервые возросло до трех — по сути, формируется рынок такого рода услуг.

В условиях текущей экономической ситуации закрытые закупки весьма интересны и коммерческим структурам, при этом обсуждается проект постановления Правительства РФ о снижении требований к уровню секретности шифровальных сетей для проведения закрытых закупок (<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=136671#>).

На наш взгляд, можно уверенно сделать вывод, что на современном этапе российская цифровизация имеет неординарную особенность: она нацелена на свое развитие в отрыве от глобальной сети. Цифровизация публичных закупок в конечном итоге, под воздействием внешних факторов, простимулировала создание внутренней цифровой среды, доступ к которой для иностранных лиц, по сути, заблокирован. Оказалось, что цифровизация не тождественна глобализации, изначально нацеленной на функционирование транспарентных рынков, — она стала излишней в условиях экономического противостояния со странами Запада.

Цифровизация публичных закупок как препятствие для выхода на отечественный рынок иностранных поставщиков. Отечественная контрактная система имеет высокий уровень электронизации. Так, в настоящее время в электронной форме проводятся все конкурентные процедуры закупок на электронных торговых площадках, определенных распоряжением Правительства РФ от 12.07.2018 № 1447-р.

В электронной форме заключаются контракты, а также оформляются документы об исполнении контрактных обязательств (документы о приемке, решения об отказе от контракта, претензии о начислении неустоек и пр.). При этом перечисленные документы должны размещаться в единой информационной системе закупок с использованием усиленных квалифицированных подписей уполномоченных лиц. Одним из принципов контрактной системы является принцип обеспечения конкуренции, согласно которому любое заинтересованное лицо имеет возможность, в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок, стать поставщиком, подрядчиком, исполнителем (ч. 1 ст. 8 Закона о контрактной системе).

Могут ли нерезиденты стать поставщиками для публичных нужд? Формально нерезиденты не допускаются лишь на рынок государственного оборонного заказа; что касается гражданских закупок, то такого требования, как государственная

регистрация, по законодательству Российской Федерации, к участникам закупки не установлено. Есть лишь одно исключение, касающееся резидентства участника закупки, которое обусловлено политикой деофшоризации отечественной экономики, — это запрет участия в государственных (муниципальных) закупках офшорным компаниям, а также российским организациям, участниками или выгодоприобретателями которых являются офшорные компании.

В корпоративных закупках не только нет каких-либо запретов по этому поводу, но прямо указано, что участником закупки может быть любое лицо, независимо от места нахождения и места происхождения капитала (ч. 5 ст. 3 Закона о закупках).

Парадоксально, но цифровизация определила круг участников публичных закупок кардинально иначе.

Так, на основании ч. 2 ст. 5 Закона о контрактной системе иностранные лица могут использовать только электронные подписи, признанные в Российской Федерации. Вопросы признания электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права, урегулированы статьей 7 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Однако фактически такое признание в настоящее время не осуществляется. Причем даже на уровне стран — участниц Евразийского экономического союза срок взаимного признания электронных подписей запланирован только на конец 2025 года.

Согласно ч. 1 ст. 88 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года целью и принципами регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок является в числе прочих обеспечение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков и поставщиков государств-членов к участию в закупках, проводимых в электронном формате, путем взаимного признания электронной цифровой подписи, изготовленной в соответствии с законодательством одного государства-члена, другим государством-членом.

Однако на сегодняшний день, в соответствии с решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23 августа 2012 года № 144, в нашей стране обеспечивается только признание электронной подписи, созданной в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Таким образом, фактически в связи с отсутствием взаимного признания электронных подписей между Российской Федерацией и иными государствами (за исключением Республики Беларусь) иностранные лица могут принимать участие только в закупках, которые проводятся в обычной (бумажной) форме. Например, в закупках у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). Аналогичная ситуация характерна для всех публичных закупок, электронные торговые площадки технически не могут допускать нерезидентов до участия в процедурах.

Кроме того, даже если с иностранным поставщиком заключен бумажный контракт по процедуре «единственный поставщик», не имея электронной

подписи, признаваемой в Российской Федерации, он лишен возможности размещать необходимые документы об исполнении контракта (и иные документы) в единой информационной системе в сфере закупок и, соответственно, не может получать оплату за выполненные обязательства.

Как видим, из-за цифровизации закупочного цикла (не только процедуры, но и процесса приемки исполнения обязательств) иностранные поставщики оказались ущемлены в правах и возможности участвовать в отечественной контрактной системе.

В этом направлении постепенно принимаются меры, в частности распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23.08.2022 № 140 утвержден Перечень мер по полноценной цифровизации государственных (муниципальных) закупок в государствах — членах Евразийского экономического союза. Очевидно, что пространство публичных закупок должно быть межнациональным, а не оставаться изолированным для каждого государства, несмотря на его членство в межгосударственных образованиях [8, с. 93]. Однако можно предположить, что взаимного признания электронных подписей в ближайшее время не произойдет, поскольку сейчас государства обеспокоены обеспечением своей цифровой безопасности. Следовательно, и транспарентным в международном плане рынок публичных закупок не станет.

Выводы

Цифровизация в публичных закупках инициирована по-разному, что обусловлено дуальной системой данных отношений: в контрактной системе она детерминирована нормативными предписаниями, в корпоративном секторе — желаниями самих заказчиков.

В условиях санкционной войны единое пространство электронных закупок потребовало реформатирования, появился так называемый закрытый контур, развивается внутренняя цифровизация в отрыве от глобальной сети Интернет, впервые появился рынок услуг специализированных торговых площадок, осуществляющих секретные закупки.

Ввиду отсутствия взаимного признания подписей между Россией и другими государствами (кроме Республики Беларусь) в электронных публичных закупках исключено участие нерезидентов. Парадоксально, но цифровизация сократила рынок публичных закупок по кругу лиц.

Список источников

1. Агапова Е. В., Беляева О. А. Границы транспарентности публичных закупок: монография. М.: Русайнс, 2020. 110 с.
2. Беляева О. А. Смарт-контракты в публичных закупках: вопросы регулирования и правоприменения // Проблемы развития права и правоприменения в условиях

социально-экономических преобразований на современном этапе: монография. М.: Проспект, 2023. С. 121–128.

3. Беляева О. А. Условия цифровой модернизации публичных закупок // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 29–43.

4. Беляева О. А., Чваненко Д. А. Цифровизация государственных и муниципальных закупок: целеполагание, эволюция и перспективы // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 129–139.

5. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: Big Data в механизме правового регулирования (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2023. 360 с.

6. Дорошенко Т. Г., Суханова И. А., Ямщикова И. В. Электронный прокьюремент в России: цифровизация отдельных процессов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 2. С. 150–159.

7. Максютов М. Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. М., 2018. 219 с.

8. Шмелева М. В. Предложения по модели правового регулирования внутригосударственного и межгосударственного взаимодействия по вопросам развития и внедрения устойчивых цифровых государственных и муниципальных закупок // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 90–96.

References

1. Agapova E. V., Belyaeva O. A. Granicy` transparentnosti publichny`x zakupok: monografiya. M.: Rusajns, 2020. 110 s.

2. Belyaeva O. A. Smart-kontrakty` v publichny`x zakupkax: voprosy` regulirovaniya i pravoprimeneniya // Problemy` razvitiya prava i pravoprimeneniya v usloviyax social`no-e`konomicheskix preobrazovaniy na sovremennom e`tape: monografiya. M.: Prospekt, 2023. S. 121–128.

3. Belyaeva O. A. Usloviya cifrovoj modernizacii publichny`x zakupok // Problemy` garmonizacii e`konomicheskix otnoshenij i prava v cifrovoj e`konomike: monografiya / отв. ред. V. A. Vajpan, M. A. Egorova. M.: Yusticinform, 2020. S. 29–43.

4. Belyaeva O. A., Chvanenko D. A. Cifrovizaciya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x zakupok: celepolaganie, e`volyuciya i perspektivy` // Pravovoe regulirovanie e`konomicheskix otnoshenij v sovremenny`x usloviyax razvitiya cifrovoj e`konomiki: monografiya / отв. ред. V. A. Vajpan, M. A. Egorova. M.: Yusticinform, 2019. S. 129–139.

5. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Cifrovizaciya grazhdanskogo oborota: Big Data v mexanizme pravovogo regulirovaniya (civilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 5 / отв. ред. L. Yu. Vasilevskaya. M.: Prospekt, 2023. 360 s.

6. Doroshenko T. G., Suxanova I. A., Yamshhikova I. V. E`lektronny`j prok`yurement v Rossii: cifrovizaciya otdel`ny`x processov // Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel`stvo. Nedvizhimost`. 2022. T. 12. № 2. S. 150–159.

7. Maksyutov M. F. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug ot del'ny'mi vidami yuridicheskix licz: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.11. M., 2018. 219 s.

8. Shmeleva M. V. Predlozheniya po modeli pravovogo regulirovaniya vnutrigosudarstvennogo i mezhgosudarstvennogo vzaimodejstviya po voprosam razvitiya i vnedreniya ustojchivy'x cifrovyy'x gosudarstvenny'x i municipal'ny'x zakupok // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2022. № 1. S. 90–96.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023;
одобрена после рецензирования: 29.05.2023;
принята к публикации: 05.06.2023.

The article was submitted: 15.05.2023;
approved after reviewing: 29.05.2023;
accepted for publication: 05.06.2023.

УДК 347.721

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.07

А. А. Кравчук

Космический центр «Морской старт»,

Владивосток, Российская Федерация

E-mail: zkv3krava@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-5812>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «КОРПОРАЦИЯ»

Аннотация. В данной статье исследуются основные подходы к пониманию сущности категории «корпорация» и ее базовых характеристик. Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что сегодня корпорации остаются одним из наиболее важных элементов экономической системы России, эффективное развитие которых возможно лишь при условии совершенствования механизмов правового регулирования их деятельности. В статье решаются три исследовательские задачи: во-первых, рассмотреть понятие категории «корпорация» с позиции действующего российского законодательства; во-вторых, определить основные подходы к раскрытию понятия исследуемой категории, представленные российскими цивилистами; в-третьих, проанализировать ключевые признаки корпорации, выделяемые научным сообществом и действующей редакцией ГК РФ. С точки зрения автора статьи, в условиях плюрализма мнений целесообразно придерживаться легально закрепленного подхода, однако в теоретическом плане он содержит ряд недостатков и внутренних противоречий, которые дополнительно подпитывают научную дискуссию о природе категории «корпорация». Этот факт говорит о том, что формирование законодательства о корпорациях и корпоративных отношениях по-прежнему не завершено и законодателю придется вернуться к корректировке нынешних положений ГК РФ. Совершенствование корпоративного законодательства может быть обеспечено посредством включения в ГК РФ понятия «корпорация» и расширения перечня ее существенных признаков.

Ключевые слова: корпоративное право; корпорация; гражданский кодекс; теоретические и практические подходы; признаки корпорации.

UDC 347.721

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.07

A. A. KravchukSpace Center “Sea Launch”,
Vladivostok, Russian FederationE-mail: zkv3krava@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-5812>**THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES
TO UNDERSTANDING THE ESSENCE
OF THE CATEGORY “CORPORATION”**

Abstract. This scientific article explores the main approaches to understanding the essence of the category “corporation” and its basic characteristics. The study’s relevance is determined by the fact that today corporations remain one of the most important elements of the Russian economy, which effective development requires constant improvement of its legal regulation mechanisms. In this paper, the author solves three research tasks: firstly, to consider the concept of “corporation” from the current Russian legislation standpoint; secondly, to determine the main approaches of Russian scholars to understanding the category being studied; thirdly, to analyze the key features of a corporation identified both by the scientific community and the current version of Russia’s Civil Code. From the author’s point of view, in the context of plural opinions on the issue, it is reasonable to apply to a legally accepted approach, however, in theoretical terms, it contains a number of shortcomings and internal contradictions, which provide a fertile ground for scientific discussion about the nature of the “corporation” category. This fact suggests that the formation of legislation related to corporations and corporate relations is still not completed, and the legislator will have to return to adjusting the existing norms of Russia’s Civil Code. Further improvement of corporate legislation can be ensured by including the definition of “corporation” and expanding the list of its essential features in Russia’s Civil Code.

Keywords: corporate law; corporation; civil code; theoretical and practical approaches; features of a corporation.

Введение

За последние годы российская экономика подверглась негативному воздействию множества внешних (пандемия коронавируса, санкции недружественных стран) и внутренних (технологическая зависимость, проблемы организации процесса управления) факторов. В этот период руководство страны приняло ряд мер, направленных на создание условий для нормального функционирования малого и среднего бизнеса. Вместе с тем основу экономики России по-прежнему составляют ее государственный и корпоративный секторы. При этом организации государственного сектора экономики страны, как правило, используют корпоративную модель построения бизнес-процессов [1, с. 14]. Иными словами, корпорации сегодня остаются одним

из наиболее важных элементов экономической системы России; эффективное развитие корпораций возможно лишь при условии совершенствования механизмов правового регулирования их деятельности. Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что актуальность исследования проблематики корпоративных правоотношений в существующих экономических условиях значительно возросла.

Основная цель представленной работы заключается в исследовании подходов отечественных ученых к пониманию категории «корпорация» и ее отличительных признаков на современном этапе развития юридической науки. Для этого нами выделены и последовательно решаются следующие исследовательские задачи: во-первых, рассмотреть понятие категории «корпорация» с позиции действующего российского законодательства; во-вторых, определить основные подходы к раскрытию понятия исследуемой категории, представленные российскими цивилистами; в-третьих, проанализировать ключевые признаки корпорации, выделяемые научным сообществом и действующей редакцией ГК РФ.

Степень научной разработанности темы

Тема исследования получила достаточно широкое распространение в отечественной историографии. Так, классификация существующих подходов к определению сущности категории «корпорация» и результаты исследования ее базовых характеристик на современном этапе развития юридической науки представлены в работах О. А. Макаровой [11], Е. Ю. Цукановой¹, А. Б. Козыревой [4], Ю. В. Сахаровой, И. С. Грибченко [15], Е. А. Суханова [16], И. С. Шиткиной [6], Е. Г. Шабловой [5] и многих других. Вместе с тем научное сообщество по-прежнему далеко от выработки единой универсальной позиции как относительно сущности категории «корпорация», так и относительно основных признаков, характеризующих ее, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования отечественного корпоративного законодательства. Эти обстоятельства предопределяют необходимость постоянного внимания к исследуемым в статье проблемам с целью поддержания научной дискуссии о наиболее приемлемых путях развития отечественного корпоративного права.

Методы научного исследования

Методологическую основу проводимого исследования составила совокупность общенаучных и специальных методов изучения общественных явлений и процессов, в их числе: формально-логический, формально-юридический,

¹ Цуканова Е. Ю., Симонова К. А. Понятие и правовая природа корпорации как юридического лица [Электронный ресурс] // Core. 2016. URL: <https://core.ac.uk/reader/151230670> (дата обращения: 08.02.2022). oai:dspace.bsu.edu.ru:123456789/17653

комплексный, диалектический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы и метод системного анализа. В частности, применение комплексного метода исследования позволило рассмотреть феномен «корпорация» во всем многообразии его связей и отношений, которое наиболее полно проявляется через призму ее характерных признаков. Применение метода системного анализа способствовало детальному рассмотрению каждого из выделенных нами признаков корпорации, позволив определить наиболее существенные из них. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении основных подходов к определению сущности категории «корпорация» путем выяснения сходства и различий между ними, тем самым позволив обобщить и систематизировать существующие на практике и в теории подходы. В качестве базовых методов проведения исследования также использовались формально-логический и формально-юридический методы, которые традиционно используются практически во всех работах правовой тематики.

Исследовательская часть

Начать исследование целесообразно с рассмотрения этимологии слова «корпорация». Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «корпорация» имеет два значения: в первом из них — это «объединенная группа, круг лиц одной профессии, одного сословия», а во втором — «одна из форм монополистического объединения» [13]. В обоих значениях корпорация рассматривается как некое объединение (лиц, профессий, сословий, собственности). Действительно, как следует из «Большой советской энциклопедии», слово «корпорация» произошло от позднелатинского *corporatio*, то есть объединение, и означает «совокупность лиц, объединившихся для достижения какой-либо цели и образующих самостоятельный субъект права — юридическое лицо» [2]. В представленной трактовке понятие «корпорация» фактически приравнивается к понятию «юридическое лицо». Кроме того, в нем вводятся некоторые отличительные черты, характеризующие корпорацию, а именно: необходимость достижения общей цели, образование самостоятельного субъекта права. В «Кембриджском академическом словаре» под корпорацией (*англ.* corporation) понимается «организация (то есть группа людей, члены которой работают вместе для достижения общей цели на постоянной основе), особенно в бизнес-сфере, которая юридически обособлена от людей, управляющих ею» [17]. Это определение вводит дополнительные признаки, присущие корпорации, — постоянность совместной деятельности объединившейся группы людей и их юридическая обособленность от управляющих корпорацией лиц.

Перед тем как перейти к рассмотрению научных подходов к определению категории «корпорация», стоит обратиться к официальной формулировке, представленной в действующем российском законодательстве. Согласно

определению, приведенному в ст. 65.1 ГК РФ, корпорации (корпоративные юридические лица) представляют собой юридические лица, чьи учредители (участники) обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган (общее собрание участников корпорации). При этом право участия в корпоративной организации порождает корпоративные (членские) права и обязанности ее участников в отношении созданного ими юридического лица². По смыслу приведенной законодателем нормы, корпорации противопоставляются унитарным юридическим лицам, чьи учредители не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства (табл. 1). Очевидно, что представленная классификация исходит из принципа разграничения юридических лиц по целям их создания и формам управления ими. Так, Е. Г. Шаблова справедливо отмечает, что корпорации создаются «для реализации интересов ее участников (членов) путем управления ею через особую систему органов», а унитарные организации — «в интересах неограниченного круга бенефициаров для реализации общественно полезных целей» [5, с. 9]. Однако стоит понимать, что, будучи самостоятельным участником правоотношений, «корпорация имеет свои собственные интересы, не тождественные сумме интересов участников корпоративных отношений» [6, с. 12]. При этом интересы корпорации выражаются органами ее управления.

Таблица 1

**Основные отличительные признаки
унитарных и корпоративных юридических лиц, согласно ГК РФ**

Наименование признака	Корпоративное юридическое лицо (корпорация)	Унитарное юридическое лицо (учреждение)
Наличие права членства (участия)	Учредители (участники) обладают правом членства (участия)	Учредители не приобретают прав членства (участия)
Право формирования (вхождения в состав) высшего органа организации	Учредители (участники) входят в состав высшего органа (общее собрание участников)	Учредители не становятся участниками, а высший орган (руководитель, председатель, директор) назначается, как правило, из числа сторонних лиц
Цели создания юридического лица	Реализация общих интересов ее участников (членов)	Реализация интересов неограниченного круга бенефициаров для достижения общественно полезных целей
Вид деятельности	Коммерческая и некоммерческая	Коммерческая и некоммерческая

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.02.2023).

Наименование признака	Корпоративное юридическое лицо (корпорация)	Унитарное юридическое лицо (учреждение)
Право собственности на имущество	Принадлежит созданной организации	Может принадлежать как учредителю (например, в унитарных предприятиях), так и созданной организации (например, в государственных корпорациях)
Возможность разделения имущества организации	Уставный капитал поделен на части (паи, акции, доли)	Уставный капитал неделим и не может быть распределен по вкладам (паям, акциям, долям)

Источник: составлено по данным: [5; 12], ГК РФ³.

Как отмечают эксперты, на практике выделение корпораций в качестве особого вида юридических лиц имело положительный результат, поскольку позволило: законодательно закрепить права и обязанности корпораций и их участников; урегулировать структуру управления корпорациями (как коммерческими, так и некоммерческими) и компетенцию их органов; упорядочить некоторые из спорных вопросов во внутренних отношениях самих корпораций (условия выхода или исключения из состава участников корпорации, возможность оспаривания решений органов управления корпорации и т. д.)⁴. Статья 65.1 ГК РФ также определила исчерпывающий перечень организационно-правовых форм как корпоративных, так и унитарных юридических лиц, что способствовало унификации подходов к классификации организаций в гражданском праве.

Вместе с тем с теоретической точки зрения закрепленная законодателем позиция по вопросу определения категории «корпорация» не лишена недостатков. Приведем лишь несколько примеров. Во-первых, в числе прочих организационно-правовых форм унитарных юридических лиц, которые, как мы помним, противопоставляются корпорациям, в ст. 65.1 ГК РФ указаны государственные корпорации (некоммерческие организации)⁵, что, как нам представляется, является алогичным. В обеих категориях применяется идентичная языковая единица «корпорация», однако их смысловое наполнение не только не близко, но, напротив, противоположно. Согласно системе классификации юридических лиц,

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.02.2023).

⁴ Гришаев С. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) [Электронный ресурс] / С. П. Гришаев, Т. В. Богачева, Ю. П. Свит // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77476412> (дата обращения: 08.02.2023).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.02.2023).

разработанной законодателем, корпорация — это родовое понятие, объединяющее в себе группу из тринадцати организационно-правовых форм корпоративных юридических лиц, а государственная корпорация — это видовое (на уровень ниже) понятие, которое входит в противоположную группу унитарных юридических лиц, объединяющую девять организационно-правовых форм. Этот факт явно свидетельствует о недостаточно качественной проработке категориального аппарата, применяемого в ГК РФ.

Во-вторых, стоит подчеркнуть условность проведенного законодателем разделения юридических лиц по форме управления ими, поскольку, хотя формально в унитарных организациях учредители не имеют права членства в них, но все же располагают значительными правами по управлению ими. Так, ст. 123.25 ГК РФ учредителям автономных некоммерческих организаций, которые относятся к унитарным предприятиям, предоставлены достаточно широкие права и солидные полномочия по управлению ими, в том числе и право назначения одного из учредителей-граждан организации на позицию единоличного исполнительного органа⁶. Указанные нормы плохо соотносятся с подходом, изложенным в ст. 65.1 ГК РФ, и приводят к смешению характерных признаков унитарных и корпоративных юридических лиц.

Стоит отметить, что научное сообщество также далеко от выработки единой позиции в вопросе определения понятия категории «корпорация» и ее характеристик. Классификация существующих подходов к определению исследуемой категории осуществлялась О. А. Макаровой [11], Е. Ю. Цукановой⁷, А. Б. Козыревой [4], Ю. В. Сахаровой [15] и др. Обобщая полученные ими результаты, можно выделить следующие основные подходы к определению категории «корпорация»:

1. Корпорация — это всякое объединение граждан или юридических лиц, основанное на их совместном участии в деятельности или в имуществе. К их числу следует относить любые легальные общественные (некоммерческие) и предпринимательские (коммерческие) объединения, как оформленные, так и не оформленные в качестве юридического лица, при условии, что такие объединения не носят временного характера [15, с. 80]. Эта трактовка представляется наиболее широкой из существующих. Так, согласно ей, в качестве корпораций можно рассматривать не зарегистрированные в качестве юридических лиц объединения собственников недвижимого имущества многоквартирного дома, различные союзы, консорциумы, клубы по интересам и даже государство как крупнейшее объединение граждан, совместно участвующих в его деятельности (через институт выборов) и в имуществе (через пользование духовными и материальными ценностями, находящимися в собственности государства и его народа).

⁶ Там же.

⁷ Цуканова Е. Ю., Симонова К. А. Понятие и правовая природа корпорации как юридического лица [Электронный ресурс] // Core. 2016. URL: <https://core.ac.uk/reader/151230670> (дата обращения: 08.02.2022). oai:dspace.bsu.edu.ru:123456789/17653

2. К корпорациям относятся любые организации, оформленные в качестве юридических лиц, независимо от того, основаны они на членстве (участии) или нет. Как справедливо отмечает Е. Ю. Цуканова, существованию этого подхода способствуют и принятые законодателем нормы. В частности, исследователь приводит пример государственных корпораций, которые в прямом смысле слова не могут считаться ни государственными, ни корпорациями⁸, так как: во-первых, имущество государственной корпорации принадлежит на праве собственности ей самой, а не государству; во-вторых, в государственной корпорации не может возникать никаких членских отношений, так как государство — единственный учредитель этой организации⁹. В данном случае возникновение противоречий также обусловлено слабой проработкой категориального аппарата, предложенного законодателем в ГК РФ, о чем мы писали выше.

3. Под корпорациями понимаются как коммерческие, так и некоммерческие юридические лица, основанные на отношениях членства (участия) и не являющиеся учреждениями. Так, в учебном пособии коллектива авторов Уральского федерального университета приводится следующее определение: «Корпорация — это юридическое лицо, которое создается для удовлетворения различных интересов своих учредителей (как имущественных, так и неимущественных)» [5, с. 8]. Далее авторы подчеркивают особый статус учредителей корпорации, которые обладают правом членства в них, то есть имеют возможность участвовать в управлении созданными ими организациями, оспаривать сделки и решения, получать информацию о деятельности корпорации. В качестве примеров корпораций авторы последовательно перечисляют все организационно-правовые формы корпоративных юридических лиц, приведенные в ст. 65.1 ГК РФ, подчеркивая, что они могут быть как коммерческими, так и некоммерческими. Схожей точки зрения придерживаются и исследователи МГУ им. М. В. Ломоносова, которые в учебнике по корпоративному праву указывают, что «к числу корпораций можно отнести как коммерческие организации (хозяйственные партнерства, хозяйственные товарищества, общества, производственные кооперативы), так и некоммерческие (ассоциации (союзы), потребительские кооперативы и другие некоммерческие организации, построенные по принципу участия или членства)» [6, с. 21]. Эта позиция полностью совпадает с позицией, изложенной в нынешней редакции ГК РФ, и именно она получила наибольшее распространение в отечественной цивилистике на современном этапе ее развития.

4. Корпорации — это только коммерческие юридические лица, основанные на членстве (участии). Эти организации также известны как предпринимательские

⁸ Цуканова Е. Ю., Симонова К. А. Понятие и правовая природа корпорации как юридического лица [Электронный ресурс] // Core. 2016. URL: <https://core.ac.uk/reader/151230670> (дата обращения: 08.02.2022). oai:dspace.bsu.edu.ru:123456789/17653

⁹ О некоммерческих организациях (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.): Федеральный закон от 12 янв. 1996 года № 7-ФЗ (ред. от 05 дек. 2022 года) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10105879> (дата обращения: 08.02.2023).

корпорации, то есть коммерческие организации, к отличительным чертам которых относятся: (1) достижение целей организации путем объединения ресурсов нескольких участников (членов), уполномоченных принимать участие в процессе управления ее деятельностью; (2) возможность разделения уставного капитала организации на части (паи, акции, доли), определяемые пропорционально имущественному вкладу участников (членов) [8, с. 588]. Указанную позицию разделяют В. С. Белых, В. В. Долинская, И. А. Еремичев, которые относят к корпорациям «юридические лица, основанные на объединении капиталов и осуществляющие полезную деятельность», в их числе: хозяйственные товарищества и общества, акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и производственные кооперативы [10, с. 24].

5. К корпорациям относятся только хозяйственные общества (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью). В рамках этого подхода корпорация рассматривается в качестве юридического лица: (1) собственность которого отделена от управления; (2) которое учреждено путем внесения добровольных взносов (объединения капиталов) в целях осуществления социально полезной деятельности. Сторонники этой точки зрения, среди которых В. Ф. Попондопуло, С. Д. Могилевский и Т. В. Кашанина, подчеркивают, что отделение собственности на вложенный капитал от управления есть главная черта, выделяющая корпорации среди прочих коммерческих юридических лиц, а значит, в отечественном праве к ним следует относить лишь хозяйственные общества [4, с. 99].

6. Корпорации — это только акционерные общества, представляющие собой высшую форму капитального объединения [11, с. 25]. Сторонники данного подхода, в частности О. А. Макарова, обосновывают свою позицию следующими доводами. Во-первых, правовая природа участия (членства) в персональных и капитальных объединениях различна. Акционерное общество (АО) — это в первую очередь объединение имущества (капитала), а не лиц, так как акционеры могут сохранять в тайне как факт своего членства, так и фактический размер участия в имуществе этого общества. Во-вторых, в правовом плане АО полностью независимы от своих акционеров, которые, в свою очередь, также независимы от созданных ими организаций¹⁰. В-третьих, для АО характерно формирование обособленного аппарата профессиональных менеджеров, выражающих интересы самой организации, которые зачастую не совпадают с интересами акционеров. Это указывает на то, что по мере развития АО происходит реальное отделение собственности на вложенный капитал от управления [10, с. 13–14].

¹⁰ *Примечание:* для АО личность конкретных акционеров не имеет значения, так как их появление или уход не оказывают правового воздействия на организацию, а следовательно, связь акционера с обществом обусловлена исключительно вложенным имуществом (капиталом). С целью укрупнения АО привлекает новые капиталы, увеличивая число акционеров, большинство из которых не смогут влиять на фактическое принятие решений ввиду их многочисленности и разобщенности.

Приведенные выше подходы свидетельствуют о том, что ученые вкладывают различное смысловое наполнение в категорию «корпорация», ставя во главу угла те или иные характеристики (признаки), присущие, по их мнению, таким организациям. В подобной ситуации было бы целесообразным раскрыть категорию «корпорация» через совокупность присущих ей признаков. Еще римские юристы предпринимали попытки определить базовые характеристики корпорации, такие как: 1) корпорации относятся к частным лицам; 2) в случае изменения состава участников (членов) корпорация продолжает юридическое существование; 3) имущество корпорации и ее участников обособлено друг от друга; 4) взаимодействие корпорации с другими лицами осуществляется через уполномоченных ею лиц [3, с. 172].

На современном этапе развития юридической науки решением этой исследовательской задачи занимались Е. А. Суханов [16], И. С. Шиткина [6], Ю. В. Сахарова [15], Е. Ю. Цуканова¹¹ и др., однако научное сообщество по-прежнему далеко от выработки единой универсальной позиции. Как нам представляется, наиболее полный перечень признаков корпорации приведен в коллективной работе ученых МГУ им. М. В. Ломоносова [6, с. 20–23]:

1. Корпорации — это юридические лица. С этим признаком сегодня соглашается подавляющее большинство ученых-цивилистов.

2. Корпорация — это союз субъектов права (физических и (или) юридических лиц), имеющих статус члена (участника) корпорации¹².

3. Корпорациям присуща автономность воли, которая хоть и определяется общими интересами ее участников, но не сводится к их простой сумме.

4. Изменение состава участников не влияет на существование корпорации как юридического лица, что приводит к возникновению следующего признака.

5. Корпорация — объединение не только и не столько лиц, но их капиталов (имущества), и многие ученые, в том числе и мы, считают, что, наряду с правом членства и обособлением имущества созданной организации, это один из основополагающих признаков корпорации.

6. Имущество корпорации обособлено от имущества ее участников, то есть принадлежит самой организации на праве собственности.

7. Наличие субъективных прав и обязанностей участника (члена) корпорации в отношениях с самой корпорацией и другими участниками (членами).

8. Организационное единство корпорации, проявляющееся в наличии органов управления, высший из которых — общее собрание участников.

Казалось бы, приведенный выше перечень содержит все признаки корпорации, упомянутые нами при рассмотрении основных подходов к определению

¹¹ Цуканова Е. Ю., Симонова К. А. Понятие и правовая природа корпорации как юридического лица [Электронный ресурс] // Core. 2016. URL: <https://core.ac.uk/reader/151230670> (дата обращения: 08.02.2022). oai:dspace.bsu.edu.ru:123456789/17653

¹² Примечание: в случае с «компаниями одного лица» определяющее значение приобретает не количество участников (членов) в момент учреждения организации, а факт наличия законной возможности последующего беспрепятственного вхождения в нее других участников (членов).

категории «корпорация». Однако если мы вновь обратимся к легально закрепленной трактовке корпорации, содержащейся в ст. 65.1 ГК РФ, то увидим, что один из определенных законодателем признаков корпорации — в корпорации учредители формируют ее высший орган (см. табл. 1) — полностью обойден вниманием. Дело в том, что до 2014 года указанный признак не был известен традиционной теории корпоративного права. Как отмечает Е. А. Суханов, обоснованность включения этого признака в ГК РФ вызывает сомнения, поскольку: (1) учредители корпорации формируют не только ее высший орган, но и прочие органы управления; (2) в унитарных юридических лицах их высшие (единственные) органы управления также формируются учредителями. Поэтому Е. А. Суханов приходит к выводу, что здесь глагол «формировать» употребляется в значении «составлять», а не в значении «создавать». Иными словами, одним из отличительных признаков корпорации в российском правовом порядке является тот факт, что ее учредители автоматически составляют высший орган, то есть они не только создают новый субъект права, но и выражают его волю через волеобразующие органы организации [16, с. 122–124]. Неоднозначность употребляемой законодателем трактовки также свидетельствует о недостаточной проработке положений о корпорациях, применяемых в ГК РФ. Тем не менее, как нам кажется, указанный признак корпорации стоит включить в приведенный выше перечень, но в несколько другом изложении, а именно: учредители (участники) корпорации по умолчанию (безусловно) входят в состав высшего органа корпорации (общего собрания участников).

Отметим, что другими исследователями выделялись и прочие признаки корпораций. Так, Е. А. Павлов и И. А. Еремичев к характерным признакам корпорации относят: 1) достижение общих целей; 2) возможность выступать в гражданском обороте от собственного имени; 3) самостоятельность гражданско-правовой ответственности по обязательствам корпорации; 4) наличие обособленного имущества; 5) наличие организационной структуры, обеспечивающей организационное единство корпорации [7, с. 104]. Фактически они привели признаки юридического лица, приравняв их к признакам корпорации, что не способствовало раскрытию сущности последней.

И. А. Самойлов и С. Д. Могилевский считают, что корпорация — это: 1) юридическое лицо; 2) организация, объединяющая на основе договора лиц или созданная одним лицом, ответственность которых ограничена; 3) коммерческая организация, члены которой имеют в отношении нее обязательственные права; 4) участник гражданского оборота с четкой организационной структурой, включающей систему органов управления ею [12, с. 32–81]. В этом случае налицо сомнительная попытка авторов смешать некоторые характерные признаки юридического лица и корпорации. При этом в понимании авторов категория «корпорация» ограничивается лишь коммерческими организациями.

И. Н. Краузов также видит в качестве корпораций только коммерческие структуры, как следствие, выделяя признаки, характеризующие именно такие предприятия: 1) коллективная собственность; 2) наличие совета директоров;

3) полное самоуправление; 4) незначительная ответственность; 5) наличие разработанной концепции маркетинга; 6) абсолютная правовая независимость организации от ее учредителей (владельцев) [9, с. 208].

С точки зрения автора, обоснованность выделения признаков, перечисленных в трех предыдущих абзацах, вызывает сомнения, поскольку они представляют собой различные варианты смешения признаков юридического лица, корпорации и коммерческой организации, что не способствует развитию знания о сущности категории «корпорация».

Заключение

Проведенный в настоящей статье анализ указывает на то, что представители отечественной юридической науки не пришли к единому мнению относительно понятия и сущностных характеристик категории «корпорация». Как нам представляется, в условиях плюрализма мнений целесообразно придерживаться легально закрепленного подхода, который получил наибольшее распространение в современной отечественной цивилистике. Несмотря на очевидную практическую пользу введенных законодателем норм корпоративного права, нельзя не отметить, что в теоретическом плане изложенный в ГК РФ подход содержит ряд недостатков и внутренних противоречий, которые дополнительно подпитывают научную дискуссию о природе категории «корпорация». Этот факт говорит о том, что формирование законодательства о корпорациях и корпоративных отношениях по-прежнему не завершено, а следовательно, законодателю придется вернуться к корректировке указанных норм ГК РФ. На наш взгляд, совершенствование корпоративного законодательства может быть обеспечено посредством включения в ГК РФ самого понятия «корпорация» и расширения перечня ее существенных признаков, при этом законодателю стоит обратить внимание на теоретические наработки отечественных цивилистов.

Список источников

1. Авилова С. С. Корпорации в российской экономике / С. С. Авилова [и др.] // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. № 10. С. 13–21.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 13. Конда – Кун / А. М. Прохоров (гл. ред.). 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. 608 с.
3. Бурлака С. Н., Симачкова Н. Н. Сущность и признаки коммерческой корпоративной организации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4 (часть 2). С. 171–175.
4. Козырева А. Б. Основные подходы к пониманию корпорации // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). С. 93–103.
5. Корпоративное право: учеб. пособие / О. В. Жевняк [и др.]; под общ. ред. Е. Г. Шабловой; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 183 с.

6. Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева [и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд. перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015.
7. Корпоративное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И. А. Еремичева, Е. А. Павлова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. 439 с.
8. Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. 1120 с.
9. Краузов И. Н. Понятие и признаки корпораций в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 207–209.
10. Макарова О. А. Генезис предпринимательских объединений: от корпорации к корпорации? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 4–15.
11. Макарова О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / пред. В. Ф. Попондопуло. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 413 с.
12. Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности: учеб. пособие. М.: Дело, 2006. 480 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
14. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право России: общая характеристика // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 2 (43). С. 93–100.
15. Сахарова Ю. В., Грибченко И. С. Понятие и признаки корпораций в российском законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2022. № 2 (26). С. 79–86.
16. Суханов Е. А. Комментарий к статьям 65.1–65.3 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 107–130.
17. Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press, 2008. 1156 p.

References

1. Avilova S. S. Korporacii v rossijskoj e`konomike / S. S. Avilova [i dr.] // Ucheny`e zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2018. № 10. S. 13–21.
2. Bol`shaya sovetskaya e`nciklopediya: v 30 t. T. 13. Konda – Kun / A. M. Proxorov (gl. red.). 3-e izd. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1973. 608 s.
3. Burlaka S. N., Simachkova N. N. Sushhnost` i priznaki kommercheskoj korporativnoj organizacii // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2019. № 4 (chast` 2). S. 171–175.
4. Kozy`reva A. B. Osnovny`e podxody` k ponimaniyu korporacii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 3 (41). S. 93–103.
5. Korporativnoe pravo: ucheb. posobie / O. V. Zhevnyak [i dr.]; pod obshh. red. E. G. Shablovoj; M-vo nauki i vy`ssh. obrazovaniya Ros. Federacii, Ural. feder. un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El`cina. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. 183 s.
6. Korporativnoe pravo: uchebnik / E. G. Afanas`eva [i dr.]; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд. перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015.
7. Korporativnoe pravo: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special`nosti «Yurisprudenciya» / pod red. I. A. Eremicheva, E. A. Pavlova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2012. 439 s.

8. Korporativnoe pravo: uchebny`j kurs: uchebnik / otv. red. I. S. Shitkina. M.: KNORUS, 2011. 1120 s.
9. Krauzov I. N. Ponyatie i priznaki korporacij v Rossijskoj Federacii // Molodoj ucheny`j. 2022. № 13 (408). S. 207–209.
10. Makarova O. A. Genezis predprinimatel`skix ob`edinenij: ot korporacii k korporacii? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2010. № 1. S. 4–15.
11. Makarova O. A. Korporativnoe pravo: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury` / pred. V. F. Popondopulo. 3-e izd. pererab. i dop. M.: Yurajt, 2019. 413 s.
12. Mogilevskij S. D., Samojlov I. A. Korporacii v Rossii: pravovoj status i osnovy` deyatel`nosti: ucheb. posobie. M.: Delo, 2006. 480 s.
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazy`ka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: A TEMP, 2006. 944 s.
14. Popondopulo V. F. Korporativnoe pravo Rossii: obshhaya karakteristika // Vestnik Instituta zakonodatel`stva Respubliki Kazaxstan. 2016. № 2 (43). S. 93–100.
15. Saxarova Yu. V., Gribchenko I. S. Ponyatie i priznaki korporacij v rossijskom zakonodatel`stve // E`konomika. Sociologiya. Pravo. 2022. № 2 (26). S. 79–86.
16. Suxanov E. A. Kommentarij k stat`yam 65.1–65.3 GK RF (v red. Federal`nogo zakona ot 5 maya 2014 g. № 99-FZ) // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. № 3. S. 107–130.
17. Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press, 2008. 1156 p.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023;
одобрена после рецензирования: 21.05.2023;
принята к публикации: 25.05.2023.

The article was submitted: 09.05.2023;
approved after reviewing: 21.05.2023;
accepted for publication: 25.05.2023.

УДК 349.223

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.08

В. Ю. Туранин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Российская Федерация

E-mail: turanin@bsu.edu.ru

Ю. С. Гусакова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Российская Федерация

E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

АТТЕСТАЦИЯ РАБОТНИКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Авторами проводится анализ понятия аттестации работников на предприятии, отмечается, что аттестация — это периодическая проверка квалификации персонала, целью которой является определение уровня профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности. Порядок проведения аттестации в организации предусмотрен нормативными правовыми актами. Руководство должно принять решение о необходимости, сроках, порядке и форме осуществления данного мероприятия (многие критерии уже прописаны в локальных актах). Делается вывод о том, что система проведения аттестации работников на сегодняшний день позволяет создать устойчивое развитие организации, оценить профессионализм сотрудников, убрать лишнее звено в коллективе, которое не справляется со своими обязанностями. Кроме этого, непрохождение аттестации является одной из причин расторжения трудового договора по инициативе работодателя на законных основаниях.

Ключевые слова: аттестация; аттестационная комиссия; работник; работодатель; повышение квалификации.

UDC 349.223

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.08

V. Yu. Turanin

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: turanin@bsu.edu.ru

Yu. S. Gusakova

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

**CERTIFICATION OF EMPLOYEES AT THE ENTERPRISE:
LEGAL ASPECTS**

Abstract. The authors analyze the concept of certification of employees at the enterprise, it is noted that certification is a periodic check of personnel qualifications, the purpose of which is to determine the level of professional training and compliance with the position. The procedure for certification in the organization is provided for by regulatory legal acts. The management should decide on the necessity, timing, procedure and form of implementation of this event (many criteria are already spelled out in local acts). It is concluded that the system of certification of employees today allows you to create a sustainable development of the organization, evaluate the professionalism of employees, remove an extra link in the team that does not cope with its responsibilities. And also, failure to pass certification is one of the reasons for termination of the employment contract on the initiative of the employer on legal grounds.

Keywords: attestation; attestation commission; employee; employer; professional development.

Введение

Аттестация работников является одним из значительных элементов в механизме любой организации. Каждому работодателю важно, чтобы в его трудовом коллективе были опытные специалисты, знающие свое дело. Поэтому на сегодняшний день проведение аттестационного комплексного мероприятия показывает руководителю оценку уровня квалификации работника на занимаемой должности в данной организации.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы

Российский законодатель не дает точного определения термину «аттестация работника», но при этом многие ученые выдвигают свою точку зрения на этот счет. А. Ю. Кучмин отмечает, что аттестация персонала представляет

собой «наиболее эффективный механизм, направленный на проверку деловых качеств работника и уровня его квалификации» [7, с. 143]. Это такой способ контроля, который позволяет работодателю «выявить соответствие работника занимаемой должности, проверить фактическое исполнение возложенной на работника трудовой функции, определить трудовой потенциал работника, и по результатам аттестации принять конечное управленческое решение» [Там же].

По мнению Л. В. Труханович, аттестация — это «определение квалификации сотрудника, уровень его знания на назначенной ранее должности. Такое проверочное мероприятие служит для выявления более качественных специалистов на предприятии» [10, с. 480].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что аттестация работников — это периодическая проверка квалификации персонала, целью которой является определение уровня профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности.

Исследовательская часть

Стоит отметить, что проведение такого мероприятия освидетельствования сотрудников организации является неким мотиватором. Иначе говоря, показав хороший результат, работник подтверждает, что он опытный специалист и ему может быть присвоена денежная премия, повышение в должности. Если же рабочий не проходит аттестационную проверку, то применяется ряд решений на законных основаниях (увольнение, понижение и отстранение от работы). (п. 3 ст. 81 ТК РФ) [1, ст. 81].

В свою очередь, в ст. 195 Трудового кодекса Российской Федерации прописано, что под квалификацией работника понимается уровень профессиональных знаний, опытности, навыков работника [1, ст. 195].

В трудовом праве выделяют следующие виды аттестации:

- очередная — (обязательная) проверка знаний и навыков для всего рабочего персонала;
- при повышении — позволяет повысить должность при положительной оценке знаний испытуемого;
- при переводе в другое подразделение — аттестационное мероприятие, предназначенное для проверки специалиста, если ему изменят условия труда и выполняемые функции.

Обратим внимание на то, что порядок проведения аттестации в организации предусмотрен нормативными правовыми актами. Руководство должно принять решение о необходимости, сроках, порядке и форме осуществления данного мероприятия (многие критерии уже прописаны в локальных актах). Руководитель обязан составить соответствующий приказ о проведении аттестационной проверки.

Необходимо сказать, что периодичность аттестационной проверки в основном предусматривается не реже одного раза в 3 года, но при этом такой срок не для всех сфер одинаковый. Например, периодичность аттестационных мероприятий для педагогов — один раз в пять лет; для работников полиции — один раз в четыре года; для сотрудников противопожарной службы — один раз в пять лет и т. д. При этом аттестация для работника, желающего перевестись на другую должность, может состояться не раньше чем через год после назначения.

Отметим, что с 1 января 2017 года были внесены существенные изменения, касающиеся определения квалификации работников, а также проведения аттестации их трудовой деятельности.

Так, в ст. 11 Федерального закона от 03.07.2016 № 238 «О независимой оценке квалификации» закреплено, что в настоящее время вводится специальная процедура, разработанная на основе квалификационных требований для работников, а также на основе профессиональных критериев, определенных федеральными законами и иными нормативными актами, способствующая достижению подтверждения соответствия квалификации различных работников вышеупомянутым требованиям и критериям [3, ст. 11].

В данном случае стоит учесть, что для этого работодателем заранее создается комиссия, членами которой традиционно являются высококвалифицированные специалисты. Количество человек, входящих в состав комиссии, должно быть нечетным, чтобы при открытом голосовании было большинство голосов с какой-либо стороны.

Отзыв о работе сотрудника организации играет значительную роль для результатов аттестации. Руководитель должен написать мнение о работе испытуемого на занимаемой должности и предоставить в аттестационную комиссию не позднее трех рабочих дней до начала проведения мероприятия.

В отзыве должна быть прописана полная и объективная характеристика о работнике, о его профессионализме и иных качествах в коллективе. Затем руководитель обязан ознакомить сотрудника с отзывом за две недели до прохождения аттестации. Если работник не соглашается с написанной информацией, то он может заявить об этом, предоставив комиссии дополнительные сведения, то есть это может быть мнение коллег, отзывы клиентов, других начальств и т. д.

Аттестационная комиссия использует различные формы для проверки навыков персонала:

- собеседование (обычно проходит в устной форме непосредственно с руководителем подразделения или с членами комиссии);
- тестирование (состоит из определенного числа вопросов с одним или несколькими вариантами ответов, где рабочий показывает соответствующий уровень профессионализма);
- смешанная форма проведения (собеседование и тестирование вместе).

Как было отмечено ранее, в различных профессиональных сферах деятельности аттестация работников проходит по-разному. Рассматривая ряд

специальностей, можно заметить как схожие, так и отличительные методы и формы освидетельствования персонала на профпригодность.

Например, порядок проведения аттестации педагогов образовательных учреждений (исключением являются работники профессорско-преподавательской деятельности) прописан в нормативных правовых актах. Аттестационная комиссия организации проводит экзамен в смешанной форме, то есть включает в себя как прохождение тестов на компьютере, так и устный ответ на вопросы членов комиссии. Решение об оценке определяется аттестационной комиссией в ходе открытого голосования о профессиональности работника. Позже результаты сообщаются самому педагогу и заносятся в протокол [4].

При проведении аттестации работников строительной организации необходимы два этапа. Первый — теоретический, суть которого заключается в письменном ответе на 20 поставленных вопросов (допускается одна ошибка). Второй этап — практический, который включает в себя выполнение индивидуального испытания (сдача образца). Специалистов строительной организации для прохождения проверочных испытаний отправляют в аттестационный центр. Результаты заносятся в протокол, и рабочим присваивается оценка.

Порядок проведения аттестации в медицинских учреждениях включает в себя экспертную оценку отчета о профессиональной деятельности специалиста за время работы на занимаемой должности, а также проведение теста и беседу с членами комиссии, направленную на уточнение теоретических и практических знаний. На собеседование допускаются лишь работники, которые успешно сдали тестирование. Прохождение аттестационного мероприятия не должно превышать 120 календарных дней [4].

Отметим главные ошибки при проведении аттестации [8], которые выделяют эксперты:

- 1) спонтанное решение провести аттестацию, не продумав процедуру, не указав в графике аттестационного мероприятия точные сроки;
- 2) дискриминация работников на испытаниях по некорректным факторам (пол, цвет кожи, вероисповедание и др.);
- 3) признание результатов частично (например, у кого-то из членов комиссии плохие отношения с работником и он специально занижает оценки или отдает голос против него);
- 4) оценка ради оценки (то есть работники проходят проверку уровня знаний, но не понимают, какие плюсы это несет для компании).

Законом не определяется круг работников, подлежащих независимой оценке квалификации, а делается лишь указание на то, что это лица, которые настроены осуществлять трудовую деятельность определенного вида. Следовательно, под упомянутую категорию подпадают все работники, занятые в производственной и организационной сфере трудовой деятельности [6].

В связи с этим у многих работодателей в настоящее время возникают вопросы по поводу правильного применения норм ст. 81 ТК РФ, которая предусматривает, по их мнению, идентичную процедуру, а именно проведение

аттестации работников, прежде всего в целях подтверждения их профессиональной квалификации, для дальнейшего установления соответствия занимаемой ими должности их трудовым способностям [1, ст. 81].

Так, некоторые специалисты утверждают, что в результате нововведений работодатели не имеют право проводить аттестацию работников в самостоятельном порядке, предусмотренную ст. 81 ТК РФ, а для определения соответствия квалификации работников необходимо направлять их в специально отведенные центры независимой квалификации [9].

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруда России) подготовило разъяснения, которые касаются данных вопросов. Отмечается, что работодатель не ограничен в праве проводить, в соответствии с трудовым законодательством, процедуру аттестации своих работников, прежде всего потому, что ему необходимо определить, соответствует ли имеющаяся профессиональная квалификация конкретного работника занимаемой им должности на предприятии, так как от этого будет зависеть уровень и качество производительности труда.

Это право принадлежит также работодателям организаций, в которых не предусматривается в обязательном порядке аттестация работников, однако законом им не запрещается издавать локальные нормативные правовые акты, предусматривающие возможность проведения данной процедуры и устанавливающие конкретные основания и сроки ее осуществления.

Оценка квалификации, согласно разъяснениям Минтруда России, выступает добровольной процедурой, которая может применяться как по инициативе работодателя, но с письменного согласия работника, так и по волеизъявлению самого работника.

Кроме того, независимая оценка необходима лишь для официального подтверждения соответствия имеющейся квалификации конкретного работника законодательно установленным профессиональным стандартам в области труда. Это позволит работнику более уверенно преподносить свои трудовые способности на рынке труда, поможет дальнейшему планированию его профессиональной карьеры [8].

Другая категория работодателей считает процедуру аттестации, осуществляемую в соответствии с положениями ст. 81 ТК РФ, и независимую оценку квалификации, определенную федеральным законом, абсолютно разными процедурами, преследующими различные цели [9].

Минтруда России также дало ответ на этот вопрос. Так, согласно разъяснениям, работодатель вправе включить в процедуру аттестации работников на предприятии указание на прохождение каждого работника независимой оценки квалификации и выдать соответствующее направление в центр, где будет проводиться данная операция.

Кроме того, в этом случае оплата услуг, предусматривающая проведение для работников квалификационно-профессионального экзамена, будет производиться за счет средств работодателя и на основании заключенного

между ним и Центром договора о возмездном оказании услуг. А подобные расходы работодателя, в соответствии со ст. 264 Налогового кодекса РФ, будут относиться к категории так называемых прочих расходов, связанных с производством и реализацией различных товаров, работ или услуг [2].

Помимо этого, Минтруда России отметило, что независимая оценка квалификации работников может рассматриваться как дополнительный, но не обязательный этап в процессе проведения аттестации работников на предприятии [5].

Результаты исследования

Таким образом, система проведения аттестации работников на сегодняшний день позволяет создать устойчивое развитие организации, оценить профессионализм сотрудников, убрать лишнее звено в коллективе, которое не справляется со своими обязанностями.

Непрохождение аттестации является одной из причин расторжения трудового договора по инициативе работодателя на законных основаниях.

Заметим, что процедура аттестации работников на предприятии полностью регулируется положениями ТК РФ, который устанавливает порядок ее проведения, сроки, основания и цели. Она предназначена для установления действительного соответствия квалификации работника занимаемой им должности. При этом независимая оценка квалификации является факультативной процедурой, которая проводится в добровольном порядке, и необходима в большинстве случаев лишь для самого работника.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2023 года. М.: Эксмо, 2023. 400 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (ред. 18.03.2023 № 64-ФЗ) // КонсультантПлюс (дата обращения: 22.04.2023).
3. О независимой оценке квалификации: Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 238-ФЗ // КонсультантПлюс (дата обращения: 22.04.2023).
4. Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность: приказ Минобрнауки России от 7 апреля 2014 года № 276 (ред. от 23 декабря 2020 года): зарег. в Минюсте России 23 мая 2014 года № 32408) // КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2023).
5. О направлении работников на независимую оценку квалификации [По вопросу применения аттестации работников, предусмотренной статьей 81 Трудового кодекса Российской Федерации]: письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 сентября 2019 года № 14-3/В-742 // Гарант (дата обращения: 14.01.2023).
6. Дегтяренко А. С. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» и Федеральному закону от 03.07.2016 № 239-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» в связи с принятием

Федерального закона «О независимой оценке квалификации». М.: Деловой двор, 2021. 288 с.

7. Кучмин А. Ю. Правовое регулирование аттестации работников // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 143–148.

8. Ответы на часто задаваемые вопросы по реализации Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // Социальный мир. 2017. № 18. 12 с.

9. Смолева М. Е. Когда учреждениям проводить независимую оценку квалификации работников? // Руководитель бюджетной организации. 2019. № 9. С. 52–58.

10. Труханович Л. В. Юридический словарь-справочник кадровика / отв. ред. Л. В. Труханович, Д. Л. Щур. М.: Дело и Сервис, 2003.

References

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 1 fevralya 2023 goda. M.: E`ksmo, 2023. 400 s.

2. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 31 iyulya 1998 goda № 146-FZ (red. 18.03.2023 № 64-FZ) // Konsul`tantPlyus (data obrashheniya: 22.04.2023).

3. O nezavisimoy ocenke kvalifikacii: Federal`ny`j zakon ot 3 iyulya 2016 goda № 238-FZ // Konsul`tantPlyus (data obrashheniya: 22.04.2023).

4. Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya attestacii pedagogicheskix rabotnikov organizacij, osushhestvlyayushhix obrazovatel`nyu deyatel`nost`: prikaz Minobrnauki Rossii ot 7 aprelya 2014 goda № 276 (red. ot 23 dekabrya 2020 goda): zareg. v Minyuste Rossii 23 maya 2014 goda № 32408 // Konsul`tantPlyus (data obrashheniya: 20.03.2023).

5. O napravlenii rabotnikov na nezavisimuyu ocenku kvalifikacii [Po voprosu primeneniya attestacii rabotnikov, predusmotrennoj stat`ej 81 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii]: pis`mo Ministerstva truda i social`noj zashhity` RF ot 18 sentyabrya 2019 goda № 14-3/V-742 // Garant (data obrashheniya: 14.01.2023).

6. Degtyarenko A. S. Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 03.07.2016 № 238-FZ «O nezavisimoy ocenke kvalifikacii» i Federal`nomu zakonu ot 03.07.2016 № 239-FZ «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii» v svyazi s prinyatiem Federal`nogo zakona «O nezavisimoy ocenke kvalifikacii». M.: Delovoj dvor, 2021. 288 s.

7. Kuchmin A. Yu. Pravovoe regulirovanie attestacii rabotnikov // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki. 2018. № 4. S. 143–148.

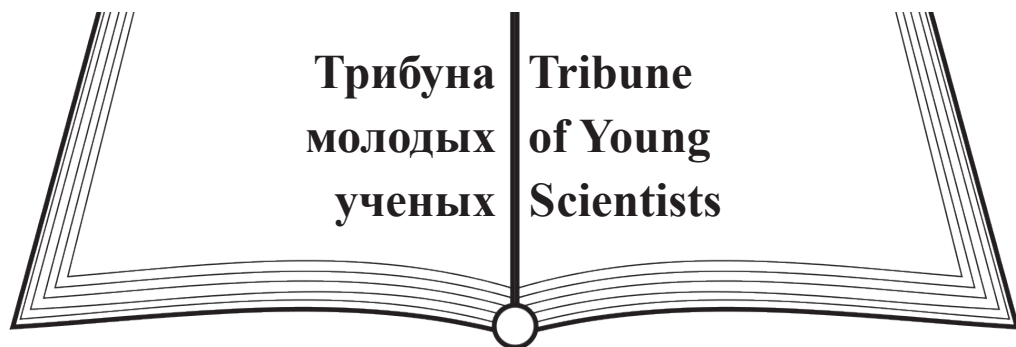
8. Otvety` na chasto zadavaemy`e voprosy` po realizacii Federal`nogo zakona ot 3 iyulya 2016 g. № 238-FZ «O nezavisimoy ocenke kvalifikacii» / E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov // Social`ny`j mir. 2017. №18. 12 s.

9. Smoleva M. E. Kogda uchrezhdeniyam provodit` nezavisimuyu ocenku kvalifikacii rabotnikov? // Rukovoditel` byudzhetnoj organizacii. 2019. № 9. S. 52–58.

10. Truxanovich L. V. Yuridicheskij slovar`-spravochnik kadrovika / отв. red. L. V. Truxanovich, D. L. Shhur. M.: Delo i Servis, 2003.

Статья поступила в редакцию: 03.05.2023;
одобрена после рецензирования: 12.05.2023;
принята к публикации: 21.05.2023.

The article was submitted: 03.05.2023;
approved after reviewing: 12.05.2023;
accepted for publication: 21.05.2023.

УДК 340.113

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.09

Д. А. Волков

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: demonhik2005@yandex.ru

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье формулируется предположение о сближении англосаксонской и континентальной правовых систем как на уровне основных принципов нормативного регулирования, так и на уровне законодательной техники. На примере анализа законов, регламентирующих трудовые отношения, сделан вывод о том, что законодателями Австралии, Новой Зеландии и Канады в исследованной области фактически приняты единые нормативные акты, во многом схожие с кодифицированными актами, являющимся основным источником права для стран континентальной правовой системы. Структура исследованных нормативных актов свидетельствует о том, что таковые являются комплексными, содержащими не только нормы трудового права, но и нормы процессуального права, а также нормы административного права, включая нормы об ответственности работодателей.

Ключевые слова: законодательная техника; трудовое законодательство; технико-юридические приемы; юридическая техника.

UDC 340.113

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.09

D. A. Volkov

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Saint-Petersburg, Russian Federation

E-mail: demonhik2005@yandex.ru

TECHNICAL AND LEGAL FEATURES OF THE LABOR LEGISLATION OF THE COUNTRIES OF THE ANGLO-SAXON LEGAL FAMILY

Abstract. The article formulates an assumption about the convergence of the Anglo-Saxon and continental legal systems, both at the level of the basic principles of regulatory regulation and at the level of legislative technique. Using the example of the analysis of laws regulating labor relations, it is concluded that the legislators of Australia, New Zealand and Canada in the studied area actually adopted uniform regulations, in many respects similar to codified acts, which is the main source of law for the countries of the continental legal system. The structure of the studied normative acts indicates that they are complex, containing not only the norms of labor law, but also the norms of procedural law, as well as the norms of administrative law, including the norms on the responsibility of employers.

Keywords: legislative technique; labor legislation; technical and legal techniques; legal technique.

Введение

Существующая типологизация правовых систем и разделение таких на англосаксонскую, романо-германскую и мусульманскую, а в некоторых случаях дополнительно на социалистическую [1, с. 150] и славянскую [5, с. 242, 274], строится на критерии роли основного источника права и порядка его формирования. Вместе с тем стоит признать, что современные правовые системы, как и любые иные общественные и социальные модели организации сообществ, не находятся в статическом состоянии. Они постоянно развиваются и совершенствуются, подстраиваясь под запросы общества, политические и экономические реалии. При этом правовые системы развиваются под воздействием как сугубо внутренних факторов (политического строя, общественно-экономической формации и т. д.), так и внешних факторов (международного права, войн, чрезвычайных ситуаций и т. д.). Триггером правовых реформ может являться, а часто и является, успешный правовой опыт иностранных государств в регулировании тех или иных отношений. Характерным примером последнего может являться заимствование Россией правового института финансового уполномоченного, а в более глобальном плане — рецепция римского права глоссаторами и постглоссаторами Европы.

Д. Я. Малешин, рассуждая о влиянии типологии правовой системы на развитие гражданского процесса, отмечал, что тип правовой системы, хотя и имеет важное значение для гражданского процесса, но не всегда является ключевым фактором его развития [6].

Полагаем, что такой тезис в полной мере справедлив и для отраслей права, и для таких специфических видов юридической деятельности, как юридическая техника.

Взаимное влияние применяемых разными государствами моделей и принципов правового регулирования, а также построенных на их основе правовых институтов является постоянным, не останавливающимся ни на мгновение процессом. По этой причине многие государства, традиционно относимые к англосаксонской правовой семье, в настоящее время заимствуют технико-юридические средства и приемы, выработанные в странах романо-германской правовой семьи, и наоборот. На это, в частности, указывал А. А. Малиновский, отмечая, что некоторые государства, принадлежащие к англосаксонской правовой семье, отошли от традиций материнского (английского) права и, заимствовав романо-германский подход, приняли единые акты, регламентирующие наиболее важные сферы общественных отношений [7, с. 65; 8, с. 179]. Итак, можно предположить наличие тенденции на сближение и унификацию технико-юридических приемов, используемых в законотворческой деятельности, законодателями англосаксонской и романо-германской правовых систем.

Методы научного исследования. В процессе рассмотрения данной темы применялся всеобщий диалектический метод, методы анализа и синтеза, сравнительный метод.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых, специализирующихся на исследованиях в области заимствования моделей правового регулирования из различных правовых систем.

Нормативную базу исследования составили: Трудовой кодекс Российской Федерации; акты, регулирующие трудовые отношения в Австралии, Новой Зеландии, США, Великобритании и Канаде.

Исследовательская часть

Процессы взаимного влияния существующих правовых систем традиционно представляют научный интерес, в связи с чем изучаются и анализируются в целях поиска более совершенного механизма регулирования общественных отношений, а также более совершенного законодательного закрепления нормативных предписаний.

Примером этого является дискуссия по вопросу применения в России понятия «бремя собственника» по англосаксонской модели, предполагающей ответственность в виде ограничения расточения имущества [2]. Или исследования английского законодательства, касающегося регулирования машинного

творчества, которое является образцом для регламентации таких отношений, в том числе в странах континентальной правовой семьи [3]. Обсуждается и целесообразность внедрения в российское законодательство трастовых конструкций, характерных для англосаксонской системы права [4, с. 89].

При этом стоит признать, что вопросы совершенствования юридической техники, в отличие от содержания норм права, формулируемых с их помощью, не подвержены политическому и экономическому влиянию.

Для сравнения приемов законодательной техники различных государств англосаксонской правовой семьи попробуем провести обзорное сравнение действующих в таковых законов, регламентирующих трудовые отношения.

Так, в Австралии трудовые отношения урегулированы единым объемным статутом — Законом о справедливом труде (*англ.* Fair Work Act 2009), принятым в 2009 году. Одновременно с ним действует и ряд подзаконных актов (*англ.* Modern Awards), принимаемых Комиссией по справедливому труду (*англ.* Fair Work Commission), в которых установлен минимальный размер оплаты труда.

Похожая по своей структуре система нормативного регулирования отношений в сфере труда применена в Канаде и Новой Зеландии. В Канаде для этой цели используется единый кодифицированный акт — Трудовой кодекс Канады (*англ.* The Canada Labour Code), принятый еще в 1985 году, а в Новой Зеландии — действующий с 2000 года Закон о трудовых отношениях (*англ.* Employment Relations Act 2000).

Безусловно, в упомянутых странах существуют и самостоятельные законы, регламентирующие отдельные специфические сферы трудовых и служебных отношений, а также смежные правовые институты. Однако тенденция к кодификации правовых норм, регламентирующих трудовые отношения, прослеживается довольно четко.

В отличие от приведенных примеров, действующий с 1999 года в Великобритании Закон о трудовых отношениях (*англ.* Employment Relations Act 1999) содержит значительно меньший объем правовых норм и лишь фрагментарно регулирует трудовые отношения. В нем рассмотрены вопросы о регламентации деятельности профсоюзов, вопросы рабочего времени и отпуска по семейным обстоятельствам, а также отдельные элементы системы защиты трудовых прав. В дополнение к нему действует и принятый в 2008 году Закон о занятости (*англ.* Employment Act 2008), которым предусмотрен порядок разрешения споров, вопросы минимальной оплаты труда и системы мер по предотвращению безработицы, а также ряд иных, более узконаправленных законов.

Наиболее пестрое нормативное регулирование трудовых отношений представлено в США, где действует множество разноуровневых нормативных актов, регламентирующих различные отдельные сферы. Среди основных — Закон о национальных трудовых отношениях 1935 года (*англ.* The National Labor Relations Act of 1935), Закон о равной оплате труда 1963 года (*англ.* The Equal Pay Act of 1963) и ряд других.

На приведенном примере можно проследить определенную закономерность в стремлении законодателей Канады, Австралии и Новой Зеландии, в отличие от Великобритании и США, по консолидации применяемых норм в едином нормативном акте, что более характерно именно для стран романо-германской правовой системы.

Несмотря на это, анализ содержания упомянутых законов свидетельствует, что логика их построения и использованные при этом технико-юридические подходы существенно отличаются от подходов, применяемых отечественным законодателем.

Законы, регламентирующие трудовые отношения в Австралии, Новой Зеландии и Канаде, по своему нормативному наполнению во многом соответствует Трудовому кодексу РФ. В них последовательно включены правовые институты, охватывающие действия самого закона во времени и по кругу лиц, регулирующие коллективные соглашения и вступление в трудовые отношения, устанавливающие порядок исчисления трудового времени и времени отдыха, вопросы заработной платы, социальной защиты работников и др.

Вместе с тем, если сравнивать структуру Трудового кодекса РФ и структуру вышеуказанных нормативных актов, можно сделать вывод о том, что одной из отличительных особенностей вышеуказанных нормативных актов является их комплексный характер, а в некоторых случаях и принципиально иной подход к формированию блоков регулируемых правоотношений.

Наиболее существенным отличием является наличие положений, регламентирующих административные отношения, а также механизм правовой и процессуальной защиты прав работников.

В качестве примера проанализируем новозеландский закон о трудовых отношениях.

Наряду с традиционными вопросами, в нем содержится целый раздел, посвященный нарушениям трудовых прав работников, где рассмотрены виды возможных нарушений, среди которых выделены дискриминация, сексуальное домогательство, расовые домогательства, принуждение и др. Причем в таких нормах подробно оговорены условия, при которых соответствующее действие со стороны работодателя может быть квалифицировано как один из видов нарушений.

Например, расовым домогательством в силу статьи 109 упомянутого закона могут быть признаны действия, при которых работодатель при приеме на работу работника использует язык (письменный или устный) или визуальные материалы, или физическое поведение, которые прямо или косвенно:

а) выражают враждебность по отношению к работнику, вызывают презрение или насмешки над работником на основании расы, цвета кожи, этнического или национального происхождения работника;

б) являются оскорбительными или оскорбительными для работника (независимо от того, доведено это до сведения работодателя или представителя или нет);

в) оказывают — по своей природе либо в результате повторения — пагубное влияние на занятость работника, производительность труда или удовлетворенность работой.

Таким образом, законодателем фактически в текст закона введены нормы-дефиниции, позволяющие разграничить правомерное поведение от неправомерного.

Однако этим законодатель не ограничился. Тот же раздел содержит положения об имеющихся у работника средствах правовой защиты и механизме их использования, подробно перечисляются таковые средства. Помимо этого, содержатся нормы о вариантах рассмотрения жалобы работника компетентными органами публичной власти, возможность наложения штрафов.

В развитие этих положений следующий раздел закона посвящен институтам, посредством использования которых может быть разрешен трудовой спор. Однако помимо перечисления возможных государственных и общественных институтов с указанием принципов деятельности таковых и компетенции, которая указана и в Трудовом кодексе РФ, анализируемый закон содержит положения о структуре таких органов, порядке их создания и функционирования.

Так, например, одним из государственных органов Новой Зеландии, наделенных контрольными функциями в вопросах соблюдения трудового законодательства, является Управление по трудовым отношениям (*англ.* Employment Relations Authority).

Причем в разделе, посвященном указанному управлению, содержится не только компетенция такового и его место в системе защиты трудовых прав, но и порядок назначения руководства, порядок принесения присяги и сложения полномочий, порядок поступления на работу в управление, особенности статуса работников, порядок начисления заработной платы, порядок исполнения ими своей трудовой функции и т. д.

Наиболее необычным с точки зрения российской законодательной техники представляется наличие в законе подробной регламентации не только порядка создания, компетенции и полномочий специализированного суда — Суда по трудовым спорам (*англ.* Employment Court), — порядка назначения судей на должность и требований, предъявляемых к ним, но и процессуального порядка разрешения данным судом трудовых споров. Здесь можно встретить нормы, устанавливающие исключительную юрисдикцию суда по вопросам трудовых отношений, со ссылками на конкретные разделы и статьи (на нарушение которых может ссылаться заявитель). Приведен обзор возможных видов судебных производств, порядок судебного разбирательства, способы и формы подачи на апелляцию и т. д.

По тому же принципу построены австралийский Закон о справедливом труде и Трудовой кодекс Канады.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в ряде стран англосаксонской правовой семьи для регулирования трудовых отношений приняты единые нормативные акты, что является более характерным для стран романо-германской правовой системы. Исследование структуры таких актов свидетельствует не только об отсутствии четкого принципа распределения нормативных предписаний на материальные и процессуальные (которого придерживается российский законодатель), но и о включении в единый нормативный акт нормативных положений, регламентирующих общественные отношения различной правовой природы (трудовые, организационные, административные).

Таким образом, нормативный правовой акт как систематизированное объективное воплощение нормативной информации все чаще рассматривается законодателями Австралии, Новой Зеландии и Канады в качестве допустимого и удобного средства доведения своей воли до участников общественных отношений и правоприменителей. При этом применяемые в законотворческом процессе указанных стран технико-юридические приемы приводят к появлению очень объемных и комплексных законов, выходящих за сложившееся в России представление о кодифицированных актах.

Список источников

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 496 с.
2. Карпов Е. А. О возможности рецепции положений англосаксонских моделей права собственности в нормы законодательства о праве собственности в гражданском праве России // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 38–41.
3. Кольздорф М., Семенова И. Auctor ex machina. Подходы стран англосаксонского и континентального права к машинному творчеству // Закон. 2022. № 5. С. 167–187.
4. Конончук М. И. Актуальность внедрения в гражданское законодательство Российской Федерации таких правовых конструкций, как траст и фонд // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 89–95.
5. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. I. М.: Статут, 2010. 429 с.
6. Малешин Д. Я. Гражданский процесс России: романо-германский, англосаксонский или смешанный тип? // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 73–86.
7. Малиновский А. А. Механизм правового регулирования в зарубежных правовых семьях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 4. С. 56–80.
8. Малиновский А. А. Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 179–190.

References

1. David R. Osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti / per. s fr. i vstup. st. V. A. Tumanova. M.: Progress, 1988. 496 s.

2. Karpov E. A. O vozmozhnosti recepii polozhenij anglosaksonskix modelej prava sobstvennosti v normy` zakonodatel`stva o prave sobstvennosti v grazhdanskom prave Rossii // *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2022. № 4. S. 38–41.
3. Kol`zdorf M., Semenova I. Auctor ex machina. Podxody` stran anglosaksonskogo i kontinental`nogo prava k mashinnomu tvorchestvu // *Zakon*. 2022. № 5. S. 167–187.
4. Kononchuk M. I. Aktual`nost` vnedreniya v grazhdanskoe zakonodatel`stvo Rossijskoj Federacii takix pravovy`x konstrukcij, kak trast i fond // *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2021. № 3 (43). S. 89–95.
5. Lafitskij V. I. *Sravnitel`noe pravovedenie v obrazax prava*. T. I. M.: Statut, 2010. 429 s.
6. Maleshin D. YA. Grazhdanskij process Rossii: romano-germanskij, anglosaksonskij ili smeshanny`j tip? // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2010. № 12. S. 73–86.
7. Malinovskij A. A. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v zarubezhny`x pravovy`x sem`yax // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. 2017. № 4. S. 56–80.
8. Malinovskij A. A. *Yuridicheskaya texnika v zarubezhny`x pravovy`x sem`yax (vzglyad komparativista)* // *Yuridicheskaya texnika*. 2016. № 10. S. 179–190.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023;
одобрена после рецензирования: 29.05.2023;
принята к публикации: 10.06.2023.

The article was submitted: 15.05.2023;
approved after reviewing: 29.05.2023;
accepted for publication: 10.06.2023.

УДК 343.341

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.10

Д. Н. Григоров

Юго-Западный государственный университет,

Курск, Российская Федерация

E-mail: dmitriygrigorov2021@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3593-9918>

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ И ДЕМОНИСТРИРОВАНИЕ СИМВОЛИКИ, НА КОТОРУЮ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение проблем, связанных с установлением обширного правового запрета на демонстрацию и пропаганду определенных видов символики, которые приобрели повышенное общественное значение в связи с установлением уголовной ответственности за повторное совершение соответствующего административного правонарушения. Методологической основой исследования стали общенаучные методы познания, формально-юридический метод толкования правовых норм, метод изучения документов (публикаций СМИ, символики организаций), контент-анализ публикаций СМИ, кейс-стади. В результате выявляется необходимость конкретизации правового регулирования в отношении ряда необщезвестных символов, символов экстремистских организаций, не имеющих официального статуса, атрибутов и символов организаций, на которые запрет распространяется лишь в связи с частью их продуктов. Особое внимание уделяется совокупности проблем, связанных с татуировками, содержащими запрещенные символы. Результаты исследования, включающие предложения дифференциации ответственности за демонстрацию символов и атрибутов в зависимости от их характера, а также по недопущению создающего возможности коррупционных и иных злоупотреблений многократного привлечения к ответственности за демонстрацию татуировок с запрещенными символами, могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: экстремистские организации; нацистская символика; татуировка; символика СССР; криминальная субкультура.

UDC 343.341

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.10

D. N. Grigorov

Southwest State University,

Kursk, Russian Federation

E-mail: dmitriygrigorov2021@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3593-9918>**PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND WAYS
TO SOLVE THEM**

Abstract. The aim of the study is to consider the problems associated with the establishment of an extensive legal ban on the demonstration and promotion of certain types of symbols, which have acquired increased public importance in connection with the establishment of criminal liability for the repeated commission of the corresponding administrative offense. The methodological basis of the study was general scientific methods of cognition, the formal legal method of interpreting legal norms, the method of studying documents (media publications, symbols of organizations), content analysis of media publications, and case studies. As a result, there is a need to specify the legal regulation in relation to a number of not well-known symbols, symbols of extremist organizations that do not have an official status, attributes and symbols of organizations to which the ban applies only in connection with part of their products. Particular attention is paid to the set of problems associated with tattoos containing prohibited symbols. The results of the study, including proposals for differentiating responsibility for the display of symbols and attributes depending on their nature, as well as for preventing multiple prosecutions for displaying tattoos with prohibited symbols, which creates opportunities for corruption and other abuses, can be used in legislative and law enforcement activities.

Keywords: extremist organizations; Nazi symbols; tattoo; symbols of the USSR; criminal subculture.

Введение

Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 года отметил, что элиты Запада стремятся нанести стратегическое поражение России, осуществляя против нее все более массовые и изощренные информационные атаки¹. В таких условиях огромное значение приобретает законодательство, направленное на противодействие экстремизму. Как указывает Конституция РФ в ст. 29, различные формы агитации и пропаганды, связанные с разжиганием отношений ненависти и вражды в обществе, являются недопустимыми. Но именно такую пропаганду, направленную на реабилитацию нацизма, распространение

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 10.03.2023).

человеконенавистнических идеологий, разрушение традиционных для российского государства ценностей, утверждение ценностей, чуждых для общества законопослушных граждан, трудящихся на благо своей страны и своих семей, ведут различного рода экстремистские организации [6].

Одним из средств борьбы с пропагандой экстремистской деятельности является установление ответственности за пропаганду и демонстрирование определенного рода символики, которая неразрывно связывается с описанными выше социально негативными явлениями. Для этого в Кодекс об административных правонарушениях РФ еще при его принятии была включена ст. 20.3, изначально распространявшаяся на фашистскую атрибутику или символику. Постепенно перечень видов символики, пропаганда или публичное демонстрирование которых наказывались в соответствии с данной статьей, уточнялся и расширялся, вследствие чего в настоящий момент она носит следующее название: «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами».

Однако резкое обострение международных отношений в 2022 году, которое вызвало активизацию враждебных России сил, по мнению законодателя, обусловило недостаточность административного наказания для противодействия пропаганде запрещенной символики. Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) был дополнен ст. 282.4, которая предусматривает ответственность за деяния, аналогичные предусмотренным ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), совершенные лицом повторно после привлечения его к ответственности за указанное административное правонарушение (состав с административной преюдицией).

Не вызывает сомнения обоснованность такого ужесточения законодательства применительно к нацистской символике, ряду других запрещенных символов, а также к символике экстремистских организаций, которые ведут на территории России активную деятельность, направленную на разрушение основ российского общества и государственности. Чрезвычайно опасной является деятельность религиозных организаций, которые под видом возвращения к языческим ценностям осуществляют пропаганду неонацистских идей превосходства белой, арийской расы [12]. В условиях, когда Россия осуществляет специальную военную операцию на территории Украины, особое значение приобретает противодействие распространению идеологии украинских националистических организаций, осуществляющих целенаправленное уничтожение мирного населения России и Украины, не поддерживающего их человеконенавистнические устремления [2]. Установление ответственности за демонстрацию подобной символики выступает формой двойной превенции [7]: выявление и привлечение к ответственности лиц, которые используют символику подобных организаций для того, чтобы показать их поддержку, одобрение

их идей и в особенности принадлежность к ним; предупреждает другие преступления, в том числе такие тяжкие, как убийства на экстремистской почве, террористические акты, массовые беспорядки и т. д.

Исходя из приведенной выше позиции, установление прогрессивной трехступенчатой системы превенции экстремистских преступлений является обоснованным: лицо, которое подвергается опасному идеологическому влиянию, сперва подвергается относительно мягкому административному воздействию, потом, если продолжит осуществление аналогичной деятельности, уголовному наказанию за преступление средней тяжести, судимость за которое будет выступать средством специальной превенции более тяжкого преступления, поскольку ее наличие будет означать, что лицо находится под особым контролем правоохранительных органов и понесет максимально строгую ответственность.

Однако следует иметь в виду, что не все формы экстремистской деятельности одинаково опасны. Не любая символика, запрещенная к демонстрации на территории РФ, однозначно ассоциируется с человеконенавистническими идеологиями, с совершением тяжких преступлений экстремистского характера. Ряд символов является схожим до степени смешения с общеупотребительными графическими элементами и символами исторического характера. Некоторые виды символики могут утрачивать различительное значение и из характерного для определенной субкультуры символа превращаться в относительно распространенный среди широких масс населения.

В связи с этим возникают вопросы, касающиеся возможной дифференциации ответственности за демонстрацию и пропаганду символики, на которую распространяется правовой запрет.

Материалы и методы

С использованием общенаучных методов и формально-юридического метода толкования правовых норм исследованы нормы КоАП РФ, УК РФ и специальных законов, список организаций, их символика, основные способы пропаганды и демонстрирования символики, практика применения норм об ответственности за демонстрирование символики. С помощью информационно-поисковых систем выборочно установлено содержание символики отдельных организаций.

Из базы данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» выбрана релевантная ст. 20.3 КоАП РФ судебная практика (всего 586 результатов поиска). Из числа судебных решений отобраны наиболее подходящие и отражающие проблемные вопросы практики применения норм ст. 20.3 КоАП РФ (и, как следствие, применения ст. 282.4 УК РФ), в отношении них применен метод рассмотрения отдельных фактов, событий и примеров в контексте проблемных вопросов темы, то есть кейс-стади (от *англ.* case — случай, study — учение, изучение).

Также отобраны 100 сообщений СМИ за период с февраля 2022 по февраль 2023 года с использованием специализированной поисковой системы Google News по запросу «демонстрация символики». Был осуществлен контент-анализ для выявления вызывающих наибольший общественный резонанс аспектов темы путем подсчета сообщений, которые посвящены данным аспектам.

Результаты исследования

Формально-юридическое толкование норм ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ позволяет выявить их наиболее существенные признаки. Административное правонарушение посягает на такой объект, как общественные отношения в сфере поддержания общественной безопасности и общественного порядка. Уголовно-правовая норма, исходя из ее расположения в структуре УК РФ, защищает от посягательств такой объект, как конституционный строй и безопасность государства. Такое расхождение в объектах можно связать с тем, что норма КоАП предусматривает ответственность за единичное деяние, а норма УК РФ — за деятельность, приобретающую определенную системность и, как следствие, угрожающую уже не просто общественному спокойствию, а существующему государственному устройству.

Предметом (или, скорее, квазипредметом из-за часто отсутствующего материально-вещного признака [5]) рассматриваемых составов наказуемых деяний выступают несколько видов символики и атрибутики:

- 1) нацистская атрибутика и символика, а также атрибутика и символика, сходная с нацистской до степени смешения;
- 2) атрибутика и символика экстремистских организаций;
- 3) атрибутика и символика, специально указанная в качестве запрещенной в федеральном законодательстве.

При этом не имеет значения конкретная форма выражения символов и атрибутики: они могут носить материальный характер (в виде исторических артефактов или вновь изготовленных их копий), быть составной частью униформы, документов, графических изображений, выражаться в звуковой форме или в форме характерных жестов (постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 64-АД11-1).

Нормативная конкретизация первого и третьего видов символики содержится в ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Рассматривая содержание этой нормы, можно отметить, что запрещенной должна признаваться символика и атрибутика, включающая:

- символы и атрибуты, которые однозначно в общественном сознании связываются с нацистской Германией, а более конкретно — с группами, организациями и движениями, деятельность которых признана преступной Нюрнбергским трибуналом;

– символы и атрибуты коллаборационистских организаций, сотрудничавших с вышеуказанными коллективными субъектами и их отдельными представителями, а также с субъектами, осужденными национальными, оккупационными или военными трибуналами;

– изображения руководителей указанных выше групп, организаций и движений;

– символы и атрибуты организаций, отрицающих факты и выводы, установленные приговором Нюрнбергского трибунала и других указанных выше трибуналов.

Кроме того, по смыслу закона, к данному пункту также следует отнести символику, включенную в перечень экстремистских материалов, составляемый и публикуемый Министерством юстиции Российской Федерации (Минюст России).

К экстремистским организациям, символика и атрибутика которых является запрещенной, относятся организации, входящие в формируемый Минюстом России Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Перечень). По состоянию на февраль 2023 года, в Перечень входит 101 организация. Условно их можно разделить на следующие категории:

– неонацистские организации, сходные по своей идеологии с нацистскими организациями, преступность деятельности которых была установлена приговором Нюрнбергского трибунала;

– украинские неонацистские организации, вербующие сторонников на территории России;

– религиозные и псевдорелигиозные организации (секты), пропагандирующие нацистские идеи под видом языческих, старых верований;

– радикальные исламистские религиозные организации, в основе идеологии которых лежат религиозная нетерпимость и насильственное насаждение исламской веры;

– иные религиозные и псевдорелигиозные организации, для которых характерна крайняя нетерпимость к представителям иных верований, распространенных на территории России, а также побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей и совершению противоправных деяний (например, организация «Свидетели Иеговы»);

– организации спортивных ультрас;

– радикальные организации сексистского толка (например, Misanthropic division, «Мужское государство»);

– организации, ставящие своей целью насильственное свержение существующего конституционного и государственного строя.

В этом перечне выделяются несколько организаций: во-первых, размытый конгломерат международных общественных движений, использующих наименования

с аббревиатурой АУЕ (по факту — совокупность лиц, придерживающихся обычаев и традиций криминальной субкультуры); во-вторых, ряд организаций «граждан СССР», отрицающих правомерность распада Советского Союза и, соответственно, легитимность существующих государственных институтов; в-третьих, американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram (но не других продуктов данной корпорации).

Особенностью первых, определяющей их специфику в рамках данного исследования, является отсутствие формальных институтов членства, единого руководства [14] и, как следствие, единой символики. Для вторых характерной особенностью является использование не какой-либо специфичной символики или атрибутики, а заимствование исторических государственных символов периода 1917–1991 годов. В третьем случае запрет касается только двух продуктов из десятков, принадлежащих данной организации.

Кроме того, поскольку одной из наиболее опасных форм экстремизма является терроризм, к запрещенным экстремистским организациям следует присовокупить запрещенные террористические организации, перечень которых ведет Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России) — Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Данный перечень, включающий, по состоянию на 13 февраля 2023 года, 46 организаций, состоит в основном из радикальных исламских и неонацистских террористических организаций. Единственным заметным исключением является международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование — «Скулшутинг»), которое, так же как и АУЕ, характеризуется размытостью, децентрализованностью и отсутствием формальных институтов [8].

Символика большинства организаций, упомянутых выше, присутствует в открытых источниках. Ее визуальное рассмотрение и сопоставление с известными образцами показывает, что она является достаточно разнородной. Можно выделить, в частности, символы и атрибуты, копирующие или однозначно отсылающие к общеизвестной символике, имеющей отношение к нацизму, либо к характерной, хотя и менее известной, символике радикальных исламских формирований (в частности, так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)). Ряд организаций обладает специфической для них символикой, обеспечивающей однозначную узнаваемость и не используемой в иных целях. Другие же применяют символы и атрибуты, многие из которых являются отсылками и копиями общеупотребительных символов. Например, секта «Свидетели Иеговы», помимо узнаваемого изображения сторожевой башни или ее верхушки, использует также схематический логотип, похожий на символ шахматной ладьи, а также вариации на темы общехристианских символов распятия, рыбки (ихтис), книги.

Наконец, особенно хотелось бы отметить логотипы и символы, связанные с продуктами Meta Platforms: латинская буква f на синем фоне, схематическое изображение фотоаппарата в виде квадрата со скругленными углами, схематическое изображение бумажного самолетика, выполненные в характерной цветовой гамме изображение жеста «палец вверх» и «сердечка» и т. п. Данные пиктографические элементы вошли во всеобщее употребление задолго до включения в Перечень соответствующих продуктов Meta и для большинства использующих их лиц не ассоциируются с экстремистской деятельностью, поощряемой на платформах Meta.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП, и преступления, предусмотренного 282.4 УК РФ, предполагает публичную демонстрацию символики и атрибутики, то есть, как и в других составах экстремистских правонарушений и преступлений, любые действия, при которых они становятся доступными для восприятия индивидуально неопределенным кругом лиц, не входящих в узкий круг личного общения [3].

Субъективная сторона предполагает умышленную форму вины. Лицо должно осознавать характер используемого символа, понимать его связь с нацизмом (что может вытекать из презумпции общеизвестности основных нацистских символов и атрибутов) или экстремизмом, осознавать публичный характер своего действия. Общественная опасность деяния также определяется выражением позитивного либо нейтрального отношения к демонстрируемым символам или атрибутам: если из характера демонстрации явно следует негативное отношение к соответствующим идеологиям, а также отсутствуют признаки их пропаганды или оправдания, ответственность не наступает [15].

При рассмотрении выборки из 100 публикаций СМИ за период февраль 2022 – февраль 2023 года выявлено 27 публикаций, рассматривающих случаи привлечения к ответственности за демонстрацию запрещенной символики. В 11 из них речь шла о нацистской символике, в 7 — о символике запрещенных оппозиционных организаций, в 4 — о символике АУЕ, в 3 — о лозунгах и другой атрибутике украинских националистов, в 2 — о символике ИГИЛ. Также 5 публикаций затрагивали вопросы использования символики Meta, однако содержали не сведения о привлечении кого-либо к ответственности, а разъяснения, как такой ответственности может избежать добросовестно действующее лицо.

Конкретные примеры символики и атрибутики, в частности, включали жест, изображающий усы Гитлера, его фотографию в нацистской форме, татуировки в форме свастики и восьмиконечных звезд, которые были признаны символикой АУЕ.

Выборочное рассмотрение дел из базы судебной практики «Консультант-Плюс» показывает, что вопросы правоприменения норм о демонстрации запрещенной символики достаточно часто становятся предметом разбирательства по пересмотру решений, вступивших в законную силу, проходя иногда несколько инстанций вплоть до Верховного суда Российской Федерации (ВС РФ).

В ходе рассмотрения дел судами высказывались довольно примечательные правовые позиции, в частности: о допустимости оборота вещей, включающих запрещенную символику, если он осуществляется в научно-исторических и художественных целях, с ретушированием изображений символики (постановление ВС РФ от 17.07.2017 № 5-АД17-33); о наличии состава правонарушения при нанесении татуировок на части тела, доступные для восприятия других лиц (постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2020 № 16-3644/2020); о необходимости проявления критичности в связи с размещением материалов в информационном пространстве, направленном на недопущение нарушений закона (решение Московского городского суда от 30.09.2020 по делу № 7-11519/2020); о признании правонарушения, связанного с размещением информации в сети Интернет, длящимся (решение Московского городского суда от 04.02.2020 по делу № 7-1575/2020); о невозможности возложения на лицо обязанности свести татуировку в связи с привлечением его к административной ответственности (решение Верховного суда Республики Бурятия от 06.08.2019 по делу № 12-169/2019); о возможности скрытия татуировок (решение Московского городского суда от 01.12.2021 по делу № 7-17960/2021).

Обсуждение

В результатах исследования в первую очередь обращает на себя внимание очень широкий набор атрибутов и символов, демонстрация которых влечет за собой ответственность. В научных публикациях также обращалось внимание на это обстоятельство. В частности, А. В. Равнюшкин отмечает, что до сих пор отсутствует четкий перечень символики организаций, которые признаются нацистскими, и тем более не существует исчерпывающего перечня символики таких организаций [10]. И если полноценное перечисление символики других экстремистских организаций действительно затруднительно составить, поскольку некоторые из этих организаций продолжают свою деятельность, модифицируя свои символы и создавая новые, а также потому что появляются новые организации, то каталог нацистских символов в силу их исторического характера принципиально возможен. Интерес представляет предложение К. Д. Рыдченко о разделении нацистских символов на общеизвестные, употребление которых недопустимо в любом контексте, и прочие, демонстрация которых наказуема только при условии, что они недвусмысленно связаны с пропагандой или оправданием нацизма, деятельностью экстремистских организаций [11]. Помимо этого, ввиду того, что ряд нацистских символов представляет собой сочетания простых геометрических фигур, необходимо иметь в виду и возможность ненамеренного создания схожего с ними визуального сочетания (например, на логотипах компании Columbia или рок-группы Kiss), не ассоциируемого с нацизмом беспристрастным наблюдателем.

Представляется, что демонстрация атрибутики и символики, сходной с нацистской до степени смешения, должна осуществляться с прямым умыслом.

Не вполне определенной является также ситуация с символикой децентрализованных конгломератных организаций, таких как АУЕ или «Колумбайн». С принадлежностью к криминальной субкультуре, как и с фактами «скулшутингов», связано множество различных символов, имеющих разную степень выраженности и распространенности. Для АУЕ это не только восьмиконечные звезды и непосредственно содержащие эту аббревиатуру символы, но и купола, перстни, символы карточных мастей и даже изображение кота (КОТ — коренной обитатель тюрьмы) [4]. Как связанные с «Колумбайном», судя по материалам научной литературы и соцсетей, могут рассматриваться, например, такие символы и атрибуты, как надписи «естественный отбор» и «гнев» на английском языке, логотипы компьютерной игры Doom и музыкальной группы Rammstein и даже определенный набор предметов одежды и аксессуаров [9]. Здесь представляется крайне необходимой конкретизация правового регулирования.

Несмотря на некоторую неопределенность регулирования, среди публикаций СМИ не выявлено ни одной, где оценивались бы критически случаи необоснованного, по мнению журналистов и представителей общественности, привлечения к ответственности лиц, использующих соответствующие символы в целях, которые могут быть признаны как общественно полезные. Не было выявлено признаков такого привлечения к ответственности и в материалах рассмотренной судебной практики. Ранее такие ситуации имели место, однако, по-видимому, можно говорить, что практика была скорректирована законодательными поправками и разъяснениями высших судебных инстанций. В целом судебные решения по данной категории дел отменяются достаточно редко, что говорит о том, что нижестоящие суды в своей практике правильно применяют нормы закона, не входя в противоречие с позициями вышестоящих инстанций.

Примеров привлечения к ответственности лиц, демонстрировавших символику, которая совпадает или сходна до степени смешения с символикой экстремистских организаций, но не имеет прямого отношения к их деятельности, не выявлено. Это говорит о том, что суды и правоохранительные органы разумно подходят к толкованию норм законодательства и не демонстрируют формальный подход, позволяющий отнести к запрещенным для демонстрации, например, символику СССР в связи с использованием ее экстремистскими организациями или шахматную ладью в связи с применением аналогичной символики «Свидетелями Иеговы».

В то же время было бы неправильным оставлять без правового реагирования деятельность сторонников таких организаций, использующих подобную символику в контексте пропаганды или оправдания их деятельности.

Не было выявлено также случаев привлечения каких-либо лиц за факты использования символики продуктов Meta, несмотря на то что такие факты с очевидностью имели место, в том числе в деятельности публичных персон,

которые не могли остаться вне поля зрения правоохранительных органов. Следует отметить, что разъяснения о порядке использования таких символов давались Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России)², Министерством экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и другими органами, но юридическая сила таких разъяснений сомнительна, поскольку ни один из этих органов не уполномочен определять порядок применения норм КоАП РФ и УК РФ. В. Г. Степанов-Егиянц отмечает, что такая правовая неопределенность создает формальные условия для формального привлечения к ответственности широкого круга лиц [13]. Этот круг становится еще шире, если учитывать, что суды признают длящимся правонарушением размещение символов и атрибутов в сети Интернет [1], что делает возможным привлечение к ответственности всех, кто немедленно после признания Meta экстремистской организацией не убрал данную символику с контролируемых ими ресурсов, а также всех лиц, продолживших использование продуктов Meta.

Отдельная совокупность проблем связана с уже сложившейся практикой привлечения к ответственности лиц, имеющих татуировки с изображением запрещенных символов и атрибутов на участках тела, которые могут наблюдать посторонние лица (а фактически на любых участках тела, потому что демонстрация может осуществляться, например, во время посещения бани). По неофициальной информации из телеграм-каналов, в ноябре 2022 года в Тамбовской области уже было возбуждено уголовное дело по ст. 282.4 УК РФ за демонстрацию татуировки с нацистской символикой лицом, которое ранее привлекалось к ответственности за аналогичное административное правонарушение.

Какие-либо правовые препятствия для такого решения отсутствуют, даже если речь идет о демонстрации одной и той же татуировки. Само по себе наличие на теле такого изображения не образует состава правонарушения, он возникает только в связи с его демонстрацией. Татуировка, как указывают суды, может быть прикрыта одеждой или скрыта иным образом. При этом любое обнажение татуировки в присутствии посторонних — самостоятельное деяние, которое влечет за собой самостоятельную ответственность. До введения ст. 282.4 УК РФ это обстоятельство, хотя и создавало почву для злоупотреблений, все же не имело критического значения, поскольку негативные последствия ограничивались многократным применением административного наказания. Сейчас же фактически любой осужденный, прибывший в исправительную колонию с татуировкой в виде свастики или восьмиконечных звезд, рискует при первом же посещении бани получить административный штраф,

² О направлении рекомендаций: письмо Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 22 апр. 2022 года № ЕВ-36924/15. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404600397/?ysclid=lmu961c6c1836099759>

а при каждом последующем — приговор с назначением наказания в виде лишения свободы на срок до 4 лет. Если он откажется удалять татуировку, то фактически это сделает его срок пожизненным. При этом нет никаких правовых возможностей для того, чтобы обязать такое лицо свести или скрыть татуировку, так что совершенно непонятно, достижению каких целей наказания будет способствовать применение таких суровых мер.

Такое положение дел создает широкий простор для злоупотреблений как со стороны администрации учреждений и органов, исполняющих наказание, которая получает мощное средство воздействия на осужденных, позволяющее реализовывать коррупционные схемы, так и со стороны самих осужденных. Последние могут, например, массово наносить татуировки с запрещенной символикой, провоцируя всплеск возбужденных уголовных дел, который получит отрицательный резонанс в СМИ. Или, например, татуировки могут наноситься насильно (что, по сути, даже и не наказуемо, поскольку нанесение татуировки не включено в медицинские и уголовно-правовые критерии вреда здоровью), после чего жертва насилия оказывается перед выбором: подвергнуться риску уголовной ответственности или попытаться свести или скрыть татуировку. При этом последнее далеко не всегда является возможным без содействия администрации: у лица, находящегося в исправительной колонии или СИЗО, затруднен доступ к медицинским косметологическим процедурам, а осуществляемые в кустарных условиях «операции» могут быть болезненными и связанными с риском для жизни и здоровья.

Выводы

Таким образом, хотя в целом правовая регламентация административной и уголовной ответственности за использование запрещенных символов и атрибутов и является обоснованной, а судебная практика — достаточно разумной и не допускающей формального подхода, влекущего привлечение к ответственности лиц, действия которых не представляли никакой реальной угрозы для общества, тем не менее представляется желательным уточнение нормативных предписаний, особенно в связи с возможным применением уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения.

Следует разделить ответственность за демонстрацию общеизвестной нацистской атрибутики и символики, а также сходной с ними атрибутики и символики, иных символов и атрибутов, которые федеральным законом признаны запрещенными к употреблению в любом контексте, кроме связанного с формированием негативного отношения к соответствующей идеологии, и за демонстрацию прочих запрещенных символов и атрибутов. Ответственность за первое должна наступать на тех же условиях, что и сейчас. Второе же должно быть наказуемым только при условии, что осуществляется в целях пропаганды или оправдания экстремистской деятельности, а не в нейтральном контексте.

Кроме того, привлечение к ответственности за демонстрацию символов и атрибутов, не относящихся к официально закрепленным в уставах или иных документах организаций, должно быть возможным только при условии, что описание таких символов включено в формируемый Минюстом России Перечень. Это может происходить как на основании судебного решения, так и путем наделения данными полномочиями какого-либо государственного органа. Аналогичный подход следует распространить на символы и атрибуты организаций, в отношении которых включение в Перечень произведено лишь по части осуществляемых направлений деятельности.

Демонстрация символов и атрибутов, которые однозначно не связаны с какой-либо экстремистской организацией, схожи с общеизвестными и общепотребительными, должна быть наказуема лишь при условии, что заведомо связана с пропагандой или оправданием экстремистской деятельности.

Наконец, следует решить вопрос с многократным привлечением к ответственности лиц, имеющих татуировки с изображением запрещенных символов и атрибутов. Во-первых, необходима регламентация медицинской процедуры сведения или сокрытия татуировок, которая могла бы применяться в амбулаторных или стационарных условиях, в том числе к лицам, находящимся в местах лишения свободы. Во-вторых, целесообразным представляется введение поощрительного механизма, стимулирующего лиц, поступающих в ведение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, к добровольному согласию на процедуру сведения или сокрытия татуировок определенного характера. В-третьих, применение медицинской процедуры сведения и сокрытия татуировок с изображением запрещенных символов и атрибутов должно быть предусмотрено в качестве принудительной меры медицинского характера, основанием применения которой является наличие у лица, привлекаемого к ответственности по ст. 282.4 УК РФ, таких татуировок, а добровольное согласие подвергнуться такой мере должно быть основанием освобождения от уголовной ответственности по ст. 282.4 УК РФ. Это позволит реализовать превентивный потенциал данной нормы без нарушения принципов уголовного законодательства.

Список источников

1. Бодров Н. Ф. К вопросу о практике применения законодательства о противодействии экстремизму в сети Интернет // Вестник Академии права и управления. 2018. № 4 (53). С. 32–38.
2. Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40). С. 21–32.
3. Горовая В. Ю., Горовой С. А., Стародубцева М. А. О квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 196–199.
4. Грачёв М. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму // Юрислингвистика. 2021. № 21 (32). С. 26–29.

5. Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica. 2018. № 4 (137). С. 108–120.
6. Ипполитова А. Г. Социокультурные манифестации экстремизма в контексте псевдолиберальных ценностей // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 3 (16).
7. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
8. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.
9. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «Колумбайн» // Lex Russica. 2021. № 12 (181). С. 74–83.
10. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 2. С. 111–118.
11. Рыдченко К. Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 60–65.
12. Самойлов С. Ф., Базулина А. А., Жуланов А. В. Идеологическое обоснование террористической деятельности, осуществляемой неонацистскими группами // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 200–205.
13. Степанов-Египянец В. Г. Вопросы наказуемости использования запрещенных в России соцсетей // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 121–124.
14. Шиханов В. Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 68–73.
15. Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: теоретические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 84–90.

References

1. Bodrov N. F. K voprosu o praktike primeneniya zakonodatel'stva o protivodejstvii e'kstreimizmu v seti Internet // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 4 (53). S. 32–38.
2. Verdixanova A. N., Golubkova N. I. Reabilitaciya nacizma i rasprostranenie neonacistskix vzglyadov kak formy` e'kstreimistskoj deyatel'nosti v sovremenny`x usloviyax // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2022. № 4 (40). S. 21–32.
3. Gorovaya V. Yu., Gorovoj S. A., Starodubceva M. A. O kvalifikacii publichny`x prizy`vov k osushhestvleniyu e'kstreimistskoj deyatel'nosti // Gumanitarny`e, social'no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2019. № 12. S. 196–199.
4. Grachyov M. K voprosu o postroenii metodiki ustanovleniya prinadlezhnosti licza k vy'sshej ugolovnoj ierarhii po piktograficheskomu kriminal'nomu pis'mu // Yurislingvistika. 2021. № 21 (32). S. 26–29.
5. Greben'kov A. A. Ponyatie informacionny`x prestuplenij, mesto v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii i mesto priznakov informacii v strukture ix sostava // Lex Russica. 2018. № 4 (137). S. 108–120.

6. Ippolitova A. G. Sociokul'turny'e manifestacii e'kstremizma v kontekste psevdoliberal'ny'x cennostej // Nauka. Obshhestvo. Oborona. 2018. № 3 (16).
7. Kapinus O. S. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave: problemy' teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 78–86.
8. Nikishin V. D. Vredonosnaya informaciya v internet-media: «okno overtona» i vzaimosvyaz' destruktivny'x setevy'x techenij // Lex Russica. 2022. №11 (192). S. 131–148.
9. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Analiz deyatel'nosti adeptov radikal'nogo idejnogo dvizheniya «Kolumbajn» // Lex Russica. 2021. № 12 (181). S. 74–83.
10. Ravnyushkin A. V. Problemy' kvalifikacii soversheniya v obshhestvenny'x mestax administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 20.3 KOAP RF // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. № 2. S. 111–118.
11. Ry'dchenko K. D. Nekotory'e osobennosti obespecheniya zapreta propagandy' i publichnogo demonstrirovaniya nacistskoj atributiki i simvoliki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 2. S. 60–65.
12. Samojlov S. F., Bazulina A. A., Zhulanov A. V. Ideologicheskoe obosnovanie terroristicheckoj deyatel'nosti, osushhestvlyaeмой neonacistскими группами // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 4. S. 200–205.
13. Stepanov-Egiyancz V. G. Voprosy' nakazuemosti ispol'zovaniya zapreshhenny'x v Rossii soczsetej // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 6. S. 121–124.
14. Shixanov V. N. Kriminalizaciya AUE: podvodny'e kamni realizacii politiko-pravovogo resheniya // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1 (92). S. 68–73.
15. Yavorskij M. A. Protivodejstvie administrativno nakazuemomu e'kstremizmu v penitenciarnoj sisteme Rossii: teoreticheskie aspekty' // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 1 (23). S. 84–90.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023;
одобрена после рецензирования: 21.05.2023;
принята к публикации: 28.05.2023.

The article was submitted: 05.05.2023;
approved after reviewing: 21.05.2023;
accepted for publication: 28.05.2023.

УДК 349:681

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.11

П. С. Гуляева

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова,

Казань, Российская Федерация

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. Главной целью исследования является проверка возможности применения генеративных языковых моделей (нейросетей типа LLM) в нормотворческой деятельности, в частности апробация отечественного и зарубежного сервиса генерации актов нормотворчества. Методологическую основу составляют общенаучные и специальные юридические методы, включая правовое моделирование, юридическое прогнозирование, экстраполяции, а также инструментарий антропологической концепции и конвергентных технологий.

В научной работе рассмотрены фундаментальные вопросы, связанные с применением LLM в нормотворчестве, такие как: проблема гетерогенности правового статуса генеративных языковых моделей, подходы к цифровизации нормотворчества в условиях виртуализации правосубъектности.

Основным результатом работы является концепция цифрового лица как теоретико-правовой основы для разработки механизмов правового регулирования применения LLM в нормотворческой деятельности, а также формулирование перечня рисков, возникающих в ходе эксперимента по цифровизации нормотворчества на основе самообучающихся алгоритмов: правовых, этических, коммуникативных, методологических.

Ключевые слова: цифровизация; нормотворчество; нейросеть; искусственный интеллект; цифровые лица; YaLM; ChatGPT.

UDC 349:681

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.11

P. S. Gulyaeva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov,

Kazan, Russian Federation

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

LARGE LANGUAGE MODELS USE IN THE CONTEXT OF RULEMAKING DIGITALIZATION

Abstract. The main purpose of the research is to test the possibility of using generative language models (LLM-type neural networks) in rule-making activities, in particular, testing russian and foreign service for generating acts of rulemaking. The methodological basis consists of general scientific and special legal methods, including legal modeling, legal forecasting, extrapolations, as well as tools of the anthropological concept and convergent technologies.

The scientific work considers fundamental issues related to the use of LLM in rule-making, such as: the problem of heterogeneity of the legal status of generative language models, approaches to digitalization of rulemaking in the context of virtualization of legal personality.

The main result of the study is the concept of a digital person as a theoretical, legal basis for the development of mechanisms for the legal regulation of the use of LLM in rule-making activities, as well as a list of risks arising during the experiment on the digitalization of rule-making based on self-learning algorithms: legal, ethical, communicative, methodological.

Keywords: digitalization; rulemaking; neural networks; artificial intelligence; digital entity; YaLM; ChatGPT.

Введение

Технологизация общества и государства порождает новые типы общественных отношений и новые способы правового регулирования. В условиях развития самообучающихся алгоритмов обрели популярность так называемые генеративные модели, способные создавать контент на основе текстового или гибридного (например, текст и изображение или текст и видеозапись) описания задачи. В информационном пространстве представлено множество нейронных сетей, способных подготовить макет, программный код, написать стихи, сценарий, трансформировать текст в аудиозапись, отредактировать изображения, аудиотреки и видеоматериалы. Модели, способные генерировать текст по запросу, достигли значительных успехов в написании статей, дипломов, научных работ, рекламных материалов, электронных писем, аннотаций.

С 2021 года в отечественной и зарубежной практике применяются сервисы, обученные на огромных объемах данных и учитывающие более 100 миллиардов

параметров¹. В настоящее время ведутся разработки более мощных и современных программных алгоритмов, способных к самообучению.

Автоматизация процесса нормотворчества на основе самообучающихся алгоритмов актуальна в контексте настоящего и будущего развития технологий. В научной работе предпринята попытка определить способы применения генеративных языковых моделей в нормотворческой деятельности, а также сформировать основные подходы в части терминов, рисков и перспектив практического применения.

Особенно важной представляется проблема исследования технологической природы инновационного объекта в контексте юриспруденции. Генеративные языковые модели рассматриваются посредством методологии антропоцентризма в том числе потому, что вопрос о субъекте цифрового нормотворчества является критически важным в условиях применения самообучающихся алгоритмов.

Самообучающиеся алгоритмы в проекции теории права

Для того чтобы рассмотреть технологическую сущность генеративных языковых моделей в фокусе права, необходимо проанализировать общественные отношения, возникающие в результате цифровизации права и применения самообучающихся алгоритмов в юриспруденции.

Технологизация общества и государства на каждом этапе развития обеспечивает формирование определенных типов и видов общественных отношений. Разделение труда, изобретение колеса, электричества, добыча нефти, газа, появление информационных технологий стали важнейшим фактором в развитии механизмов правового регулирования и концептуальных подходов к пониманию права. Формирование новой правовой модели напрямую связано с технологической системой, существующей в обществе [3].

Цифровизация права представляет собой комплексный процесс, связанный с развитием информационных технологий и формированием соответствующего технологического уклада. На современном этапе можно считать сложившейся телекоммуникационную модель, обозначить развивающимся нанотехнологический уклад и спрогнозировать становление метакогнитивной системы. Представляется, что на каждом этапе в право будут интегрироваться новые технологии, и в частности самообучающиеся алгоритмы. Важно отметить, что с точки зрения теории права цифровизация права является комплексным процессом, который реализуется в зависимости от уровня развития инноваций и существующего технологического уклада.

В теоретико-правовом смысле цифровизация права представлена в рамках трех основополагающих процессов, которые можно классифицировать в основном как последовательные этапы, в некоторых случаях имеющие нелинейный характер развития (табл.).

¹ «Яндекс» разрабатывает свой аналог ChatGPT — нейросеть YaLM 2.0. URL: <https://habr.com/ru/news/t/714100/> (дата обращения: 10.02.2023).

Таблица

Этапы цифровизации: теоретико-правовые аспекты

Тип цифровизации	Технологии	Теоретико-правовой аспект
Процесс алгоритмизации права сформирован в результате развития телекоммуникационного уклада	Смарт-контракты, экспертные консультативные правовые системы, чат-боты, конструкторы документов; признаки самообучаемости на данном этапе цифровизации права отсутствуют	Базовые концепты теории права остаются неизменными, в то время как отраслевое законодательство существенно трансформируется; технологии используются как средство для удаленного подписания и передачи документов; правовые функции методологически переосмысливаются на основе пошаговых гайдов, чек-листов, то есть алгоритмизируются
Автоматизация права стала возможной на основе формирующегося нанотехнологического уклада	Natural Language Processing, машинное обучение, машиночитаемое право ² , машиноисполняемое право [5, с. 60–68; 8]; интеллектуальные системы проявляют качество автономности и способны совершать непредсказуемые действия	Технологии меняют право, воздействуют на него, формируя модель «Право как код»; развивающееся качество автономности интеллектуальных систем порождает противоречия, связанные отнесением устройства к категории субъектов или объектов права
Машинизация права в условиях формирования метакогнитивного уклада	Deep Learning (глубокое обучение), Large Language Models (большие языковые модели); генеративные модели формируют контент по запросу	Самообучающиеся алгоритмы не только генерируют текст, но им также частично делегируются функции принятия решений; технологии становятся соучастником исполнения правовых функций, а в некоторых случаях и квазисубъектом нормотворчества

В зависимости от теоретико-правового содержания прикладные инструменты правового регулирования также будут представлены по-разному:

– устройство, функционирующее в рамках процессов алгоритмизации права и являющееся объектом права — не имеет признаков правоспособности, дееспособности и деликтоспособности; юридическую и иную ответственность за последствия применения такого устройства несет оператор, а в некоторых случаях, возможно, разработчик, специалисты технической поддержки;

– нейронная сеть, оснащенная функционалом самообучения и реализованная посредством технологий автоматизации права — в теоретико-правовом смысле может являться как объектом, так и квазисубъектом права и обладать

² Концепция развития технологий машиночитаемого права. URL: <https://sk.ru/legal/automation-of-law/> (дата обращения: 07.11.2022).

признаками правоспособности и дееспособности в отсутствие характеристики деликтоспособности;

– нейронная сеть, осуществляющая деятельность в рамках процессов машинизации права и способная принимать самостоятельные решения — является квазисубъектом и обладает признаками не только частичной право- и дееспособности, но и ограниченной деликтоспособности.

Особенность генеративной языковой модели как инструмента нормотворческой деятельности заключается в том, что в зависимости от уровня развития технологий и реализации процессов алгоритмизации, автоматизации или машинизации права, правовой статус конкретного устройства может отличаться и варьироваться от объекта права к квазисубъекту права. Похожий процесс обнаруживается в правовых исследованиях технологий искусственного интеллекта, где отмечается гетерогенность правового статуса различных разработок в зависимости от функционала конкретного устройства [2, с. 59].

Цифровой акт и цифровой субъект в нормотворческой деятельности

Концепция цифрового закона [4, с. 41–42] предусматривает формирование процедуры подготовки, принятия и вступления в силу, а также, по необходимости, применения документа. В условиях активного развития подзаконного регулирования и механизмов правоприменения конструкцию цифрового закона предлагается экстраполировать на акты нормотворчества.

На современном этапе в отечественной нормотворческой практике широко применяются цифровые технологии [1, с. 13–19]. Среди российских новаций можно отметить проект, на базе которого создан первый цифровой акт нормотворчества, а именно Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) по предоставлению государственной услуги «Предоставление сведений об итогах оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения»³.

Другим примером цифровизации нормотворчества в России можно назвать эксперимент Банка России, в соответствии с которым регулятор внедрил новые стандарты отчетности профессиональных участников рынка. В период 2018–2021 годов страховщики, депозитарии, пенсионные фонды стали отчитываться о своей деятельности документами, подготовленными в машиночитаемом формате⁴.

³ Первый цифровой нормативный правовой акт. URL: https://economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistririvan_pervyy_cifrovoy_npa.html

⁴ Банк России. Открытый стандарт отчетности XBRL. URL: http://cbr.ru/projects_xbrl/ (дата обращения: 02.10.2022).

В Китае в 2021 году была подготовлена дорожная карта модернизации правовой системы к 2025 году. В числе прочего было принято решение о внедрении в судебную деятельность практики умных судов. Система будет способна выполнять как технические задачи, так и более сложные операции, связанные с пониманием фактуры дела, например рассматривать обстоятельства по существу и проверять представленные в суд документы, а также следить за сроками отправления правосудия, уточнять назначенные виды и тяжесть наказания. В рамках эксперимента суды Шанхая, Гуанчжоу и других городов в КНР тестируют сервисы электронного правосудия. В соответствии с правилами окончательное решение выносит судья, но проект документа готовит нейросеть [6, с. 122].

В европейском законодательстве можно отметить нововведения 2022 года, в соответствии с которыми цифровые онлайн-платформы фактически признаны новым субъектом нормотворчества⁵. В контексте данного примера речь идет не о наделении цифровых платформ особыми правами, а, скорее, о контроле за уже сложившимися правоотношениями в целях защиты прав и свобод пользователей.

Внедрение в юридическую практику такого рода технологических решений неизбежно создает трансформации в правовой системе. Процесс цифровизации нормотворчества напрямую связан со сменой технологического уклада и формированием новых конструкций в теории права, в частности с изменениями, касающимися субъекта права. Концепт субъекта нормотворчества в таком случае демонстрирует новое измерение его теоретико-правовой сущности, а именно виртуальность.

В современных условиях субъект права обладает набором прав и обязанностей, некоторые из которых носят цифровой характер. Субъект цифрового нормотворчества реализует свои полномочия в качестве должностного лица или организации посредством цифрового профиля. При этом такой субъект может осуществлять свою деятельность от своего имени как должностного лица либо как исполнитель от имени организации или должностного лица. В случае, если генеративные языковые модели получают функционал, позволяющий частично делегировать им права и обязанности субъекта нормотворчества, возможна ситуация с двойственностью субъекта, который включает человека и машину.

В таком случае с учетом нововведений в качестве теоретико-правовой концепции можно предложить рассмотреть гипотезу о признании нейросети, обладающей признаками право- и дееспособности, а также ограниченной дееспособности, квазисубъектом нормотворчества в форме так называемого цифрового лица и о наделении такого алгоритма собственным цифровым профилем в целях контроля и учета результатов деятельности.

⁵ Official Journal of the European Union. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act); Official Journal of the European Union. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act).

Апробация генеративных языковых моделей в нормотворчестве

Для задач автоматизации, а в перспективе и машинизации процесса цифровизации нормотворчества, актуальными являются технологии так называемых Больших языковых моделей (от *англ.* Large Language Model (LLM)) [7]. LLM — это нейросеть, созданная на основе алгоритмов машинного обучения, функционал которой включает генерацию текстов на естественных языках на основе больших данных. На современном этапе LLM применяются при написании статей, стихов, программного кода, маркетинговых текстов, рассылок для электронных писем, сценариев, для перевода документов на иностранные языки, а также нейросеть помогает чат-ботам и поисковым системам повышать эффективность коммуникации с пользователем.

В качестве примера LLM можно привести несколько проектов:

– *ChatGPT* (OpenAI) — является одной из самых известных генеративных языковых моделей, которая обучена на гигантском наборе данных, включающих более 175 миллиардов параметров. Модель способна генерировать текст на 60 языках по запросу пользователя и отвечать на вопросы оператора;

– *BLOOM* (исследовательская группа BigScience) — нейросетевая модель, обученная с учетом 176 миллиардов параметров и способная генерировать текст на 46 языках и 13 языках программирования;

– *BERT* (Google) — используется поисковыми системами для повышения эффективности понимания запроса пользователя и актуального контекста в целях выдачи более релевантного результата.

Среди отечественных проектов можно отметить исследования компании «Яндекс» по разработке отечественной языковой модели, обученной на 2 терабайтах текстовых данных и содержащей 100 миллиардов параметров. *YaLM 100B* способна генерировать текст на русском и английском языках и совершать операции по обработке материалов. В настоящее время разработчик готовит более совершенную модель *YandexGPT 2*.

Для иллюстрации возможностей генеративных языковых моделей сервисами отечественного и зарубежного производства были сгенерированы примеры правовых текстов (соответственно, *YaLM* и *ChatGPT*). Каждая нейросеть получила несколько запросов на подготовку следующих документов:

- проект акта об административном правонарушении;
- правила поведения на объектах метрополитена;
- должностная инструкция младшего научного сотрудника.

Российская нейросеть *YaLM 100B* продемонстрировала средний уровень качества текстов, связанный со сравнительно малым количеством параметров, обработанных при обучении.

При попытке подготовки акта об административном правонарушении в одном случае нейросеть не смогла сгенерировать текст по запросу, а в другом — текст носил описательный характер, то есть получить от сервиса именно проект документа оказалось невозможно. Предполагается, что возможна ситуация,

при которой разработчики ограничили возможность нейронной сети составлять акты, связанные с правонарушениями или преступлениями, опасаясь возможных ошибок системы, которые потенциально способны спровоцировать негативные отзывы пользователей.

В ответ на запрос о подготовке правил поведения на объектах метрополитена нейросеть представила перечень запретов, в целом соответствующих реальным, однако не отражающий в полном объеме положения подобного документа.

При подготовке должностной инструкции младшего научного сотрудника нейросеть сформулировала наиболее приемлемый текст, при этом недостаточный в части объема.

Зарубежный аналог ChatGPT от проекта OpenAI продемонстрировал лучшие результаты, поскольку обучен на значительно большем количестве данных.

По запросам о составлении проекта акта об административном правонарушении, проекта правил поведения на объектах метрополитена и проекта должностной инструкции младшего научного сотрудника система представила результаты, которые можно взять за основу при разработке документов. Объем текста, генерируемого системой, соответствует реальному и может включать более 1000 символов.

В целом лучшее качество результатов продемонстрировала нейронная сеть, обученная на большем количестве параметров и данных. Также важно отметить, что YaLM генерирует сходные по качеству и объему запросы, которые принципиально не меняются с каждой новой итерацией. ChatGPT в целом более эффективен, но часто нуждается в уточнениях и повторных запросах.

В процессе работы с зарубежным аналогом зафиксированы случаи, когда система произвольно переходит на английский язык, в то время как YaLM во всех случаях формулировал ответы на языке запроса.

Выводы и риски

Применение современных генеративных языковых моделей для подготовки норм и правил представляется целесообразной практикой. С учетом перспектив совершенствования подобных технологий такая практика отвечает задачам опережающего право- и нормотворчества.

По результатам проведенного исследования с учетом экспериментальной части можно заключить, что нейронная сеть способна подготовить проект нормативного правового акта при условии участия человека в формировании запроса и контроле результата. При этом необходимо учитывать следующие особенности:

– объем генерируемого текста ограничен, особенно для нейросетей, разработанных с учетом меньшего количества параметров (например, проект «Яндекса» генерирует тексты объемом примерно 500 символов);

– нейросеть с закрытым датасетом обучена на данных до определенного момента в прошлом, то есть запросить информацию 2023 года невозможно, если нейросеть была подготовлена в 2022 году;

– нейросеть не включает персональную информацию о пользователях социальных сетей и не осуществляет поиск в интернете, за исключением информации о человеке, который был включен в данные для обучения (например, Стивен Хоакинг);

– в процессе каждой новой итерации одного и того же задания более совершенная модель генерирует результат, отличающийся от предыдущих, то есть нейросеть обучается каждый раз заново и в некоторых случаях обучается на запросах (например, когда нейронной сети ChatGPT был задан вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта, а затем составлен запрос на проект акта об административном правонарушении, то модель сгенерировала акт об административном правонарушении, совершенном искусственным интеллектом);

– ChatGPT позволяет удалить предыдущие запросы, чтобы аннулировать возможность их учитывать, в YaLM такая возможность не реализована, при этом способность демонстрировать связь одного запроса с последующими слабо выражена или отсутствует;

– в нейросети интегрированы ограничения разработчиков на обсуждаемые темы, которые направлены на фильтрацию запросов, содержащих признаки расизма, национализма, сексизма и противоправных действий; в каждом конкретном случае перечень запретов будет отличаться в зависимости от политики компании разработчика;

– результаты работы нейронных сетей впечатляют, но они несовершенны, даже более функциональные модели требуют контроля со стороны человека; необходимо формулировать и корректировать запрос, а в некоторых случаях — осуществлять повторную итерацию;

– результат работы нейросети всегда представляет собой черный ящик, который функционирует таким образом, что проанализировать причины принятия того или иного решения невозможно;

– уровень оригинальности текстов в каждом случае варьируется, и при наличии требований к проценту уникальности такой текст необходимо проверять с помощью другой нейросети, которая способна найти заимствования (например, «Антиплагиат»).

Важно отметить, что использование генеративных языковых моделей в нормотворческой деятельности порождает многочисленные и разнообразные риски (перечислены ниже).

1. *Этично-коммуникативные риски:*

- 1) проблемы коммуникации нейросети и человека (оператора);
- 2) проблема отсутствия у нейросети правосознания и субъективного эмоционального и морально-нравственного конструкта;
- 3) проблема понимания нейросетью контекста ситуации в полном объеме.

2. Риски в области безопасности:

- 1) несанкционированный доступ к каналу связи нейросети и оператора (в условиях использования общедоступных сервисов);
- 2) отсутствие контроля за деятельностью лиц, осуществляющих обучение нейросети;
- 3) риски, связанные с подготовкой документов, подлежащих засекречиванию;
- 4) риски, связанные с подготовкой документов, включающих персональные данные;
- 5) риски, связанные с ошибками в системе.

3. Методологические риски:

- 1) необходимость адаптации методов оценки результатов деятельности, например обновления инструментария правового мониторинга;
- 2) проблемы подготовки стандартов и требований к квалификации специалистов в условиях, когда результат определяется методом подбора запроса и интуитивным пониманием процесса;
- 3) сложности, связанные с регламентированием деятельности нейросети и требованиями к качеству и параметрам результата;
- 4) понятийно-категориальный аспект, связанный с подготовкой необходимого терминологического инструментария.

4. Правовые риски:

- 1) в сфере интеллектуальной собственности возможны нарушения нескольких типов:
 - а) вызывает вопросы правомерность использования нейронной сети при подготовке научных работ, статей в журналы, материалов для конкурсов и мероприятий;
 - б) нейросеть способна использовать тексты, заимствованные из интернета, что потенциально может нарушать права третьих лиц;
 - в) известны случаи, когда нейросеть использовала материалы запросов одного пользователя для ответа другому пользователю; в частности, в связи с генерацией программного кода ChatGPT применял программные решения, которые дорабатывал в процессе своей деятельности;
 - г) в условиях, когда нейросеть буквально самостоятельно генерирует тексты, представляет сложность процесс разделения результатов деятельности субъекта (человека) и генеративной модели;
- 2) в сфере правового статуса и юридического содержания понятия субъекта нормотворчества (оператора), в том числе в рамках правоспособности и деликтопоспособности:
 - а) вне контекста дискуссии о гипотетической квазисубъектности нейросети возникает вопрос о распределении ответственности между производителем, пользователем и службами технической поддержки устройства;
 - б) в случае признания технологии субъектом или квазисубъектом права противоречие может быть обусловлено сложностями в части деликтопоспособности нейросети;

- в) вопрос о гипотетической возможности понимать нейросеть как носителя прав и обязанностей;
- г) очевидное решение, связанное с делегированием оператору ответственности за возможные нарушения, обусловленное обязанностью проверять итоговые тексты, не представляется эффективным; в будущем процесс цифрового нормотворчества может принять более автоматизированные формы и функции субъекта будут в большей степени делегированы самообучающимся алгоритмам.

В качестве теоретико-правовой основы регулирования вопросов цифрового нормотворчества на основе генеративных языковых моделей предлагается сформулировать концепцию цифрового лица, аналогичного по своей сути юридическому лицу. Цифровое лицо, подобно юридическому, способно обладать правами и обязанностями и нести ответственность за свои действия. Цифровое лицо может быть представлено профилем в сети Интернет (социальная сеть, онлайн-платформа); оно осуществляет свою деятельность и реализует цели и задачи посредством других субъектов (сотрудники, исполнители, подрядчики, специалисты), каждый из которых может иметь собственный аккаунт, позволяющий отслеживать действия и решения, принятые каждым конкретным оператором. В случае с юридическим лицом такие функции осуществляют сотрудники организации, в то время как применительно к проблематике нормотворческой деятельности квазиисполнителем является нейросеть.

Предложенная теоретико-правовая модель имеет опережающий характер поскольку учитывает возможное развитие качества самообучаемости и автономности генеративных языковых моделей. Если в результате формирования метакогнитивного технологического уклада процессы цифровизации права реализуются в рамках механизации, вышеописанный подход позволит обновить правовые механизмы.

Список источников

1. Гвоздецкий Д. С., Залоило М. В. К вопросу о цифровизации ведомственного нормотворчества // Право и современные государства. 2018. № 2. С. 12–20.
2. Гуляева П. С. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 58–69.
3. Пашенцев Д. А. Влияние цифровых технологий на правотворчество (теоретико-правовой аспект) // Российское и международное право: общее и особенное: материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, А. А. Дорской, А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной, В. В. Строева. М.; Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 73–76.
4. Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 1. С. 35–49.
5. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8, № 9. С. 59–69.

6. Фоков А. В. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2021. № 8. С. 119–124.

7. Jain N. Jigsaw: Large Language Models meet Program Synthesis / N. Jain [et al.] // Proceedings of the 44th International Conference on Software Engineering. 2022. May 21–29. Pittsburgh. P. 1219–1231.

8. Witt A. Converting Copyright Legislation into Machine-Executable Code: Interpretation, Coding Validation and Legal Alignment / A. Witt [et al.] // Proceedings of the 18 International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2021. June 21–25. São Paulo. P. 139–148.

References

1. Gvozdeckij D. S., Zaloilo M. V. K voprosu o cifrovizacii vedomstvennogo normotvorchestva // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2018. № 2. S. 12–20.

2. Gulyaeva P. S. Kvaziprivosub`ektnost` iskusstvennogo intellekta: teoretiko-pravovy'e aspekty` // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 2 (46). S. 58–69.

3. Pashencev D. A. Vliyanie cifrovyy`x tehnologij na pravotvorchestvo (teoretiko-pravovoj aspekt) // Rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo: obshhee i osobennoe: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati professora F. M. Rudinskogo / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, A. A. Dorskoj, A. V. Zvonareva, N. M. Ladnushkinoy, V. V. Stroeva. M.; Saratov: Saratovskij istochnik, 2019. S. 73–76.

4. Pashencev D. A. Osobennosti pravoprimeneniya v usloviyah cifrovizacii obshchestvennyh otnoshenij // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. T. 11, № 1. S. 35–49.

5. Ponkin I. V. Koncept mashinochitaemogo i mashinoispolnyaemogo prava: aktual`nost`, naznachenie, mesto v RegTekhe, sodержanie, ontologiya i perspektivy` // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8, № 9. S. 59–69.

6. Фоков А. В. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2021. № 8. С. 119–124.

7. Jain N. Jigsaw: Large Language Models meet Program Synthesis / N. Jain [et al.] // Proceedings of the 44th International Conference on Software Engineering. 2022. May 21–29. Pittsburgh. P. 1219–1231.

8. Witt A. Converting Copyright Legislation into Machine-Executable Code: Interpretation, Coding Validation and Legal Alignment / A. Witt [et al.] // Proceedings of the 18 International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2021. June 21–25. São Paulo. P. 139–148.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2023;
одобрена после рецензирования: 18.05.2023;
принята к публикации: 23.05.2023.

The article was submitted: 02.05.2023;
approved after reviewing: 18.05.2023;
accepted for publication: 23.05.2023.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.12

Н. Е. Борисова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: borisovane@mgpu.ru

Т. В. Корчагина

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ (ОБЗОР II ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 9–10 ИЮНЯ 2023 г.)

Аннотация. В статье представлен обзор II Всероссийского форума историков права — знаковой научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 9–10 июня 2023 года. С помощью общенаучных методов познания решена основная задача статьи — выявить и показать основные направления работы конференции, суммировать высказанные ее участниками позиции. Обосновано, что главной темой, звучавшей в большинстве докладов, стал вопрос о модернизации методологии историко-правовых исследований, о моделях сочетания классических и постклассических научных методов. Подчеркивается содержательный, новаторский характер резолюции, принятой участниками форума. Показана роль Ассоциации историков права в развитии современной историко-правовой науки.

Ключевые слова: история государства и права; историко-правовая наука; методология историко-правовых исследований; форум историков права; Ассоциация историков права.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.12

N. E. Borisova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: borisovane@mgpu.ru

T. V. Korchagina

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

THE HISTORY OF STATE AND LAW IN THE TRANSITION TO A NEW SCIENTIFIC METHODOLOGY (REVIEW OF THE II ALL-RUSSIAN FORUM OF LEGAL HISTORIANS, ST. PETERSBURG, JUNE 9–10, 2023)

Abstract. The article presents an overview of the Second All-Russian Forum of Legal Historians, a landmark scientific conference held in St. Petersburg on June 9–10, 2023. With the help of general scientific methods of cognition, the main task of the article is solved — to identify and show the main directions of the conference, to summarize the positions expressed by its participants. It is proved that the main topic that sounded in most of the reports was the issue of modernization of the methodology of historical and legal research, models of combining classical and postclassical scientific methods. The informative, innovative nature of the resolution adopted by the forum participants is emphasized. The role of the Association of Legal Historians in the development of modern historical and legal science is shown.

Keywords: history of state and law; historical and legal science; methodology of historical and legal research; forum of legal historians; Association of Legal Historians.

Глобальные политические катаклизмы, происходящие в современном мире, актуализируют вечную проблему сохранения национальных правовых традиций, воспроизводства лучших существовавших практик государственного развития, патриотического воспитания молодежи. В такой ситуации вновь оказался востребован богатый потенциал исторического и историко-правового знания, что придает новый стимул развитию историко-правовой науки. Одним из проявлений названных современных трендов стало создание в 2022 году Ассоциации историков права как нового института гражданского общества, движения, объединившего ученых-единомышленников из разных регионов России. В том же году был проведен I Всероссийский форум историков права, вызвавший немалый интерес в научно-педагогическом сообществе [1; 4].

9–10 июня 2023 года в Санкт-Петербурге был проведен II Всероссийский форум историков права, в котором приняли участие 144 представителя 25 субъектов Федерации. Мероприятие было посвящено 135-летию со дня рождения выдающегося историка государства и права советского времени Серафима Владимировича Юшкова, научные изыскания которого сегодня снова привлекают внимание ученых [5].

В течение двух дней продолжалась интересная и плодотворная научная дискуссия, объединенная общей тематикой — поиском методологических решений, позволяющих получать новые результаты в исследованиях истории государства и права. Содержание этой дискуссии отвечало тематике форума: «Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений». Присутствовавшие на конференции ученые с удовольствием слушали доклады коллег из самых разных городов России: Екатеринбург, Казани, Калининграда, Курска, Москвы, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Тюмени, Улан-Удэ и др. Были представлены такие научные и учебные заведения, как: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московский городской педагогический университет, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, Курский государственный университет, Тюменский государственный университет, Университет прокуратуры РФ, Омская академия МВД России, Российский государственный университет правосудия, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Балтийский государственный университет имени И. Канта, Институт философии РАН и другие. Участвовали представители судебных органов: Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ. Заседания проходили в исторических зданиях: Ленинском зале Российской национальной библиотеки и Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия (до революции — здание Ортопедического института, которое является объектом культурного наследия (памятником истории и культуры) народов Российской Федерации).

В рамках главной темы дискуссии — о методологии историко-правовых исследований — выступили: почетный член Ассоциации историков права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории государства и права МГЮУ имени О. Е. Кутафина И. А. Исаев; заместитель председателя президиума Ассоциации историков права доктор юридических наук, профессор А. А. Дорская; декан юридического факультета имени М. М. Сперанского РАНХиГС доктор юридических наук, профессор Л. Е. Лаптева; профессор МГИМО Д. Ю. Полдников; доктор исторических наук из Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова А. В. Скоробогатов; известный теоретик права доктор юридических наук, профессор И. Л. Честнов и другие ученые. В докладах прозвучало немало важных и интересных мыслей, которые требуют обдумывания.

А. А. Дорская акцентировала внимание на таких аспектах, как сравнительно небольшой интерес историков права, особенно молодых, к методологическим проблемам науки; отсутствие диссертаций по историко-правовой методологии; использование только диахронного сравнения в ущерб синхронному. В качестве одного из решений было предложено привлекать аспирантов к написанию статей методологического характера с учетом тематики их исследований.

И. А. Исаев обратил внимание на междисциплинарность как важную составную часть получения нового историко-правового знания. История государства и права, являясь открытой наукой, впитывает идеи из философии, культурологии, филологии, иных областей научно-гуманитарного знания, может с успехом использовать и методы других научных дисциплин.

И. Л. Честнов подчеркнул значение постклассической юридической методологии для истории государства и права, отметил богатый потенциал диалогической теории как основы получения нового знания о правовом прошлом, призвал учитывать социально-исторический контекст при анализе источников права далекого прошлого.

Представители Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, реализующие научный проект по гранту Российского научного фонда № 23-28-01773 (<https://rscf.ru/project/23-28-01773>), кандидаты юридических наук М. В. Залоило и Н. В. Власова на основе проведенного анализа отечественного правового опыта рассказали о генезисе и эволюции национальной правовой культуры, лежащих в ее основе архетипах и доминантах, определяющих на протяжении веков развитие российского государства и общества.

Профессор Н. В. Михайлова предложила и обосновала собственный исторический подход к постижению традиций юридического прошлого, подчеркнула возможность использования методов не только гуманитарных, но и точных наук. Обстоятельный доклад о роли С. В. Юшкова в становлении отечественной историко-правовой науки, о разработанной ученым методологии историко-правовых явлений представила Т. Н. Ильина.

Ряд докладов был посвящен проблематике преподавания истории государства и права, ее месту в подготовке будущих юристов в высших учебных заведениях. В частности, профессор С. В. Лонская отметила необходимость активного использования новых образовательных технологий, в том числе цифровых, при обучении историко-правовым дисциплинам, рассказала о возможностях использования ChatGPT при разработке дидактических заданий для студентов. Доцент М. Л. Абрамова охарактеризовала государственную образовательную политику России на современном этапе, который связан с отказом от Болонской системы, призвала в процессе преподавания истории государства и права опираться на национальные научные школы.

На конференции состоялась презентация нескольких новых изданий историко-правовой тематики, в частности профессор Д. А. Пашенцев представил участникам специализированное ежегодное издание Ассоциации историков

права — «Историко-правовой ежегодник» за 2022 год. Первый выпуск ежегодника, который сразу привлек внимание историков права нашей страны, посвящен важным вопросам истории права и государства — ее методологии, теории, практическому решению актуальных задач. В нем совмещаются высокий научный уровень и познавательная ценность высказываемых идей [2].

Профессор М. А. Кожевина презентовала и подробно охарактеризовала монографию, посвященную этапам эволюции историко-правовой науки в России, аналогов которой по глубине рассматриваемых вопросов и количеству новых архивных материалов еще не было [3]. Заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция» Е. А. Поварова рассказала о сборнике статей дореволюционного правоведа Б. Н. Чичерина «Мера и границы», подготовленном представителем Института философии РАН С. Л. Чижковым [6]. Предисловие к изданию написал почетный член Ассоциации историков права, судья Верховного суда РФ, председатель Совета судей России, доктор юридических наук В. В. Момотов.

По итогам работы форума его участники приняли резолюцию, в которой охарактеризовали свое видение направлений дальнейшего приращения историко-правового знания.

РЕЗОЛЮЦИЯ

II Всероссийского форума историков права (10 июня 2023 год, г. Санкт-Петербург)

- Принимая во внимание насущную потребность в проведении фундаментальных историко-правовых исследований и популяризации их результатов в современном социокультурном пространстве, в сохранении правового наследия и защите исторической правды, духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, в повышении авторитета науки истории права и государства,

- учитывая риски пренебрежительного отношения к историческому прошлому, которое негативно отражается на настоящем и будущем,

- руководствуясь необходимостью модернизации подходов историко-правовой науки к получению и систематизации новых знаний, исходя из тех возможностей, которые появились в ходе происходящей цифровой трансформации общественной жизни и преодоления негативных последствий кризиса исторической памяти в информационном обществе,

- отмечая необходимость укрепления связей в рамках национального и международного сообщества историков и правоведов, а также объединения ученых, специализирующихся в области академической историко-правовой науки, с представителями иных общественных наук,

- осознавая возрастающую роль междисциплинарной методологии в историко-правовых научных исследованиях, выражая уверенность в важности

историко-правовых знаний в эффективной реализации государственной научно-образовательной политики и патриотического воспитания граждан,

• опираясь на положительный опыт работы Ассоциации историков права, **участники Всероссийского форума историков права совместно с Ассоциацией историков права отмечают:**

– изучение истории права и государства дает богатый материал для формирования общеправовой культуры и широкого кругозора, правового и патриотического воспитания и просвещения, основы для активного включения молодежи в деятельность гражданского общества;

– в современных условиях приращение знаний об истории права и государства, о ретроспективной динамике общественных процессов имеет важное значение не только для формирования научной картины развития социума, но и для эволюции государственно-правовых институтов, укрепления народо-властия, взаимного доверия общества и государства;

– одним из стратегических направлений ценностного наполнения результатов проводимых исследований историко-правового прошлого является сохранение и приумножение богатых традиций российского социума, государства и научного сообщества;

– осуществление совместной работы отечественных экспертов и ученых в области исторического и правового знания, научного исторического сообщества и институтов гражданского общества позволит решить многие современные проблемы социально-гуманитарного знания, связанные с интерпретацией историко-правового прошлого;

– научно-методологический аппарат юридической науки претерпевает серьезные изменения на основе синтеза устоявшихся классических методов научного познания с новой методологией, характерной для постнеклассической научной рациональности.

На основе вышеизложенного и по результатам обсуждения научной повестки II Всероссийского форума историков права, докладов его участников и деятельности Ассоциации историков права **предлагается:**

– более широко привлекать молодежь к участию в проводимых мероприятиях для расширения и укрепления корпуса молодых ученых, проявляющих заинтересованность в исследовании истории права и государства;

– активизировать усилия по подготовке, изданию и распространению новаторских научных работ в сфере истории права и государства, истории учений о праве и государстве, истории и философии права, включая издание «Историко-правового ежегодника»;

– обратить особое внимание на исследование ценностного содержания правовых традиций социума, государства и научного сообщества на предмет и периодизацию историко-правовой науки;

– продолжить проведение регулярных приуроченных к знаменательным, юбилейным и мемориальным датам историко-правовых мероприятий (включая Всероссийский форум историков права) в разных городах России с целью

повышения интереса в обществе к историко-правовой проблематике, для популяризации историко-правового знания;

– усилить внедрение в историко-правовую науку новых методологических решений и подходов к осмыслению ранее известных и вновь возникших феноменов;

– проводить междисциплинарные историко-теоретические, сравнительно-исторические и иные исследования и обмениваться их результатами на площадке ежегодного Всероссийского форума историков права и страницах «Историко-правового ежегодника», а также в иных форматах с участием Ассоциации историков права, призванной консолидировать экспертное и научное сообщество для объединения усилий в разработке актуальных научных тем и вопросов на основе классической и новой методологии, активизировать научно-издательскую деятельность.

Список источников

1. Борисова Н. Е. Историко-правовая наука перед лицом новых вызовов (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 3. С. 127–131.

2. Историко-правовой ежегодник – 2022 / ред. кол.: Д. А. Пашенцев, А. А. Дорская, М. В. Залоило и др. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 308 с.

3. Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). М.: Норма, 2023. 576 с.

4. Михайлова Н. В. История государства и права: традиции и инновации (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 2. С. 48–51.

5. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С. В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // История. 2023. Т. 14. URL: <https://history.jes.su/s207987840024815-5-1/>

6. Чичерин Б. Н. Мера и границы / предисл. В. В. Момотова; подгот. текста С. Л. Чижкова. М.: Развитие правовых систем, 2003. 400 с.

References

1. Borisova N. E. Istoriko-pravovaja nauka pered licom novy'h vy'zovov (obzor Vserossijskogo foruma istorikov prava, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2022 g.) // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2022. № 3. S. 127–131.

2. Istoriko-pravovoj ezhegodnik – 2022 / red. kol.: D. A. Pashencev, A. A. Dorskaja, M. V. Zaloilo i dr. M.: Infotropik Media, 2023. 308 s.

3. Kozhevina M. A., Jashhuk T. F. Jevoljucija nauki istorii prava i gosudarstva Rossii (XVIII–XX vv.). M.: Norma, 2023. 576 s.

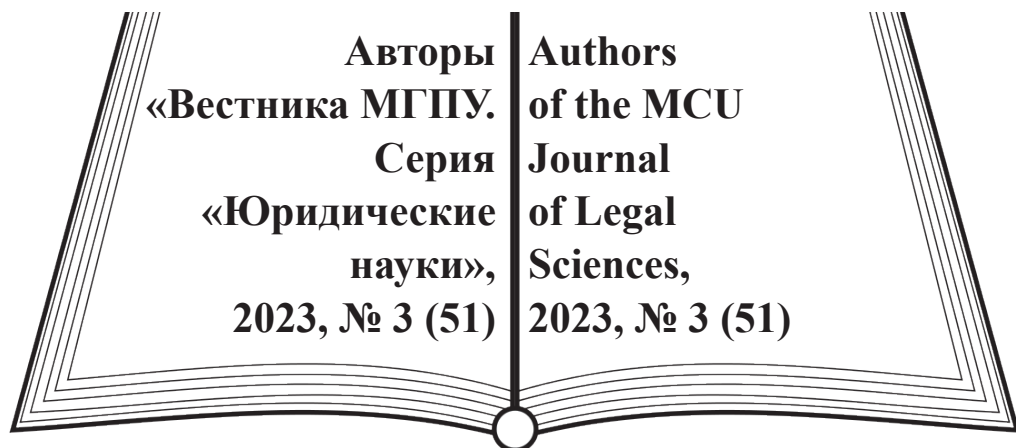
4. Mihajlova N. V. Istorija gosudarstva i prava: tradicii i innovacii (Obzor Vserossijskogo foruma istorikov prava, Sankt-Peterburg, 10–11 ijunja 2022 g.) // Mezhdunarodny`j zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2022. № 2. S. 48–51.

5. Pashencev D. A., Zaloilo M. V. Diskussija 1950 g. o «Russkoj pravde» S. V. Jushkova (k 135-letiju so dnja rozhdenija uchenogo) // Istorija. 2023. T. 14. URL: <https://history.jes.su/s207987840024815-5-1/>

6. Chicherin B. N. Mera i granicy` / predisl. V. V. Momotova; podgot. teksta S. L. Chizhkova. M.: Razvitie pravovy`h sistem, 2003. 400 s.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2023;
одобрена после рецензирования: 18.05.2023;
принята к публикации: 23.05.2023.

The article was submitted: 02.05.2023;
approved after reviewing: 18.05.2023;
accepted for publication: 23.05.2023.

Беляева Ольга Александровна — доктор юридических наук, профессор РАН, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Beliaeva Olga Alexandrovna — Doctor of Law, Professor of RAS, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: civil@izak.ru

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, права и управления Московского городского педагогического университета.

Borisova Natalia Evgen'evna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Law and Management of the Moscow City University.

E-mail: borisovane@mgpu.ru

Волков Дмитрий Александрович — старший преподаватель кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Volkov Dmitrij Aleksandrovich — Senior Lecturer of the Forensics Department at Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

E-mail: demonhik2005@yandex.ru

Григоров Дмитрий Николаевич — соискатель кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Grigorov Dmitrij Nikolaevich — Postgraduate Researcher at the Department of Criminal Law of Southwest State University.

E-mail: dmitriygrigorov2021@yandex.ru

Гуляева Полина Сергеевна — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, младший научный сотрудник Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова.

Gulyaeva Polina Sergeevna — Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Junior Researcher at Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

Гусакова Юлия Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Gusakova Yulia Sergeevna — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Business Law of the Belgorod State National Research University.

E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

Ковалева Наталья Витальевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Kovaleva Natalia Vitalievna — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

E-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Корчагина Тамара Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, права и управления Московского городского педагогического университета.

Korchagina Tamara Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Law and Management of the Moscow City University.

E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

Кравчук Алексей Андреевич — кандидат политических наук, юрисконсульт ООО «Космический центр “Морской старт”».

Kravchuk Alexey Andreevich — Candidate of Political Sciences, Legal Adviser of the Space Center Sea Launch.

E-mail: zkv3krava@mail.ru

Крупеня Елена Михайловна — доктор юридических наук, доцент, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Krupenya Elena Mikhailovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: krupenyaem@mgpu.ru

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Matchanova Zoya Sharifovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Сальников Александр Сергеевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Salnikov Alexander Sergeevich — Candidate of Law, Leading Researcher of the Department for the Study of Problems of the History of the Ministry of Internal Affairs of Russia Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

E-mail: nevsky5@rambler.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Law, Leading Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Сурилов Меир Нисонович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Surilov Meir Nisonovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Plekhanov Russian University of Economics.

E-mail: ieup.info@mgpu.ru

Туранин Владислав Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Turanin Vladislav Yurievich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Belgorod State National Research University.

E-mail: turanin@bsu.edu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись

в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2023, № 3 (51)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 30.10.2023 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 9,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.